
D 9/289
r. 1

О РОДѢ

КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХЪ,

СОБРАНІЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ ИХЪ,

ГРАМОТЪ И ПИСЕМЪ КЪ НИМЪ

РОССІЙСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ,

СЪ XVI ДО ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА, И ДРУГИХЪ ФАМИЛЬНЫХЪ БУМАГЪ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ПОКОЛѢННОЙ РОСПИСИ ПРЕДКОВЪ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХЪ СЪ XVI-ГО ВѢКА.

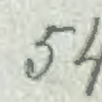
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1

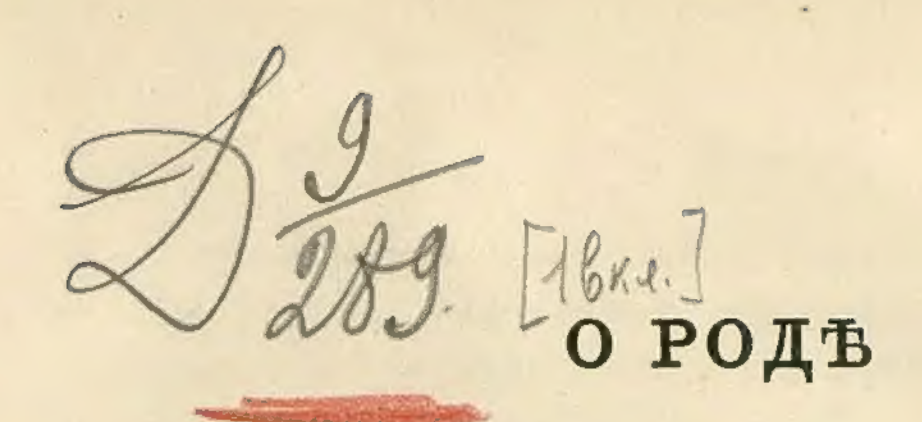
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

О РОДѢ

КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХЪ.

О РОДѢ

КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХЪ.

СОБРАНІЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ ИХЪ, ГРАМОТЪ И ПИСЕМЪ КЪ НИМЪ РОССІЙСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ,

СЪ XVI ДО ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА И ДРУГИХЪ ФАМИЛЬНЫХЪ БУМАГЪ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ПОКОЛѢННОЙ РОСПИСИ ПРЕДКОВЪ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХЪ СЪ XIV-ГО ВѢКА.

«На семъ свѣтѣ не умретъ и не минется слава добрая»

Слова Юсуфа въ грамотѣ къ Царю
Іоанну Васильевичу Грозному.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Типографія П. Тиблена и К°. (Н. Неклюдова).
Вас. Остр., 8 л., № 25.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ собраніе грамотъ и другихъ фамильныхъ актовъ, относящихся къ роду князей Юсуповыхъ, признаю необходимымъ присоединить отдѣльныя ихъ жизнеописанія, которыя составятъ первую часть этой книги.

Записки и біографіи вообще служатъ дополненіемъ исторіи. Она раскрывается съ большею ясностію, когда лица, бывшіе участниками событій вѣка, выставлены съ ихъ характерами, нравами и привычками ихъ.

Вникая въ характеръ лицъ, игравшихъ значительную роль въ теченіе ихъ жизни, и слѣдя за ихъ частнымъ и политическимъ бытомъ, можно яснѣе видѣть вліяніе ихъ на вѣкъ ихъ, развитіе ихъ направленія, цѣль, достигаемую ими, все это, можно сказать, предстаетъ осязательно для историка, какъ въ твореніи ваятеля, обсѣкающаго глыбу мрамора для проявленія въ ней жизни.

Болѣе трехъ вѣковъ родъ Юсуповыхъ принималъ участіе въ событіяхъ, утверждавшихъ Россію. Имя ихъ найдетъ мѣсто въ исторіи не по однимъ подвигамъ

мужества, которыми они ознаменовали себя: жизнь ихъ представила блистательныя свидѣтельства и гражданской ихъ дѣятельности, и ничѣмъ не помраченная честь была лучшимъ ихъ достояніемъ.

Въ XVI вѣкѣ мы видимъ величественную личность старца Юсуфа, то помогающаго, то противоборствующаго Іоанну Грозному и бывшаго съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Іоаннъ зналъ могущество Юсуфа, котораго любимая дочь, Сумбека, была царицей Казани. Онъ самъ во главѣ воинственной орды властвовалъ на южныхъ берегахъ Дона и Волги и принималъ посольства отъ властителей, искавшихъ союза съ нимъ. Іоаннъ зналъ и доблестныя свойства Юсуфа, привыкшаго руководиться мыслію:

«Не умретъ и не минется слава добрая!» (*)

Столѣтіемъ позже, Абдулъ-Мурза, Русскій въ душѣ, хотя тогда еще мусульманинъ, принялъ христіанство въ 1681 году, съ именемъ князя Димитрія. Неустрашимый воинъ, онъ ознаменовалъ себя въ походахъ противу опустошительныхъ вторженій Крымскаго Хана и въ войнѣ съ Польшею, окончившейся славнымъ миромъ, возвратившимъ Россіи древнія ея области, почему и воздана признательность ему и на память — роду его, въ грамотѣ, жалованной ему отъ двухъ юныхъ единодержавныхъ Царей: Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Во время Петра Великаго мы видимъ лицо, выступающее съ замѣчательною дѣятельностію изъ среды сподвижниковъ Петра. Это князь Григорій Дмитріевичъ.

Этотъ неутомимый сановникъ въ нѣсколько мѣсяцевъ устроилъ гребную флотилію, исполняя предначер-

(*) О родѣ Князей Юсуповыхъ, ч. 2-я, стр. 30.

танія Петра; одаренный проницательностію, онъ, можно сказать, предугадывалъ намѣренія Царя и участвовалъ и въ походахъ его и въ правительственныхъ его распоряженіяхъ.

Сынъ его, князь Борисъ, присоединилъ къ своимъ просвѣщеннымъ стремленіямъ знанія человѣка государственнаго и выполнялъ съ усердіемъ всѣ возлагаемыя на него должности: въ особенности по образованію разсадника питомцевъ для военнаго поприща. Сухопутный кадетскій корпусъ былъ девять лѣтъ подъ его управленіемъ, до принятія начальства самимъ Наслѣдникомъ престола. Труды по предметамъ торговли, мануфактуръ и по установленію правъ дворянства, не были ему чужды, что видно изъ собственныхъ его бумагъ. Онъ всегда стремился къ *цивилизаціи*, приспособленной къ государственной и общественной пользѣ. Подъ управленіемъ его совершалось безопасное плаваніе по открытому въ 1730 г., Ладожскому каналу; онъ въ особенности заботился о распространеніи водяныхъ сообщеній по Россіи, во время же отсутствія Императрицы въ Москву завѣдывалъ оставленною въ Петербургѣ канцеляріею Сената.

Въ концѣ XVIII вѣка является князь Николай Борисовичь, соединившій всѣ лучшія качесвта своихъ предковъ: благородство характера, умъ тонкій и образованный, чувство своего достоинства и безграничную преданность къ Царямъ.

Сохраненныя имъ преданія предковъ устояли противу всѣхъ общественныхъ переворотовъ. Онъ былъ воплощеніемъ французской вѣжливости того вѣка, который уступилъ мѣсто англійскому равнодушію, усилен-

ному позднѣйшею безцеремонностію. Его постоянныя путешествія, его сближеніе со всѣми знаменитыми людьми того времени, способствовали къ развитію его ума. Волтеръ отворилъ ему двери въФерней, въ который князь вступилъ съ свободою привычнаго посѣтителя, и святилище Дидерота и Даламберта нисколько не пугало его. Онъ наблюдалъ, сравнивалъ, изучалъ и послѣдовалъ совѣту, данному ему отъ Бомарше:

«Подвергайте все разсмотрѣнію опытности,
«Не вдаваясь въ пылкое увлеченіе.»

Когда такіе лица движутся въ исторической рамѣ народа, то безъ сомнѣнія достойны вниманія и частныя подробности жизни ихъ, для поясненія ихъ отношеній, характеристики событій и чтобы придать живыя краски исторической картинѣ.

Предоставляю другимъ сужденіе о характерахъ, изображенныхъ въ слѣдующихъ за симъ біографіяхъ, составленныхъ на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, но заключу искреннимъ признаніемъ, что утѣшительно внести въ страницы исторіи имена своихъ предковъ, когда, со времени водворенія ихъ въ Россіи, цѣлію жизни ихъ было —посвятить себя на пользу страны, озарившей ихъ просвѣщеніемъ истинной вѣры, и службѣ Государямъ, возвысившимъ и прославившимъ Россію.

Князь Н. Юсуповъ.

Монтрё (въ Швейцаріи)
$^{5}/_{17}$ марта, 1866 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Родъ князей *Юсуповыхъ* ведетъ свое начало отъ *Юсуфа*, могущественнаго владѣтельнаго князя Ногайской орды, отца Казанской царицы Сююнбеки (Сумбеки), бывшаго въ сношеніяхъ съ Іоанномъ Грознымъ и пересылавшагося съ нимъ посольствами.

По грамотамъ Іоанна къ Юсуфу и Юсуфа къ Іоанну, хранящимся въ московскомъ государственномъ архивѣ, видно, что *Юсуфъ* былъ прямой потомокъ знаменитаго *Эдигея* Мангита, Тамерланова полководца, ордынскаго вождя и князя.

Эдигей былъ признаваемъ потомкомъ мусульманскихъ Султановъ, обладавшихъ Дамаскомъ, Антіохіею, Меккою и пр.—Вотъ почему и на гробницѣ князя Григорія Дмитріевича Юсупова, въ Москвѣ, начертано въ надписи: «*вѣтвь отъ златаго иногда корене князей, многія порфиры носившихъ*», а въ сношеніяхъ съ Юсуфомъ Турецкаго Султана *Солимана* Юсуфъ наименованъ былъ отъ самаго султана «*княземъ князей*». (*)

Для указанія происхожденія сего пышнаго титла надлежитъ пояснить, что въ древнемъ родословномъ

(*) Продолж. древн. Росс. Вивл., ч. VIII. ст. 175.

свиткѣ, еще въ концѣ XVII вѣка, представленномъ въ разрядный приказъ достопамятнымъ по доблестной службѣ стольникомъ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Юсуповымъ, указаніе предковъ Юсуфа восходитъ до *Абубекира, правившаго послѣ Магомета всѣмъ мусульманскимъ родомъ»*, какъ сказано въ актѣ. Но это былъ не Абубекиръ тесть Магомета, послѣ него правившій мусульманами, а соименный ему чрезъ три вѣка, *Абубекиръ бенъ-Райокъ,* дѣйствительно также правившій всѣми мусульманами и пользовавшійся титуломъ *Эмира ель-Омра,* князя князей и султана султановъ, соединяя въ лицѣ своемъ правительственную и духовную власть. (*) Это былъ верховный сановникъ изчезавшаго въ упоеніи нѣги и роскоши Калифа Ради-Биллага, предоставившаго ему всю власть свою въ духовномъ и свѣтскомъ значеніи.

Могущество Эмира ель-Омра было предѣломъ власти Калифовъ и обозначило эпоху паденія Калифата. Потомки Абубекира бенъ-Райока были правителями, султанами, съ царскою властію, въ разныхъ мѣстахъ: въ Дамаскѣ, въ Антіохіи, и пр. Иные изъ нихъ погребены въ Меккѣ, въ самой Каабѣ или возлѣ нея (*Баба-тюклесъ* и два сына его: *Аббасъ* и *Абдурахманъ*). Султанъ *Термесъ* или *Термя*, третій сынъ *Бабатюклеса*, въ 16-мъ колѣнѣ отъ Абубекира бенъ-Райока, тѣснимый враждебными обстоятельствами, переселился на сѣверъ отъ Аравіи, къ берегамъ Азовскаго и Каспійскаго моря, гдѣ, по преданію, между Волги и Яика (**) была его

(*) О немъ упоминается въ *l'Univers pittoresque*, въ отдѣлѣ *Arabie*, и р. 460 въ восточной библіотекѣ (Bibliotheque *Orientale* Гербелота, подъ словомъ: «*Emir al-Omrah*».

(**) Такъ назывался прежде *Уралъ*.

родина. Пользуясь своимъ значеніемъ, онъ увлекъ за собою многія племена преданныхъ ему мусульманъ. Ведя странническую, кочевую и боевую жизнь, они заняли обширное пространство между Дономъ и Ураломъ, а потомъ между Ураломъ и Волгою, гдѣ впослѣдствіи и образовалась сильная Ногайская орда.

Не входя въ подробныя розысканія сомнительной древности, укажемъ, что и въ самомъ Высочайше утвержденномъ Гербовникѣ (въ 3-й части) отмѣчено, что потомки *Абубека* (то есть, Абубекира, предка Юсуповыхъ) (*) въ древнѣйшія времена въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ были царями. Тоже свидѣтельствуетъ древній столпецъ съ выпискою изъ старыхъ родословныхъ, писанною и завѣренною въ 1656 г. Абдуломъ Культеевымъ, и поколѣнная роспись, представленная въ разрядный приказъ за общимъ подписаніемъ Князей Юсуповыхъ. (**)

Все это согласуется и съ древнѣйшими свидѣтельствами и грамотами Юсуфа къ Царю Іоанну Васильевичу, и съ титломъ, даннымъ Турецкимъ Султаномъ Солиманомъ Юсуфу, о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Завѣса вѣковъ многое скрыла отъ глазъ, и многое

(*) Абубекиръ, по недоразумѣнію списывателей родословія, привыкшихъ къ именамъ Ази-Гирея, Менгли-Гирея, превращенъ въ *Абу-Бекъ*-Кирѣя, а *бекъ-райокъ* въ *сынъ-Докъ*, что вошло и въ примѣчанія къ Гербовнику, част. 3-я.—Впрочемъ *Бекъ* — въ переводѣ съ араб. на русскій языкъ и означаетъ *сынъ*, а въ старинномъ письмѣ, съ сокращеніемъ, подъ титлами, *Райокъ* — могъ обратиться въ *Докъ*.

(**) Столпецъ и роспись помѣщены во второй части нашей книги: стр. 3 и 343.

можетъ показаться сомнительнымъ, но и при невозможности указать съ опредѣлительною точностію поколѣнную послѣдовательность предковъ рода Юсуповыхъ *до Эдигея,* происхожденіе рода ихъ отъ царственныхъ лицъ не подвержено сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе потомки Юсуфа старались утвердить свою знаменитость болѣе на личныхъ доблестяхъ, чѣмъ на высокомъ происхожденіи.

ЭДИГЕЙ.

Потомокъ Термеса, *Эдигей*, или *Идигей Мангитъ*, (*) вождь и Князь Ордынскій, знаменитѣйшій изъ полководцевъ Тимура или Тамерлана, сопутствовалъ ему въ походахъ его. Онъ же помогъ Тамерлану уничтожить опаснѣйшаго врага. Тохтамышъ, въ конецъ разгромившій Мамая, опустошитель Москвы, устремясь на борьбу съ Тамерланомъ, по историческимъ свидѣтельствамъ — палъ отъ руки Эдигея. (**)

По смерти Тимура, могущественный правитель Большой Орды, Эдигей возводилъ и низлагалъ Хановъ, подчинилъ своей власти Кумкентъ, владѣніе Хана Джанбека (Чанибека), сразился и съ храбрѣйшимъ изъ Литовскихъ Князей, знаменитымъ Витовтомъ (Витольдомъ) и въ 1339 г. одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду на берегахъ Ворсклы. Наконецъ, для новыхъ подвиговъ и новыхъ добычь, Эдигей въ 1408 г. вторгнулся даже въ средину Россіи, подступилъ съ войсками къ самой Москвѣ, но въ это же время безпрерывныя волненія, потрясавшія Большую Орду, потребова-

---

(*) *Мангитами* назывались *Ногайцы*. (Изслѣдов. о Касимовскихъ Царяхъ и Царевичахъ, стр. 321).

(**) *Тамъ же*. Стр. 229, въ указаніи статьи: родъ Царей Крымскихъ, Казанскихъ и Астраханскихъ.

ли тамъ его присутствія.—Эдигей предложилъ мирныя условія и удовольствовался полученіемъ денежнаго платежа (окупомъ) (*).

При возникшихъ междоусобіяхъ въ Большой Ордѣ, сохраняя свою независимость, предпріимчивый и неутомимый въ подвигахъ, Эдигей отклонился къ югу и при Черномъ морѣ занялъ земли, еще съ XIII-го вѣка заселенныя ногайскими татарами, гдѣ и положилъ основаніе Крымской орды. (**) Старецъ видѣлъ, что цѣлыя племена собирались вокругъ него, привлекаемыя славою его имени и доблестей. Владѣнія ногайскихъ татаръ распространились отъ устья Дона до устья Волги, и отъ подошвы горъ уральскихъ до Астрахани и предѣловъ Крымскихъ. Еще борясь съ гордымъ Витовтомъ, хотѣвшимъ отмстить за свое пораженіе и не теряя силы духа и въ лѣтахъ глубоко-преклонныхъ, Эдигей въ 1416 г. опустошилъ многія Литовскія области и Кіевъ, бывшій тогда подъ властью Витовта. Наконецъ, утомленный трудами и заботами войны, и сознавая, что всему есть время, самъ Эдигей предложилъ Витовту миръ; прислалъ къ нему трехъ верблюдовъ подъ красными покрывалами, и двадцать семь коней, и писалъ въ грамотѣ: «Князь знаменитый! Старость застигла обоихъ насъ въ трудахъ и подвигахъ: посвятимъ миру остальные дни жизни. Кровь павшихъ въ битвахъ поглощена землею, вѣтеръ развѣялъ слова укора и гнѣва, пламя войны очистило сердца отъ зла,

(*) Это было при сынѣ Димитрія Донскаго Великомъ Князѣ Василіѣ Димитріевичѣ. Ист. Госуд. Россійск. Карамзина, т. V, стр. 115.

(**) *Тамъ же*. Т. V, стр. 213.

а вода угасила пламя.» — И Витовтъ, испытавъ силу старца Эдигея, не отвергъ его предложенія: они примирились.

Со временъ Эдигея Ногайскіе улусы стали именоваться *Мангитскими*.

Сынъ Эдигея, по родословной Народыкъ, а вѣроятнѣе Нуреддинъ-Мурза, и внукъ, Акасъ, были въ безпрерывномъ раздорѣ съ своими многочисленными братьями. И всѣ они, раздѣлясь и враждуя за дѣлежи, одинъ за другимъ погибли въ междоусобіяхъ, теряя плоды счастія и мужества Эдигея.

МУСА-МУРЗА.

Счастливѣе былъ правнукъ Эдигея, *Муса-Мурза*, (*) могущественный Князь, сдѣлавшійся верховнымъ правителемъ сильной Ногайской орды. При немъ начались постоянныя дружественныя сношенія ногайскихъ владѣтелей съ Россійскими Государями. Онъ былъ союзникомъ Великаго Князя Іоанна III-го, и поднявшись съ Ногайскимъ ополченіемъ вверхъ по Яику, нынѣ Уралу, въ 1480 г. вспомоществовалъ родственнику его Тюменскому Князю Иваку (**) разгромить Кипчатское Государство и совершенно ослабить такъ называемую Золотую орду, а Менгли Гирей, царь Крымскій, довершилъ паденіе золотой орды въ 1502 г. Такимъ образомъ тучи, облегавшія Россію, сшибаясь одна съ другою, истощали свои силы и небосклонъ ея прояснялся.

Муса-Мурза по восточному обычаю былъ многоженцемъ, и отъ пяти женъ оставилъ многочисленное потомство. Отъ первой изъ нихъ, Конедозы или Кон-

---

(*) *Муса*—Арабское наименованіе *Моисея*, въ честь котораго давалось это имя мусульманами, также какъ *Юсуфъ*—наименованіе *Іосифа*. Мурза (у Персіянъ Мирза) значило *Князь*, *сынъ Князей*.

(**) Муса-Мурза былъ шуринъ князя Ивака. — См. Исторію Госуд. Росс. Карамзина и Атласъ Ахматова, Карт. 71.

дазы, именуемой въ родословныхъ царицею, онъ оставилъ семь сыновей, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны Сеидъ-Ахметъ или Шейдякъ, Шихъ-Мамай или Шихмаметъ, *Юсуфъ* — пятый сынъ, и *Измаилъ*— меньшой сынъ Мусы. (*)

Образъ жизни ногайскихъ татаръ, отличаясь первобытною простотою, соединялъ кочевое странствованіе съ богатырскими подвигами героическихъ временъ. Съ самаго дѣтства Ногайцы пріучались къ управленію конями и съ легкостію вѣтра переносились по необозримымъ степямъ, гдѣ искали привольныхъ пастбищъ стадамъ своимъ и привыкали къ боевой жизни, испытывая силы въ борьбѣ, въ метаніи стрѣлъ, въ гонкѣ коней. Вольный воздухъ укрѣплялъ ихъ въ трудахъ, превращалъ юношей въ богатырей. Эта удалая жизнь представляла имъ свои прелести: живя въ кибиткахъ и въ шатрахъ, они легко могли перемѣнять мѣста своего пребыванія, искать удальствомъ добычи, наѣздничать—и возвращаться съ корыстями. Послѣ сего не удивительно, что Эдигей, Муса и впослѣдствіи Юсуфъ, могли считать сотнями тысячъ воинскія силы свои; по временамъ Ногайцы вели и торговлю, особенно лошадьми, пригоняя по нѣскольку тысячъ коней въ Москву, мѣстами строили укрѣпленія, а въ правленіи, повинуясь своимъ родовымъ князьямъ, вмѣстѣ съ ними, какъ дѣти отцу, подчинялись старѣйшему Князю. Крѣпкій панцырь для битвъ, теплая шуба на зиму, были главнымъ предметомъ желаній самихъ князей ихъ, что можно видѣть изъ множества мѣстъ въ грамотахъ Ногайскихъ князей къ союзникамъ ихъ.

(*) Дочь Мусы, сестра Юсуфа, была супругою Магометъ-Аминя, Царя Казанскаго. Ист. Гос. Рос. Карам. V. ст. 118

ЮСУФЪ,

ВЛАДѢТЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ НОГАЙСКІЙ,

ЮНУСЪ-МУРЗА, СЫНЪ ЕГО,

и

СУМБЕКА, ДОЧЬ ЮСУФА,

ЦАРИЦА КАЗАНСКАЯ.

Родоначальникъ Князей Юсуповыхъ, владѣтельный Князь Ногайской Орды, Юсуфъ, признавалъ себя потомкомъ многихъ Султановъ и былъ праправнукомъ Эдигея. Въ грамотахъ къ Царю Іоанну Васильевичу онъ писалъ: *«отъ отца нашего* Эдигея», принимая слово *«отца»* въ значеніи *прародителя*, *предка*.

Юсуфъ былъ однимъ изъ могущественныхъ ордынскихъ владѣтелей. Ногайская Орда кочевала отъ южныхъ береговъ Яика до Волги. Она управлялась верховнымъ Княземъ и Князьями, подвластными ему, съ званіемъ Нурредина, Кейкуата и Мурзы. Юсуфъ сдѣлался верховнымъ правителемъ орды, послѣ брата своего *Шихъ-Мамая*, (*) наслѣдовавшаго *Сеидъ-Ахмету*. (**)

Въ своихъ грамотахъ къ Іоанну Юсуфъ говоритъ о Ногайскомъ владѣніи, какъ о *Государствѣ*, (***) такъ сильна была въ то время Ногайская Орда. Двадцать лѣтъ Юсуфъ былъ постоянно союзникомъ Царя Іоанна Васильевича, доколѣ Казань не послужила поленъ раздора. Въ грамотахъ къ Іоанну Юсуфъ называлъ Царя *другомъ* и *братомъ*, пересылаясь съ нимъ посольствами и гонцами.

(*) Онъ же *Шихмаметъ*, сокращенно отъ *Шихъ-Магметъ*.

(**) Онъ же именовался *Шейдякомъ*.

(***) См. Прод. др. Рос. Вив. часть VIII. стр. 103.

Сношенія Юсуфа съ Іоанномъ начались еще при Сеидъ-Ахметѣ. Юсуфъ посланъ былъ отъ верховнаго Ногайскаго Князя съ войскомъ, противъ казаковъ, тревожившихъ Ногайцевъ наѣздами, и двинулся такъ стремительно, что по собственнымъ словамъ его—«*какъ бы съ воздуха упалъ на казацкія земли.*» — Но желая отклонить неудовольствіе Царя, Юсуфъ поставлялъ на видъ, что казаки вызвали походъ Ногайцевъ, и назвалъ себя «*неповиннымъ въ побѣдѣ*». (*)

Заботясь о безопасности пути въ Москву для торговли Ногайцевъ, Юсуфъ изъявлялъ желаніе, чтобы между Русскими и Ногайцами «*и бѣдная вдова и дитя сирота*» могли отправляться безопасно въ свой путь и обратно. (**) Съ своей стороны Юсуфъ обязывался удерживать и братьевъ своихъ и сыновей отъ набѣговъ на русскіе предѣлы.

При всемъ томъ случались и столкновенія между Русскими и Ногайцами. Юсуфъ жаловался въ особенности на донскихъ наѣздниковъ, нападавшихъ на Ногайскихъ пословъ и отбивавшихъ торговые караваны. Царь отвѣчалъ, что хищниковъ преслѣдуютъ и пойманныхъ предаютъ казни, но успѣвшихъ спастись бѣгствомъ предоставлялъ Юсуфу ловить и присылать. Іоаннъ писалъ при томъ: «*На полѣ всегда всякихъ людей много, разныхъ Государствъ, кто же ограбитъ, тотъ своего имени не скажетъ.*»(***) Русскіе удальцы отбивали коней у Ногайцевъ; казаки продолжали захватывать торговыхъ ногайскихъ людей, ѣдущихъ въ Россію или возвращаю-

---

(*) О родѣ Кн. Юсуп., часть 2, стр. 9.

(**) *Тамъ же*, стр. 31.

(***) *Тамъ же*, стр. 90 и 96.

щихся оттуда.—Но и отважнѣйшіе ногайскіе наѣздники, вторгаясь въ предѣлы Россіи, попадались въ плѣнъ, напримѣръ: *Аллахъ-Куватъ*, родственникъ Юсуфа, увлекшись дерзостью богатырскаго удальства, захваченъ былъ Русскими. И Юсуфъ, и сынъ его Юнусъ настоятельно и много разъ просили о возвращеніи Аллахъ-Кувата, Іоаннъ молчалъ... но судьба дерзкаго наѣздника была уже рѣшена, и наконецъ, когда Юсуфъ не переставалъ домогаться свободы Аллахъ-Кувата, Царь отвѣчалъ ему, что «*мертваго не воскресить*».

Въ грамотахъ Юсуфа замѣчательна патріархальная простота и свободная искренность въ объясненіяхъ съ Россійскимъ Царемъ, могущественнымъ и грознымъ властителемъ. «*Не умретъ и не минетъ на семъ свѣтѣ имя доброе*», онъ писалъ Іоанну. (*) Въ другой разъ, хвалясь постоянствомъ вѣрности въ словѣ, добавилъ: «*невѣрный слову своему ни на семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ за добраго не почтется.*» Замѣтимъ еще, что объ отклоненіи вражды Юсуфъ писалъ: «*У кого будетъ тысяча друзей, считай ихъ за одного; у кого одинъ непріятель, считай ихъ за тысячу.*» (**) Впослѣдствіи эта мысль была забыта самимъ Юсуфомъ и онъ сдѣлался жертвой сего забвенія.

Ногайскіе послы являлись въ Москвѣ съ многочисленнымъ отрядомъ ногайскихъ всадниковъ, иногда до тысячи человѣкъ, и при нихъ нѣсколько тысячъ коней, сколько для пышности въѣзда, не менѣе того для продажи и торговыхъ сдѣлокъ. Просьба не задерживать посланныхъ, принять съ почетомъ, надѣлить ихъ да-

(*) О родѣ Кн. Юсупов., ч. 2. стр. 42.
(**) *Тамъ же*, стр. 65.

рами, была обыкновенным заключеніемъ грамотъ Юсуфа.

Въ московскихъ архивахъ сохранилась только отчасти переписка Юсуфа и сыновей его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, но и этого довольно, чтобъ видѣть, какъ велико было значеніе верховнаго владѣтельнаго Князя Ногайской Орды, при которомъ иногда находились дѣти четырехъ Царей: Крымскаго, Астраханскаго, Казанскаго и Сибирскаго. (*) Не одни сосѣдственные владѣтели искали дружбы его.

Въ тоже время, когда Іоаннъ Грозный отправилъ съ дарами (**) къ Юсуфу посланника, Петра Тургенева, тогда же явились еще два посольства: отъ хана Крымскаго и отъ Султана Турецкаго (***), надѣявшихся привлечь къ себѣ Юсуфа на помощь мусульманамъ.

Могущественный Солиманъ, котораго царствованіе было изъ самыхъ блистательныхъ въ Турціи, не только послалъ богатые дары Юсуфу, но еще почтилъ его титломъ «*Князя Князей и Султана Султановъ*», тѣмъ самымъ, которое усвоено было Абубекиромъ, Эмиромъ ель-Омра.

Это свидѣтельствуетъ, что потомки Юсуфа не безъ основанія выводили свое происхожденіе отъ Царей.

(*) О родѣ Кн. Юсуф., ч. 2, стр. 74, въ грамотѣ Юсуфова сына. По Еналею и Дервишь-Царю Юсуфъ былъ въ родствѣ съ Астраханью, по Сафгирею — съ Крымомъ, по Сумбекѣ — съ Казанью.— Акъ-Мурза, сынъ Юсуфа, былъ женатъ на дочери Кучума, Царя Сибирскаго. Объ Акъ-Мурзѣ, см. Ист. Госуд. Росс. Карамз. IX, прим. 658-е.

(**) Юсуфу доставлялись Іоанномъ по просьбѣ его нетолько оружія, панцыри, шатры, шубы на мѣхахъ горностаевыхъ, но даже бумага, краски и уборы для его дочерей.

(***) Это было въ 1549 г.

Честолюбіе Юсуфа тогда было на высшей степени восторга: въ упоеніи гордости онъ спѣшилъ извѣстить Іоанна о прибывшихъ посольствахъ, ссылался на личнаго свидѣтеля, Русскаго посла Тургенева, видѣвшаго и присланные дары Султана и ханскіе.

Хвалясь союзами, Юсуфъ до самозабвенія повторялъ въ разныхъ припискахъ къ грамотѣ Іоанну, титулъ, полученный отъ Султана, не остерегаясь раздражить Грознаго.

Царскія грамоты отрезвляли гордость Юсуфа. Іоаннъ съ неудовольствіемъ видѣлъ его тщеславіе и давалъ ему это чувствовать, впрочемъ продолжалъ выказывать вниманіе ко многимъ его просьбамъ, отпустилъ по его ходатайству въ Астрахань Царя Дервиша и старался разсѣять сомнѣнія Юсуфа.

Въ томъ же году Юсуфъ въ одной изъ грамотъ передалъ Іоанну разсказъ о прежнихъ событіяхъ въ Казани, относящихся къ бывшему за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ браку Юсуфовой дочери *Сумбеки* или *Сююнбеки* съ Казанскимъ Царемъ Еналеемъ, а потомъ съ Сафгиремъ, и по случаю смерти Сафгирея изъявлялъ желаніе, чтобы Сумбека вышла за Шихъ-Алея, Еналеева брата.

Еналей былъ возведенъ на престолъ еще въ первомъ цвѣтѣ юности, при посредствѣ Русскаго Государя, и въ 1534 г. женился на Сумбекѣ (*).

Красота Сумбеки возбудила къ ней страсть въ Сафгиреѣ, (**) предмѣстникѣ Еналея, изгнанномъ казан-

(*) Еще при Великомъ Князѣ Васильѣ Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна IV.
(**) Сокращенно: *Сафгирей.*

цами. Сафа-Гирей, сынъ крымскаго хана, пылкій, страстный и предпріимчивый, былъ въ союзѣ съ Крымомъ и Астраханью. Непостоянные и мятежные Казанскіе Князья, не любя юнаго, преданнаго нѣгѣ Еналея, пользовавшагося покровительствомъ Россіи, тайно послали призывную грамоту къ Сафа-Гирею и скрытно провезли его въ Казань, гдѣ, умертвивъ Еналея, избрали Сафа-Гирея Царемъ.

Столько же честолюбивая, какъ и блиставшая красотою, Сумбека не желала разстаться съ царскимъ величіемъ. Сафа-Гирей, овладѣвъ Казанью, овладѣлъ и Сумбекою. Дочь Юсуфа стала его супругою.

Младшая по лѣтамъ, но старшая по знаменитости рода изъ женъ Сафгирея, она съ титломъ Царицы сдѣлалась первенствующею и любимою женою новаго властителя. Этого мало: видя надъ нимъ власть красоты своей, она любила его. Онъ былъ отцемъ ея сына.

Сафгирей не забылъ своего изгнанія, и мстительный, обратился къ жестокимъ мѣрамъ: онъ казнилъ многихъ почетныхъ Казанцевъ; казни возбудили къ нему ненависть. Казанцы снова возмутились.—Тогда, предупреждая опасность, Сафгирей принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Отправивъ Царицу въ Ногайскіе улусы, онъ обратился къ Астрахани; между тѣмъ Шихъ-Алей, братъ Еналея, съ помощью Іоанна, воцарился въ Казани. Вскорѣ подъ ея стѣнами явился Сафгирей съ войскомъ Астраханскаго Царя, осадилъ Казань, но безуспѣшно. Казанцы отвергли его предложенія, разбили полки его. Тогда Сафгирей рѣшился на послѣднее средство: прибѣгнуть къ помощи Юсуфа и его сыновей.

Негодованіе на Сафгирея еще кипѣло въ сердцахъ Юсуфа и Юнуса, (*) за бракъ съ нимъ Сумбеки и смерть Еналея. Первою мыслію ихъ была кáра похитившему престолъ и супругу Еналея; они колебались въ недоумѣніи, совершить ли надъ нимъ месть, или уступить его просьбѣ? Но врагъ ихъ довѣрился великодушію ихъ, пришелъ искать у нихъ убѣжища, явился смиренно, умоляя о помощи и обнадеживая предоставить Юнусу часть Казанскаго царства, съ титломъ владѣтельнаго Князя. Можетъ быть присоединились къ этому убѣжденія самой Сумбеки; какъ бы то ни было, смиреніе Сафгирея преодолѣло гнѣвъ ихъ, и самъ Юнусъ писалъ Царю, что вспомнивъ пословицу: «*повинную голову мечъ не сѣчетъ*», рѣшился пощадить врага и дать ему помощь. Юсуфъ поручилъ Юнусу вести къ Казани полки и возстановить Сафгирея.

А еще тлѣлась искра гнѣва въ душѣ Юнуса. Онъ возвратился къ прежней мысли и не хотѣлъ оскорбить Іоанна. Ожидая найти въ Казани Шихъ-Алея, воцарившагося съ помощію Россіи, Юнусъ едва не рѣшился покончить съ Сафгиреемъ и выдать Сумбеку за Шихъ-Алея, который по уставу мусульманъ имѣлъ право взять за себя вдову своего брата. Но Шихъ-Алей былъ уже далеко отъ Казани. Измѣна и злоумышленія Казанцевъ на жизнь его заставили его поспѣшно и тайно отъѣхать въ Россію.

Между тѣмъ Юнусъ во главѣ войскъ подступилъ къ Казани. Казанцы уже отправили пословъ въ Крымъ просить себѣ Царя отъ Крымскаго Хана. Юсуфъ за-

(*) Старшаго сына Юсуфова.

стороппль пути и захватилъ всѣхъ посланныхъ въ Крымъ. Восемь дней бился Юнусъ подъ стѣнами города, наконецъ взялъ Казань и посадилъ на престолъ Сафгирея, обѣщавшаго ему Княженіе. (*)

Сафгирей, утвердясь въ Казани, нарушилъ всѣ свои обѣщанія Юнусу и тяготился его присутствіемъ. Раздраженный его неблагодарностью, Юнусъ спѣшилъ удалиться. Іоаннъ, покровительствуя Шихъ-Алею, готовилъ грозу на Казань. Ни Юсуфъ, ни Юнусъ не принимали болѣе участія въ казанцахъ и готовились помогать Іоанну. Смущенный Сафгирей искалъ въ кубкахъ забвенія опасностей и огорченій, и вскорѣ, въ чертогѣ собственнаго дворца, споткнувшись предъ умывальнымъ поставцемъ, расшибся о помостъ, и поднятъ мертвый.

По смерти его Сумбека осталась Царицей, правительницей Казани; двухлѣтній сынъ ея, младенецъ Утемишъ-Гирей, провозглашенъ Казанцами Царемъ.

Сношенія Казани съ враждебнымъ Россіи Крымомъ, самовольное избраніе Царя-малютки на престолъ, тогда какъ послѣ Іоанна III-го Россійскіе Государи считали себя въ правѣ располагать жребіемъ Казани, побудили Царя Іоанна Васильевича двинуть войски на Казань.

Ногайцы могли дать сильную помощь, но Юсуфъ и его сыновья, соблюдая вѣрность даннаго слова Іоанну, не пошли на пособіе Казани. Тщетно ожидала ихъ и призывала Сумбека. Юсуфъ отказался дать помощь, и въ то время, когда дочь его собственнымъ примѣромъ неустрашимости старалась усилить оборону Казани, яв-

(*) О родѣ Кн. Юсупов. Ч. 2, стр. 58.

лялась на стѣнахъ города, одушевляла мужество воиновъ, онъ удержалъ сыновей своихъ, порывавшихся на защиту сестры ихъ, впрочемъ надѣялся, что Іоаннъ сохранитъ Казанскій престолъ для ея сына.

Русское войско съ храбрѣйшими вождями осадило Казань. Казанцы, громимые Русскими и не видя помощи отъ Юсуфа, изъ мести къ нему рѣшились выдать Сумбеку Русскимъ воеводамъ и опять призвать на престолъ Шихъ-Алея. Шихъ-Алей съ согласія Іоанна возстановленъ на царствѣ. Сумбека, увидѣвъ себя плѣнницею, покорилась своей участи и превозмогла скорбь; встрѣчена съ почетомъ Русскими воеводами, простилась съ Казанью, и, на судахъ, богато-украшенныхъ тканями, отплыла съ сыномъ по Волгѣ. Въ Москвѣ Іоаннъ встрѣтилъ ее прилично ея сану. Она была помѣщена въ одномъ изъ кремлевскихъ дворцовъ, являлась съ блескомъ при Московскомъ Дворѣ. Сынъ ея былъ оставленъ при ней, и при немъ оставлено было титло Царя.

Огорченный плѣномъ Сумбеки и внука, Юсуфъ ходатайствовалъ и настаивалъ о возвращеніи ихъ къ нему. Юнусъ, даже Измаилъ (*) писали о томъ же; но Іоаннъ, продолжая быть благосклоннымъ къ Сумбекѣ, въ тоже время предположилъ передать ее подъ другой надежный надзоръ.

Видя Шихъ-Алея снова Царемъ Казани, самъ Юсуфъ соглашался на бракъ съ нимъ Сумбеки, но Казанцы, съ возвращеніемъ Шихъ-Алея на царство, стали тре-

---

(*) Меньшой братъ Юсуфа.

бовать отъ него, чтобы онъ испросилъ отъ Іоанна возвращенія ихъ земли, занятой Русскими. Шихъ-Алей, усматривая крайность или навлечь на себя гнѣвъ Іоанна, или предать ему Казань, рѣшился пожертвовать властью,—и, въ третій разъ, добровольно оставить тронъ; выѣхалъ изъ города, подъ видомъ прогулки для рыбной ловли на озеро, сопровождаемый вельможами, и, прямо объявя имъ свое намѣреніе, поспѣшно отъѣхалъ въ Россію, гдѣ Іоаннъ предоставилъ во владѣніе его *Касимовъ*, (*) (иначе именуемый Городецъ) съ титломъ Царя Касимовскаго.

Привыкши къ нарушенію клятвъ, Казанцы призвали на престолъ Астраханскаго царевича Едигера. На него же обратились и взоры Юсуфа, желавшаго сохранить царскій вѣнецъ для любимой дочери и уже предположившаго выдать Сумбеку за Едигера. Но Юнусъ, узнавъ о избраніи Едигера, прямо объявилъ себя врагомъ Казани и писалъ къ Іоанну: «*Теперь Казань тебѣ недругъ, и намъ недругъ же; возмешь ли или не возмешь Казань, и все останусь на добромъ словѣ.*»

Шихъ-Алей, испытавъ вѣроломство Казанцевъ, остался въ Россіи, но не имѣлъ постояннаго пребыванія въ Касимовѣ, то участвуя въ походахъ противъ Ливонцевъ и Поляковъ, то находясь при Московскомъ Дворѣ. Тамъ же была Сумбека, и Шихъ-Алей умолялъ Іоанна о дозволеніи вступить съ ней въ брачный союзъ.

Съ цѣлью преклонить Іоанна на отпускъ Сумбеки

(*) Городъ въ Рязанской области, и нынѣ принадлежащій къ Рязанской губерніи.

изъ плѣна, Юсуфъ не остерегся высказать ему, что съ сыновьями своими въ состояніи выставить до *трехъ сотъ восьмидесяти тысячъ войска.* (*) Эта похвальба могла только раздражить Іоанна и казалась преувеличеніемъ; но Юсуфъ могъ имѣть въ виду, что каждый изъ подвластныхъ его, съ дѣтства освоясь съ оружіемъ и на раздольѣ степей пріучась управлять конями, свыкался со всѣми трудностями кочевой и боевой жизни, дорожилъ какъ наградою почетнымъ прозвищемъ *богатыря* и способенъ былъ стать въ ряды ратниковъ.

Тогда уже Іоаннъ не щадилъ ничего, чтобы привлечь Измаила, брата Юсуфова, и поставить его въ противуборство всѣмъ предпріятіямъ Ногайскаго властителя. Щедрость Іоанна къ Измаилу выполняла всѣ его просьбы, всѣ его требованія. Измаилъ съ своей стороны не щадилъ никакой жертвы для свидѣтельства своей преданности Царю.

Казань и участь Сумбеки, а въ особенности сына ея, была главнымъ предметомъ неудовольствія между Юсуфомъ и Іоанномъ. Юсуфъ желалъ для дочери и внука сохранить царскій вѣнецъ; Іоаннъ хвалился, что онъ для Юсуфа оказалъ милость Сумбекѣ и сыну ея.— «Дочь твою», писалъ онъ къ Юсуфу, и Утемишъ Гирея Царя, изъ Казани взяли, *тебя для.*» (**) По негодованію Юсуфа на бракъ Сумбеки съ Шихъ-Алеемъ, Іоаннъ напомнилъ, что Юсуфъ прежде желалъ того, и что Сумбекѣ слѣдовало быть супругою Шигъ-Алея по самому закону мусульманъ. Но и сама Сумбека, желая

(*) Прод. Др. Росс. Вивл., VIII, стр. 303.— О родѣ Кн. Юсуп., ч. 2, стр. 64.

(**) Старинная форма рѣчи, вмѣсто «*для тебя*».

сохранить достоинство Царицы, не отвергла предложенія Шихъ-Алея. Утемишъ-Гирей, сначала отданный Іоанномъ на воскормленіе Сумбекѣ, по бракѣ ея съ Шихъ-Алеемъ остался въ Царскомъ московскомъ Дворцѣ, въ видѣ усыновленнаго по крещенію. Іоаннъ обнадеживалъ Юсуфа въ покровительствѣ внуку его и даже обѣщалъ по возрастѣ его устроить его на владѣніи.

Остановимся нѣсколько на личности Шихъ-Алея. Въ молодости своей, Царь Казанскій, изгнанный Казанцами, онъ нашелъ убѣжище въ Россіи, гдѣ были даны ему во владѣніе два города; но онъ, еще самонадѣянный юноша и тогда шаткій въ мысляхъ, тайно пересылался съ Казанцами, вступилъ въ сношенія съ Крымомъ и подвергся заточенію: сосланъ на Бѣлое озеро. Многіе изъ бывшихъ при немъ Татаръ заплатили жизнію за измѣну; болѣе семидесяти человѣкъ умерли съ голода; однѣ жены искупили себя отъ бѣдственной участи принятіемъ христіанства. По кончинѣ Великаго Князя Василія Іоанновича, при Правительницѣ, Великой Княгинѣ Еленѣ, во время малолѣтства Іоанна IV, Шихъ-Алей изъявилъ раскаяніе и былъ призванъ въ Москву, гдѣ въ присутствіи юнаго Царя и Правительницы торжественно принесъ повинную, *билъ челомъ*, прощенъ, пожалованъ царскими дарами и получилъ почетъ выше всѣхъ сановниковъ. Съ того времени онъ вѣрно и дѣятельно служилъ Россіи, еще двукратно былъ возводимъ на престолъ Казанскій и оставлялъ его, отчасти по злоумышленіямъ Казанцевъ, отчасти отклоняясь отъ обстоятельствъ, которыя могли бы вовлечь его въ вину предъ Царемъ; способствовалъ успѣхамъ Русскаго оружія не столько подвигами храбрости, какъ распорядительностію и совѣтами. По его указанію из-

брано было мѣсто къ построенію крѣпости для пребыванія Русскихъ войскъ и храненія запасовъ. Основаніемъ Свіяжска предуготовлено паденіе Казани. Подъ личнымъ начальствомъ Шихъ-Алея въ Ливоніи, Русскіе полки прошли до Риги, навели страхъ на Ливонскихъ рыцарей, и, опустошивъ ихъ землю, вышли съ богатой добычей. За то ненависть нѣмецкихъ писателей выставила Шихъ-Алея жестокимъ до свирѣпства и неспособнымъ къ воинскимъ дѣламъ; но Шихъ-Алей являлся всюду: и на поляхъ битвъ противъ Казанцевъ, Крымцевъ, Ливонцевъ и Поляковъ, и въ царскихъ совѣтахъ; даже Царь Симеонъ Касаевичь, (*) (Едигеръ, принявшій христіанство) былъ нѣсколько времени подчиненъ Шихъ-Алею. (**) Послѣдніе годы жизни Шихъ-Алей провелъ въ Касимовѣ, гдѣ и скончался въ 1567 году и погребенъ въ устроенной имъ же усыпальницѣ, въ дворцовомъ его саду.

Вотъ гдѣ мы должны отыскивать и гробницу Сумбеки. Но изъ многихъ, находящихся тамъ, болѣе или менѣе подвергшихся разрушенію отъ времени и обстоятельствъ, ни на одной не встрѣчается ея имени (***).

(*) Тотъ самый Царь, которому впослѣдствіи Іоаннъ, оставя при себѣ опричниковъ, поручилъ Россію подъ именемъ *Земщины*, о чемъ упоминаютъ Маржеретъ, Флетчеръ и Петрей. См. Ист. Гос. Росс. Карам. IX, прим. 137.

(**) Изслѣдов. о Касимов. цар. Стр. 469.

(***) Средняя гробница принадлежитъ Шихъ-Алею, другія разнымъ лицамъ его семейства. На обломкахъ камней съ трудомъ можно прочесть надписи и нѣсколько изрѣченій на Арабскомъ языкѣ.

«Нѣтъ Бога, кромѣ Его, Бога живаго и Бога сущаго. Имъ не овладѣваютъ ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все, что на небесахъ и на землѣ. Онъ знаетъ будущее и прошедшее.»

Можетъ быть не безъ намѣренія предана забвенію память Сумбеки, а въ XVII вѣкѣ изглажена и самая надпись на гробницѣ, чтобы не дать повода смутнымъ мыслямъ и тяжкимъ воспоминаніямъ. Впрочемъ, при всѣхъ разысканіяхъ, въ усыпальницѣ осталась еще одна гробница *неизвѣстнаго лица*, на обломкахъ которой можно прочесть только число лѣтъ жизни: 37, (*) соотвѣтствующее лѣтамъ Сумбеки, если считать, что въ 1534 г. она 14-ти лѣтъ вступила въ первый бракъ (съ Еналеемъ), а кончину ея отнести къ 1557 году. Преданія молчатъ объ этой гробницѣ, и о былой жизни шепчутъ только древнія сосны, проросшія сквозь обвалившуюся кровлю усыпальницы. (**) Природа благосклоннѣе къ ней: алый шиповникъ съ млечной черемухой осыпаютъ забытую гробницу цвѣтами!

Сумбека или Сююнбека, дочь Юсуфа, принадлежитъ къ лицамъ, которыхъ судьба сдѣлалась достояніемъ Исторіи. Одаренная необыкновенною красотою и пылкимъ умомъ съ душею властолюбивою, она собственными достоинствами поддерживала блескъ власти и знаменитость своего рода.

Перевороты ея судьбы представляютъ въ ней одно изъ самыхъ драматическихъ лицъ. При всѣхъ волненіяхъ

«Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла, угодныя Богу.»

«Все, что въ мірѣ, должно погибнуть. Вѣчно одно лицо Господа твоего.»

«Міръ сей есть поле, на которомъ сѣютъ сѣмена для будущей жизни.» Изслѣд. о Касим. цар. Стр. 504, 505.

(*) *Изслѣдованія о Царяхъ Касимовскихъ*. Стр. 529.

(**) Тамъ же, стр. 494.

жизни, Сумбека была до такой степени очаровательна, что въ молвѣ Русскаго народа почиталась волшебницею, а самыя неудачи Русскихъ при осадѣ Казани приписывались ея чародѣйству. Жизнь и жребій ея, переданныя въ исторіи, внушили многимъ участіе въ судьбѣ ея и сдѣлались предметомъ поэзіи. (*)

Еще и понынѣ въ Кремлѣ Казани высится огромная, семиярусная башня, удивляющая прочностію постройки. Эту башню именуютъ Сумбекиной. (**) Время ея постройки въ точности неизвѣстно. Объ ней въ народѣ ходитъ много разнорѣчивыхъ преданій. Одни почитаютъ ее мечетью, построенною Сумбекой въ память Сафгирея, присоединяя къ тому, что Сумбека предъ отбытіемъ изъ Казани молилась въ этой мечети; иные убѣждены, что она сооружена по взятіи Казани Іоанномъ Грознымъ изъ развалинъ разрушенныхъ мечетей; какъ бы то ни было, величественная Сумбекина башня еще понынѣ составляетъ замѣчательную древность въ Казани и носитъ имя дочери Юсуфа, супруги трехъ Казанскихъ Царей и матери четвертаго, получившаго

(*) Она является героинею въ поэмѣ Хераскова: «*Россіяда*». Она главное лицо въ трагедіи Грузинцова: «*Покоренная Казань*», въ трагедіи Глинки: «*Сумбека или паденіе Казани*». Она оживлена и въ великолѣпномъ балетѣ: «*Сумбека или покореніе Казанскаго Царства*», привлекавшемъ съ 1832 г. на Петербургской сценѣ многочисленное стеченіе зрителей. Роль Сумбеки, вдовствующей Царицы и Правительницы Казанскаго Царства, была выполнена славной Русской танцовщицей Истоминой, которую Пушкинъ воспѣлъ въ Онѣгинѣ:

«Блистательна, полувоздушна, и пр.

Программа этого очаровательнаго балета была сочинена, какъ извѣстно, Графомъ Кутайсовымъ.

(**) Высота Сумбекиной башни около 35 саженъ (244 фут.). Указатель Казани, Отд. X, стр. 98.

въ младенчествѣ тронъ въ Казани, а въ юности гробницу въ Архангельскомъ Соборѣ, въ Москвѣ.

Утемишь-Гирей, во святомъ крещеніи Александръ Сафгиреевичь, послѣ брака Сумбеки съ Шихъ-Алеемъ, воспитывался въ Москвѣ, при Дворѣ Царя Іоанна Васильевича, какъ усыновленный ему по крещеніи; сопутствовалъ въ походахъ — Царю Шихъ-Алею, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1566 г. въ Москвѣ, и, какъ отмѣчено въ лѣтописи: «*преставися Царь Александръ Сафгиреевичь Казанскій, а живота его 17 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, Іюня въ 15 день, во вторникъ, и положенъ въ церкви Михаила Архангела, у лѣваго крылоса, подле сторонь столба, повелѣ же по немъ Государь милостыню дати довольну по церквамъ.*»

Со времени плѣна Сумбеки и сына ея, сношенія между Іоанномъ и Юсуфомъ болѣе и болѣе охладѣвали. Самъ Іоаннъ писалъ къ Измаилу: «*Князь Юсуфъ на насъ гнѣвается*». Раздраженный Юсуфъ писалъ къ Іоанну, что съ того дня, какъ Царь отказалъ ему въ возвращеніи внука и дочери, «*дружба умерла!*» Наконецъ молва донесла до Юсуфа вѣсть, что Шихъ-Алей жестоко обходился съ Сумбекой, и будто бы по волѣ Царя, обезобразилъ ея лицо, даже умертвилъ ее. (*) Эта

(*) Можно вѣрить, что Іоаннъ не внушалъ Шихъ-Алею жестокихъ мѣръ съ Сумбекой. Это было еще въ то время, когда Силвестръ и Адашевъ находились при Іоаннѣ. Тогда онъ дивился жестокости Крымскаго Хана съ захваченными Ногайцами и писалъ къ Юсуфу въ 1549 г. см. Продолж. древн. Росс. Вифл. VIII, стр. 155, 156: «*И учинилъ надъ ними разныя казни, какъ ни въ которыхъ людяхъ нигдѣ не ведется*». — Тогда направленіе мыслей Іоанна достойно было лучшаго вѣка: на просьбу Измаила отдать въ работу ему Астраханцевъ, Іоаннъ

вѣсть терзала сердце Сумбекиной матери, бывшей еще въ живыхъ, но гнѣвъ Юсуфа и жалобы Юнуса въ письмахъ къ Іоанну неоправдались. Царь убѣждалъ не вѣрить нелѣпымъ рѣчамъ и женскимъ наговорамъ, и отправилъ къ Шихъ-Алею двухъ нарочныхъ гонцевъ, присланныхъ Юнусомъ и Измаиломъ, которыхъ повелѣлъ допустить къ Сумбекѣ, чтобъ они могли видѣть Царицу, разувѣрить Юсуфа, и, если желаетъ она извѣстить о здоровьѣ, доставить отъ ней грамоты и дары отцу и роднымъ ея.

Но на сердцѣ Юсуфа осталось еще бременемъ обращеніе въ христіанство внука его, Сумбекина сына, принявшаго святое крещеніе съ именемъ Александра Сафгиреевича. Напрасно писалъ объ немъ Іоаннъ, что онъ уже, какъ усыновленный, воспитывается при Царскомъ дворѣ и современемъ Царь устроитъ его и на владѣніи. Возмущаемый сѣтованіями Сумбекиной матери, Юсуфъ спѣшилъ расторгнуть союзъ съ Іоанномъ.

Негодованіе Юсуфа обрушилось на посла Іоаннова, Петра Тургенева. Юсуфъ повелѣлъ наложить на него

писалъ, что повелѣлъ отпустить ихъ, «*а не захотятъ идти, то не захватывать ихъ въ неволю. Того нигдѣ не бываетъ, чтобы людей брать въ неволю, и самъ знаешь, они люди вольные, кому хотятъ, тому служатъ*». Прод. древ. Росс. Вифл, стр. X, 166.—Въ особенности замѣчательно, что и о вѣротерпимости Іоаннъ писалъ: «*У насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, чтобы никогда силою не привлекать къ нашей вѣрѣ, но кто какую вѣру захочетъ, то такой вѣрѣ и вѣрують, право или неправо, судитъ Богъ въ будущемъ вѣкѣ, а человѣкамъ того судить не дано.*» Прод. др. Рос. Вифл. X, стр. 318.—И это писалъ Іоаннъ Грозный, въ тотъ вѣкъ, когда въ иныхъ, гордившихся просвѣщеніемъ Европейскихъ Государствахъ, не было вѣротерпимости.

оковы, расхитить его имущество, и въ тоже время съ гордой самонадѣянностью отправилъ къ Іоанну своего посланника съ тысячью тремя стами Ногайцевъ и съ десятью тысячами коней. (1) Іоаннъ повелѣлъ взять подъ стражу Юсуфова посланца. (2) Между тѣмъ Тургеневъ, получивъ свободу, отъѣхалъ отъ Юсуфа къ Измаилу.

Измаилъ, предпріимчивый и проницательный, видѣлъ возрастающее могущество Іоанна и предугадалъ всю выгоду способствовать пользамъ Царя. Іоаннъ овладѣлъ предапностью Измаила. Постоянно надѣляемый дарами его, Измаилъ до конца жизни былъ вѣрнѣйшимъ исполнителемъ его воли. Измаилъ осмѣлился лично укорять Юсуфа за нарушеніе союза съ Іоанномъ и удерживалъ стремленіе брата къ мести за плѣнъ Сумбеки и внука; наконецъ рѣшительно противусталъ Юсуфу. Братья ополчились одинъ на другаго.

Въ Февралѣ 1555 года (3) дошла въ Москву вѣсть, что Юсуфа не стало. Онъ палъ отъ руки Измаила, вѣроятно въ битвѣ, потому что посланникъ Іоанна, Бровцынъ, видѣлъ обоихъ братьевъ предъ полками ихъ, вооруженныхъ, на коняхъ, лицемъ къ лицу, угрожая одинъ другому. (4)

Совѣсть тревожила душу братоубійцы, что можно видѣть изъ сохранившихся грамотъ Измаила къ Іоанну. Нѣсколько разъ повторялъ онъ Царю, что для него

---

(1) Прод. древ. Росс. Вифл. VIII, стр. 249. (2) Тамъ же, стр. 280.

(3) По тогдашнему счету года съ Сентября, а по настоящ. 1556.

(4) Прод. древ. Рос. Вифл. IX, стр. 150.

возсталъ на родныхъ своихъ, для него пожертвовалъ братомъ, котораго чтилъ; и однакожъ... такъ сильна была корысть надъ сердцемъ Измаила, — онъ безпрерывно выпрашивалъ новыхъ даровъ и никакіе дары не могли заглушить укоровъ его совѣсти.

Освобожденные Измаиломъ изъ плѣна Юсуфа Русскіе возвратились въ Москву съ посольствомъ отъ самаго Измаила, усвоившаго себѣ верховную власть надъ Ногайской ордой.

Измаилу—противусталъ Юнусъ, старшій изъ восьми сыновей Юсуфа, Князь отважный и мужественный. Еще при жизни отца онъ ознаменовалъ свою предпріимчивость и храбрость, былъ опорою и славою своего рода, и также, какъ отецъ его, сносился грамотами съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, отправляя къ нему посольства отъ своего лица, и получалъ дары: то панцырь, то шатеръ, то шлемъ съ золотою насѣчкою, то сѣдло раззолоченое. Юнусъ съ братьями по праву оспоривалъ власть у дяди, успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ, овладѣлъ мѣстопребываніемъ Измаила, принудилъ его искать убѣжища въ бѣгствѣ, и въ Октябрѣ 1557 г. извѣстилъ Іоанна грамотою о вступленіи своемъ во владѣніе Государствомъ отца своего.

Въ этой грамотѣ онъ усвоилъ себѣ титло: «*великаго, честнѣйшаго, превеличайшаго въ Князьяхъ, превосходящаго другихъ счастіемъ и честію.*» Такія титла допускались условіями восточныхъ обычаевъ.

Юнусъ, какъ и Юсуфъ, жаловался Царю на наѣздниковъ, разбивающихъ на Дону Ногайскихъ пословъ и торговыхъ людей. Царь съ своей стороны усилилъ

строгія мѣры, побудившія со временемъ отважнѣйшихъ изъ Казаковъ искать себѣ другаго поля для подвиговъ: на берегахъ Оби и Иртыша.

Русскій Астраханскій воевода Леонтій Мансуровъ вѣроятно съ цѣлію угодить Іоанну, дѣйствовалъ въ видахъ Измаила непріязненно противъ Юнуса и вызвалъ сильный отпоръ. Юнусъ принужденъ былъ съ оружіемъ отыскивать принадлежащаго ему владѣнія, и въ грамотѣ самъ сознался Іоанну, что «*повоевалъ съ Астраханскимъ Воеводой*», но просилъ по этому случаю не сомнѣваться въ своей личной преданности къ Царю, между тѣмъ продолжалъ преслѣдовать Измаила.

Тогда Іоаннъ пригласилъ Юнуса въ Москву, гдѣ въ Іюнѣ 1558 г. довѣрчиво явился Юнусъ, еще въ то время, когда Сильвестръ и Адашевъ находились при Іоаннѣ. Вѣроятно и несогласія съ другими Ногайскими и сосѣдственными владѣтелями побудили его искать опоры въ Москвѣ. Царь принялъ его, какъ почетнаго гостя, и по словамъ Юнуса, *до десяти разъ въ годъ бесѣдовалъ съ нимъ*; между тѣмъ Измаилъ, пользуясь дружбою Іоанна, усилился въ Ордѣ, усвоилъ себѣ снова верховную власть. Юнусъ, возвратясь въ Ногайскіе предѣлы, не долго пережилъ отца своего. Имя его исчезаетъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка.

Обратимъ вниманіе на переписку Измаила съ Іоанномъ. Дружба ихъ достигла до той степени, что Іоаннъ писалъ Измаилу: «*Всѣхъ болѣе вѣримъ тебѣ, другу своему, и всякія свои дѣла положили на твою душу.*» А Измаилъ писалъ къ Іоанну: «*Гдѣ я ни буду, близко ли,*

далече ли, пока не умру, мысль моя съ тобою!» (1) Іоаннъ по отъѣздѣ Юнуса изъ Москвы, просилъ никуда не отпускать Юнуса, котораго въ особенности всѣ любятъ и желали бы видѣть владѣтелемъ, напоминалъ, что *«Настоитъ время, тогда нужно и дѣлать, а время пройдетъ, пройдетъ и возможность.* (2) Но собственные сыновья возстали на Измаила, и тогда-то онъ сознался предъ Іоанномъ, что *«отсталъ отъ рода, отсталъ отъ племени, что отецъ и братъ ему былъ старѣйшій — одинъ Юсуфъ Князь»,* (3) но еще умертвилъ Юсуфова племянника *Араслана Мурзу*, и однакожъ, хворый, больной Измаилъ домогался новыхъ даровъ и писалъ къ Царю: *«Всякой, кто кому другъ, тотъ того деньгами промышляетъ.»*—Наконецъ, въ 1559 году говорилъ послу Іоанна: *«Буду здоровъ, съ лихими и съ дѣтьми управлюсь. Еще стараго волка съ больную собаку станетъ! И не надъ такими промышлялъ!»* (4)—Замѣтимъ, что вскорѣ послѣ того не стало Юнуса. Обстоятельства кончины его неизвѣстны. Измаилъ, опасаясь другихъ сыновей Юсуфа, въ 1563 г. отправилъ Иль-Мурзу и Ибрагима Мурзу въ Москву, въ видѣ заложниковъ вѣрностиНогайцевъ. Но уже смерть стояла въ головахъ одра Измаилова, и владѣнія его перешли къ сыну его *Тинъ-Ахмету*.

---

(1) Все это можно видѣть въ древнемъ переводѣ грамотъ. Нельзя не удивляться этой нѣжности Ногайскаго Князя къ Іоанну Грозному. См. *«Продолженіе древн. Русск. Вифліофики.»* Ч. X, стр. 53 и 191.

(2) Петръ Великій, который чтилъ Грознаго, также писалъ: *«Время подобно желѣзу горячему: когда остынетъ, неудобно къ кованію будетъ.»*

(3) Прод. древ. Рос. Вифл. X, стр. 26 и 39.

(4) Донесеніе Мальцова. Прод. др. Росс. Вифл. X, стр. 60.

ИЛЬ-МУРЗА.

Младшій изъ сыновей Юсуфа, *Иль-Мурза*, по смерти отца своего оставался съ братомъ своимъ *Ибрагимомъ* въ зависимости отъ дяди ихъ *Измаила*, сдѣлавшагося верховнымъ правителемъ Ногайской орды.—Но съ лѣтами возрастала ненависть ихъ къ нему и месть за смерть отца ихъ вовлекала ихъ съ непріязненныя отношенія къ дядѣ. Спачала они искали себѣ убѣжища въ разныхъ мѣстахъ: являлись то въ Астрахани, то въ Крымѣ, возставляя враговъ противъ Измаила и тревожа наѣздами его владѣнія.—Наконецъ, когда родственникъ ихъ Казы, или Касай-Мурза звалъ ихъ въ свои улусы, а Измаилъ, утомленный борьбой съ племянниками, приглашалъ ихъ къ себѣ, Ибрагимъ рѣшился на отважнѣйшій шагъ: явился въ 1563 году въ предѣлахъ Россіи, извѣстилъ о томъ Царя грамотою, и, упоминая о призывѣ Измаиломъ и Касай-Мурзою, писалъ: «*а я, Государь, безъ твоего приказа, Брата своего, Бѣлаго Царя, никуда нейду, и какъ Государь ты прикажешь, такъ и учиню.*»

Іоаннъ указалъ Ибрагиму, чтобъ онъ при Измаилѣ служилъ Царю; Ибрагимъ повиновался, но Измаилъ съ своей стороны опасаясь племянниковъ, которыхъ самое присутствіе напоминало ему его преступленіе, и не менѣе зная приверженность къ нимъ Ногайцевъ, при связяхъ ихъ съ Астраханскими и Крымскими Мурзами, рѣшился въ 1563 г., для предупрежденія ихъ замысловъ, отправить Ибрагима и Иль-Мурзу въ Москву въ видѣ заложниковъ, предполагая можетъ быть, что Іоаннъ Грозный не долго будетъ къ нимъ милостивъ.

Царь принялъ ихъ благосклонно и по степени рода ихъ надѣлилъ ихъ обширными помѣстьями. Сыновья Юсуфа прибывъ въ Москву, пожалованы были многими селами и деревнями въ Романовскомъ округѣ, и поселенные тамъ *служилые Татары* и казаки подчинены имъ. Съ того времени Россія сдѣлалась отечествомъ для потомковъ Юсуфа.

Впослѣдствіи Иль-Мурзѣ съ сыновьями его: Сеюшъ-Мурзою и братьями Сеюша приданы еще нѣкоторыя дворцовыя села, но данныя, ямскія и оброчныя деньги съ тѣхъ поръ зачитались въ жалованье Иль-Мурзѣ, дѣтямъ его и казакамъ, также братьямъ Иль-Мурзы, Айдаръ-Мурзѣ и Алею или Али-Мурзѣ. (*)

При царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ Иль-Мурза представилъ Государю, что другіе царевичи и Мурзы, пожалованные отъ Царя помѣстьями, получаютъ съ нихъ

(*) Ибрагима повидимому уже не было въ живыхъ.

доходъ, не зачитаемый въ годовое жалованье, а съ крестьянъ ихъ никакихъ податей въ казну не берутъ, и просилъ о томъ же.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ пожаловалъ Иль-Мурзу всѣми доходами съ его помѣстьевъ, съ тѣмъ, чтобы онъ подмогалъ собственными запасами на содержаніе Романовскихъ казаковъ, обязанныхъ исправлять Царскую службу *безкормно*, въ замѣнъ чего уже никакихъ податей: *данныхъ*, *оброчныхъ*, *ямскихъ*, *посошныхъ*, *дровяныхъ*, *прогонныхъ* не требовать съ Иль-Мурзы и съ подвластныхъ ему крестьянъ, а зачитать въ жалованье только получаемыя ими деньги съ питейнаго, мытнаго, перевознаго, рыболовнаго и посадскаго сбора, въ случаѣ же выступленія ихъ съ казаками на царскую службу, давать имъ изъ царской казны.

Кромѣ того крестьяне Иль-Мурзы и дѣтей его освобождались отъ выбора въ *цѣловальники* (*) къ денежному сбору, къ пороховому погребу и по уголовнымъ дѣламъ.

Въ смутное время Россіи, послѣ Годунова, при первомъ самозванцѣ, *отъ имени Царя Димитрія Іоанновича* подтверждена жалованная грамота Иль-Мурзѣ и дѣтямъ его, и какъ самъ онъ, такъ и подвластные ему во всѣхъ дѣлахъ были поручены въ вѣдѣніе одного

(**) Т. е., въ присяжные. Они назывались *цѣловальниками* отъ цѣлованія креста на вѣрность исполненія своихъ обязанностей.

«*Посольскаго приказа*» и устранены отъ всякаго суда и требованія другихъ приказовъ, за исключеніемъ уличенія въ уголовныхъ дѣлахъ.

Послѣ паденія перваго самозванца, появился второй Лжедимитрій, *Тушинскій царикъ*, или какъ называли его русскіе современники — *Тушинскій воръ*.

Неблагопріятно смотрѣли на него именитые татарскіе Мурзы, изъ которыхъ въ особенности онъ старался привлечь Юсуповыхъ и преданныхъ имъ казаковъ и служилыхъ татаръ. Въ грамотѣ, подтверждающей всѣ владѣнія и преимущества Юсуповыхъ, онъ употребилъ самую пышную, до того небывалую форму, для приданія себѣ болѣе важности и блеска въ глазахъ князей, потомковъ Эдигея. Такимъ образомъ Самозванецъ наименовалъ себя нетолько: *Богомъ хранимый и Богомъ почтенный*, какъ писался и Годуновъ, но и «*надъ всѣми превознесенный дарами, второму Израилю уподобившійся покровеніемъ десницы Всевышняго, единый въ подсолнечной крестьянскій Царь.*» (*)

Этою грамотою *Иль-Мурза Юсуповъ* и дѣти его *Сеюшъ-Мурза* съ братомъ и племянниками пожалованы Романовскимъ посадомъ, судомъ, пошлинами, оброкомъ, таможеннымъ, питейнымъ, мытнымъ, перевознымъ сборомъ, со всѣми доходами и рыбной ловлею, съ многими селами и деревнями, съ пустошами, съ

(*) Вмѣсто «*Христіанскій*».—*Крестьянами* въ древнихъ грамотахъ Христіане нерѣдко назывались *отъ креста*, но здѣсь это слово употреблено Самозванцемъ вѣроятно для большаго привлеченія народа.

крестьянами и со всѣми угодьями, *въ вотчину*. ([1]) Крестьянамъ ихъ указано слушать ихъ, пахать землю, платить вотчинникамъ доходы и не поступать отъ нихъ ни къ Боярамъ, ни къ Окольничимъ, ([2]) ни къ дворянамъ и дѣтямъ Боярскимъ, ни къ Патріарху, Митрополиту и Владыкамъ, ([3]) ни въ монастыри, и никому ихъ не вывозить. Грамота эта завѣрена собственноручною подписью Самозванца, въ Коломенскомъ стану подъ Москвой.—Но какъ для соблюденія порядка, установленнаго закономъ, слѣдовало записать ее въ книгахъ Приказа, находившагося въ Москвѣ, то и сдѣлана оговорка: «*Когда мы будемъ Прародителей нашихъ на престолѣ, въ Москвѣ, пожалуемъ велимъ записать ту вотчину въ книги.*»

Но вѣрные Россіи татарскіе Мурзы не поддались ласкательству втораго Самозванца. Второй Лжедимитрій въ 1610 г. погибъ въ Калугѣ отъ руки Князя Урусова.

Иль-Мурза Юсуповъ, при безпокойствахъ и тревогахъ смутнаго времени, умеръ въ 1611 году, уже въ лѣтахъ преклонныхъ, переживъ отца своего 54 годами, и передавъ преданность Россіи дѣтямъ своимъ, оставилъ по себѣ сыновей: *Сеюшъ-Мурзу*, *Бай-Мурзу*, и *Чинъ* или *Инъ-Мурзу*. ([4])

([1]) Пожалованіемъ въ *вотчину* закрѣплялось помѣстное владѣніе—наслѣдственно переходя отъ отца къ дѣтямъ.

([2]) *Окольничіе* были полковыми и городовыми Воеводами, пограничными начальниками, и считались второю степенью по Боярахъ.

([3]) Т. е.: Архіереямъ.

([4]) *Чинъ*, въ сокращенномъ говорѣ: *Инъ-Мурза*. Въ родословіи *Чинъ*,

Въ Февралѣ 1611 г., когда Ярославцы заботились о единодушной оборонѣ *Московскаго Государства* отъ Поляковъ и призывали Вологжанъ къ немедленной присылкѣ ратныхъ людей на помощь къ Москвѣ, *Инъ-Мурза Юсуповъ* съ племянниками спѣшилъ сообщить Ярославцамъ извѣстія, (*) полученныя отъ пріѣхавшихъ изъ-подъ Москвы Романовскихъ татаръ, что подъ Смоленскомъ «*побили Поляковъ*», взяли въ плѣнъ короннаго Гетмана Желковскаго и захватили *нарядъ*, (**) что Польскій Король повелѣлъ своимъ войскамъ возвратиться, рѣшась не посылать уже своего сына (Владислава) на принятіе Московскаго Государства; далѣе писалъ Инъ-Мурза о побѣдѣ, одержанной надъ Поляками Прокопіемъ Ляпуновымъ, и о томъ, что Михаилъ Салтыковъ (опозорившій свое имя предательствомъ) приходилъ къ Патріарху Гермогену просить благословенія на говѣніе, но Патріархъ наложилъ на него проклятіе.

Такими вѣстями оживлялъ *Инъ-Мурза* бодрость Ярославцевъ и принялъ на себя постоянно сообщать имъ дальнѣйшія извѣстія. Изъ сего видно, какое дѣятельное участіе принимали потомки Юсуфа въ самое тяжкое время Россіи, къ освобожденію ея отъ враговъ, когда часъ промедленія могъ навлечь бѣдственныя послѣдствія, и избранный на престолъ Царь, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, оцѣняя заслуги ихъ, какъ увидимъ далѣе, наградилъ и упрочилъ права Юсуповыхъ.

въ Актахъ Археографической Экспедиціи *Инъ*; въ Указателѣ къ Археографическимъ актамъ *Чинъ* и *Инъ*.

(*) Акты Археографической Экспедиціи, т. 2. ст. 306.

(**) Такъ назывались *пушки*.

Инъ-Мурза и *Бай-Мурза* тогда же кончили жизнь свою, и, по всей вѣроятности, на полѣ битвы противъ Поляковъ. Въ грамотѣ Князю Ивану Дмитріевичу, правнуку Иль-Мурзы, говорится между прочимъ о *крови* и *смерти предковъ его* въ войнѣ съ Поляками. (*)

(*) О родѣ Княз. Юсуповыхъ. Часть 2, стр. 155.

СЕЮШЪ-МУРЗА.

Сеюшъ-Мурза, сынъ Иль-Мурзы, во время междуцарствія, просилъ Бояръ Земской Думы, или, говоря собственными словами того времени: *билъ челомъ Боярамъ и всей земль*, что въ данномъ ему и брату его Романовскомъ помѣстьѣ отца ихъ, въ селахъ и въ деревняхъ устроено *Казаковъ, служилыхъ Татаръ,* сто двадцать пять человѣкъ, и разверстаны пашнею съ крестьянами, дано же имъ было по двѣ десятины на человѣка. Участокъ Бай-Мурзы, брата Сеюшева, перешелъ во владѣніе Сибирскаго царевича Епалея, а Царевичь поступился имъ Сеюшъ-Мурзѣ, но помѣщенные въ тѣхъ селеніяхъ Казаки Сибирскаго Царевича Махметкула хлопотали о дачѣ тѣхъ селъ и деревень въ ихъ помѣстный окладъ, почему Сеюшъ-Мурза и просилъ, чтобъ помѣстье отца его утверждено было за нимъ и всѣ Романовскіе Казаки были отданы въ его вѣдѣніе, съ назначеніемъ ему отправлять земскую службу вмѣстѣ съ ними.

Бояре: Князь Трубецкой и Заруцкій, «*по совѣту всей земли*,» утвердили за Сеюшъ-Мурзою помѣстье

отца его; казакамъ велѣно быть у него попрежнему, какъ было при отцѣ его, и всѣмъ крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ и на пустошахъ его, платить ему помѣстный доходъ, поручивъ Сеюшъ-Мурзѣ надѣлять землями *Казацкихъ дѣтей служилыхъ Татаръ*, по смерти отцовъ ихъ, какъ было устроено прежде.

Грамота Бояръ была *за черною печатью* и заключалась замѣчательными словами: «какъ дастъ Богъ на Московское Государство Государя, и тогда въ помѣстномъ приказѣ велитъ Государь дать, по писцовымъ книгамъ и дачамъ, на то помѣстье жаловапную грамоту, *за красною печатью.*» Изъ этого видно, что во время междуцарствія, Русскіе Бояре-правители, рѣшая *по совѣту всей земли*, тѣмъ менѣе признавали приговоръ свой *неокончательнымъ* и избраніе Царя необходимымъ для блага Царства.—Въ ожиданіи свѣтлаго воскресенія Россіи съ новымъ Царемъ, въ смутное время междуцарствія, *черная печать* прикладывалась на грамотахъ вмѣсто *красной*, какъ приличная выраженію скорби народа, и одноглавый орелъ заступилъ мѣсто царственнаго, *двуглаваго*.

Въ 1613 г. въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Сеюшъ-Мурза былъ пожалованъ помѣстьемъ отца его Иль-Мурзы, Романовскаго округа въ Городецкомъ стану. Все вниманіе юнаго Царя было обращено на успокоеніе Россіи и на важнѣйшія дѣла Государственныя. Между тѣмъ потомки Юсуфа лишились значительной части своихъ доходовъ. Это обстоятельство требуетъ болѣе подробныхъ объясненій:

Борисоглѣбская слобода въ Романовскомъ округѣ, на Волгѣ, со времени Бориса Годунова сдѣлавшаяся значительнымъ мѣстомъ торговаго сбыта, заселена была преимущественно рыболовами. Они поставляли рыбу къ царскому столу, и ко Дворцу, и при воцареніи Михаила Ѳеодоровича поступили въ дворцовое вѣдѣніе. По числу постовъ и постныхъ дней рыба была весьма важной статьей въ царскихъ столовыхъ расходахъ, тѣмъ болѣе, что посылалась и къ патріаршему столу. Борисоглѣбскіе рыболовы пользовались особеннымъ благоволеніемъ Царя, но тѣмъ неменѣе Ярославскіе Воеводы, Романовскіе Головы и посадскіе люди, Московскіе и Ярославскіе откупщики, при новыхъ распорядкахъ правленія, подъ видомъ усердія къ казенному сбору и строгаго взысканія пошлинъ, стали притѣснять Борисоглѣбскихъ ловцевъ и облагать ихъ платежемъ разныхъ повинностей. Наконецъ, въ 1618 г. въ Посольскомъ приказѣ, склонивъ на свою сторону Думнаго дьяка Третьякова, Романовцы выхлопотали себѣ ложными показаніями таможенную уставную грамоту на сборъ съ Борисоглѣбцевъ на Романовѣ таможенныхъ пошлинъ, *мыта* и *головщины*. Впослѣдствіи захватывая Борисоглѣбцевъ на Романовѣ, по дорогамъ и на Волгѣ, стали сажать ихъ въ тюрьму, бить на правежѣ, до полученія взысканія, увѣчить, раззорять, отъ чего и происходили на Борисоглѣбцахъ ежегодные недоборы въ разныхъ пошлинахъ.

Борисоглѣбцы жаловались Царю, но жаловались и на нихъ Романовскіе посадскіе и откупщики, встрѣчая съ своей стороны обвиненіями и стараясь затмить дѣло.—Дважды по царскому повелѣнію произведено было

слѣдствіе отъ приказа Большаго Дворца, и четыре *бережанныя* (*) грамоты посланы были къ приказчикамъ дворцовыхъ селъ объ охраненіи Борисоглѣбцевъ отъ Романовскихъ Воеводъ, вѣрныхъ головъ, отъ присяжныхъ и посадскихъ, беречь отъ всякаго насильства и продажъ, и чтобы всѣ пошлины платились Борисоглѣбцами въ царскую казну, въ приказъ Большаго Дворца, о чемъ послана была и въ Посольскій приказъ память къ Думному Дьяку Граматину о воспрещеніи Романовцамъ въѣзда въ Борисоглѣбскую ловецкую слободу и сбора съ нихъ пошлинъ.

Но Посольскій приказъ не повѣрилъ двумъ дворцовымъ обыскамъ, и въ 1626 году послана имъ Царская грамота о произведеніи третьяго, большаго потайнаго обыска (т. е. секретнаго) въ трехъ городахъ, въ трехъ уѣздахъ: въ Ярославскомъ, въ Пошехонскомъ и въ Романовскомъ, для поясненія: какъ городъ Романовъ былъ за Государемъ до Романовскихъ Мурзъ? (т. е. до Князей Юсуповыхъ, владѣвшихъ Романовскимъ округомъ) и сбирались ли до нихъ съ Борисоглѣбской ловецкой слободы какія подати и пошлины Романовскими вѣрными головами и цѣловальниками (т. е. присяжными сборщиками), также: кѣмъ и какъ сбирались съ иногородцевъ, пріѣзжавшихъ торговать въ Борисоглѣбскую слободу?

Когда сначала отбираемыя втайнѣ показанія пришлось завѣрять присягой, то *двѣ тысячи четыреста два человѣка*, въ томъ числѣ нетолько посадскіе и

(*) Охранительныя отъ притѣсненій.

сельскіе старшины, по священники и діаконы по священству, а монастырскіе старцы по иноческому обѣщанію показали, что *изстари Романовскій посадъ со всѣми доходами былъ за Иль-Мурзою Юсуповымъ* съ братьями его и племянникомъ, что всѣ доходы съ Романовскаго посада сбирали Мурзы на себя, и пошлины съ иногородцевъ, пріѣзжавшихъ торговать въ Борисоглѣбскую слободу, собирались въ слободѣ и платились въ царскую казну по уставной грамотѣ.

Борисоглѣбскіе рыболовы по обыску оправдались, а Романовскіе вѣрные головы и посадскіе люди обвинены, и впредь строго воспрещенъ Романовцамъ сборъ пошлинъ съ Борисоглѣбскихъ рыболововъ.

Всѣ *бережаныя грамоты* Царь Михаилъ Θеодоровичъ повелѣлъ соединить въ одну, и жалованную грамоту Царя Θеодора Іоанновича переписать на свое имя, отъ чего и произошло, что въ новую грамоту вошли нѣкоторые *древніе обряды*, какъ то: *судъ полемъ*, и проч. — Романовцамъ съ Борисоглѣбцевъ и съ пріѣзжихъ къ нимъ въ слободу съ товарами «*лѣтомъ и зимою, сухимъ путемъ и водою*» никакихъ пошлинъ не предоставлено, и какъ сказано въ грамотѣ: «*язъ, Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ имати не велю*» — Платить имъ пошлины предписано въ приказъ Большаго Дворца. (*)

(*) Тарханная грамота Царя Михаила Θеодоровича была подтверждена Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1652 г. съ повелѣніемъ ничего не нарушать *не рудить*,—какъ сказано въ подлинникѣ. Ту же грамоту подтвердилъ и Царь Θеодоръ Алексѣевичь, и наконецъ въ 1688 г.

Тарханная грамота Борисоглѣбскимъ рыболовамъ— драгоцѣнный памятникъ русской старины по раскрытію старинныхъ формъ судебной обрядности и распорядка, отпечатокъ русской народности. Многія встрѣчающіяся въ ней слова, какъ напримѣръ: *бережаныя грамоты, безсудныя, посошный кормъ, посошное письмо, досудить до поля, доправить на убитомъ, вѣра по деньѣ а на правду вдвое, гибель платить вдвое, волостели домскіе, вѣры и продажи нѣтъ, пятинныя напросныя деньги,* объяснены нами въ своемъ мѣстѣ, отчасти съ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. (*)

Въ 1649 г. Сеюшъ-Мурза Юсуповъ-Княжево (**) находился въ походахъ противъ Крымскаго Хана, грозившаго опустошеніемъ предѣламъ Россіи, и являлся при царскомъ дворѣ съ тою же искренностію и усердіемъ, съ какимъ потомки Юсуфа привыкли служить Русскимъ Царямъ, принявшимъ ихъ въ свое покровительство; но храня семейныя преданія Сеюшъ-Мурза

Царь Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь и Соправительница Царевна Софія Алексѣевна.

Многое, что утрачено было обстоятельствами, возвращено впослѣдствіи Князьямъ Юсуповымъ ихъ преданностію Царскому дому, ихъ вѣрною службою Россіи, какъ увидимъ далѣе изъ царскихъ грамотъ, поясняющихъ и подвиги ихъ, и степень участія въ Государственной службѣ.

(*) Исчисленіе особенностей старинпаго Русскаго языка, встрѣчающихся въ грамотахъ и другихъ старинныхъ актахъ, перешло бы границы книги, но многія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія по особому складу рѣчи, напр. стр. 108: за *шерти* мѣсто, значило: вмѣсто *присяги*. Стр. 109 *васъ для*—для васъ, намъ *ся видитъ*—намъ видится; стр. 111: «что *ся* у васъ *лучило*»—что у васъ случилось.

(**) Это было постоянное прозваніе потомковъ Юсуфа, до конца XVIII-го вѣка.

упорно остался въ мусульманствѣ, не постигая еще сердцемъ высокихъ истинъ Христіанства и отстраняясь отъ свѣта его, не взирая на преимущества, предоставленныя вступающимъ въ православіе.

Сеюшъ-Мурза умеръ въ 1656 г. Отъ первой супруги его остался сынъ Абдуллахъ, въ просторѣчіи *Абдулъ-Мурза*; вторая супруга Сеюша, Княгиня *Кутукай Тота*, (1) говоритъ объ Абдулъ-Мурзѣ, какъ о своемъ пасынкѣ. (2) Сыновья же Княгини Кутукай отъ брака ея съ Сеюшъ-Мурзою были *Пщерекъ-Мурза*, *Исламъ-Мурза* и *Джанъ-Мурза*. Всѣ они умерли въ молодыхъ лѣтахъ. Обладателемъ всѣхъ помѣстьевъ Сеюшъ-Мурзы остался *Абдулъ-Мурза*.

Романовскій *Ханъ-Мурза Юсуповъ*, родной внукъ Сеюша, отъ младшаго его сына *Джанъ-Мурзы*, былъ однимъ изъ первыхъ въ родѣ Юсуповыхъ, принявшимъ святое крещеніе, и по благоволенію къ нему Царя Өеодора Алексѣевича, указомъ, даннымъ печатнику Башмакову, (3) пожалованъ былъ почетною одеждою, и, между прочимъ, охобнемъ съ золотою нашивкою (4) и феряземъ изъ драгоцѣнной камки.

---

(1) *Тота*, титло Ордынскихъ Княженъ и Княгинь.

(2) См. Часть 2-ю, стран. 355.

(3) *Печатникъ*—титло соотвѣтственное Государственному Канцлеру. Онъ завѣдывалъ Посольскимъ Приказомъ и прикладывалъ къ грамотамъ печать Государственную.

(4) Одежда царедворцевъ и бояръ съ стоячимъ, накладнымъ, богато шитымъ воротникомъ.

АБДУЛЪ-МУРЗА,

во святомъ крещеніи

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ СЕЮШЕВИЧЪ.

Абдулъ-Мурза, правнукъ Юсуфа, внукъ Иль-Мурзы, сынъ Сеюша-Мурзы, былъ храбрый, мужественный витязь въ Русскомъ войскѣ, что свидѣтельствуется не только данными ему грамотами, но и грамотою сыну его Князю Ивану Дмитріевичу, въ которой, при упоминаніи объ успѣхахъ славной Польской войны, воздана похвала и службѣ отца его и предковъ, ихъ мужеству, ратоборству и храбрости.—Во время войны съ Турецкимъ Султаномъ и съ Ханомъ Крымскимъ, когда они въ 1673 г., лично предводительствуя войсками Турокъ и Крымцевъ, вторгались въ Украйну, и послѣ того дѣйствовали соединенными силами, Абдулъ-Мурза находился въ полкахъ съ Боярами-Воеводами, и съ начала той войны по 1681 г. по словамъ грамоты Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, при помощи Божіей, Царскіе Бояре-Воеводы и ратные люди *непріятелямъ славный отпоръ учинили*, и война прекратилась перемиріемъ на двадцать лѣтъ.

Владѣлецъ огромнаго богатства, Абдулъ-Мурза при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ подпалъ *опалѣ* (царскому гнѣву) и лишился значительной части своихъ имѣній,

накормивъ въ постный день одного изъ почетныхъ своихъ гостей—скоромнымъ, а гость этотъ, принужденный лакомиться гусемъ, былъ еще одинъ изъ высокихъ духовныхъ лицъ. Это причтено въ оскорбленіе православія отъ мусульманина, и Абдулъ-Мурза не прежде получилъ отнятое у него по царскому приговору, какъ рѣшась загладить проступокъ свой—принятіемъ Христіанства.

Абдулъ-Мурза просилъ крещенія, получилъ имя *Димитрія*, съ прозваніемъ *Сеюшевича* по отцѣ его, и титло Князя вмѣсто Татарскаго Мурзы. Помѣстья его были ему возвращены, но приключеніе съ гусемъ осталось навсегда памятнымъ въ семействѣ и въ родѣ его. (*)

Князь Димитрій Сеюшевичь былъ пожалованъ въ *Стольники*, и еще имѣлъ случай засвидѣтельствовать вѣрность и преданность царскому дому, сопровождалъ Царей въ пути ихъ, и во время бывшаго въ Москвѣ мятежа и неустроенія, собравъ преданныхъ ему ратниковъ и *служилыхъ Татаръ*, не останавливаясь никакими препятствіями и въ глубокую осеннюю пору поспѣшно привелъ многочисленный отрядъ въ Троицкую Лавру къ охранѣ и защитѣ пребывающихъ въ ней Царей, Іоанна и Петра Алексѣевичей.

(*) Объ этомъ-то случаѣ припоминалъ въ царствованіе Екатерины Великой правнукъ Князя Дмитрія Сеюшевича Князь Николай Борисовичь Юсуповъ, обѣдая за столомъ Императрицы. Государыня спросила его: умѣетъ ли онъ разрѣзать *гуся?*—«*Какъ мнѣ не знать*, *Ваше Величество*, отвѣчалъ Князь, *эта птица давно намъ знакома и дорого обошлась нашему роду*, *предокъ мой поплатился за нее половиною своего имѣнія*.—См. Словарь *Бантышъ-Каменскаго*, въ статьѣ *Юсуповы*.

За заслуги и храбрость Князь Дмитрій Сеюшевичь по двумъ грамотамъ въ 1683 г. былъ пожалованъ изъ помѣстнаго оклада, *съ тысячи четвертей, по десяти со ста въ вотчину*, въ потомственное владѣніе, что за два раза составило *двѣсти четвертей.* (*)

Князь Дмитрій Сеюшевичъ еще увеличилъ имѣніе свое, женясь на богатой вдовѣ, Катеринѣ Яковлевнѣ Сумороковой, дочери заслуженаго Окольничаго Хомутова.

Онъ скончался въ 1694 году и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, *Князь Матвѣй Дмитріевичъ*, умеръ оставя вдовою бездѣтную супругу свою, а *Князь Иванъ Дмитріевичъ* получилъ званіе Стольника, также какъ отецъ его (**), и за подвиги въ Польской войнѣ заслужилъ почетную грамоту. Этотъ достопамятный актъ отъ имени Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, (1693 въ 20 д. марта) свидѣтельствуетъ, что и въ старину Русскіе умѣли и побѣждать и вести переговоры. И никогда еще прежде не было заключено мира болѣе блистательнаго и важнаго для Россіи по своимъ послѣдствіямъ: Польша признала на вѣки за Русскими Государями именованіе

(*) Пожалованіемъ *вотчины* данное помѣстье закрѣплялось въ наслѣдственное, потомственное владѣніе (въ *отчину*). *Четверть*—была мѣра земли, вполовину противъ десятины, и заключала 1,200 квадратныхъ саженъ. См. *Историческій взглядъ на межеваніе, стр. 72.*

(**) Въ 1696 г. Князь Иванъ Дмитріевичь находился въ числѣ Стольниковъ, дневавшихъ и ночевавшихъ при гробѣ Царя Іоанна Алексѣевича. (*Дворцовые разряды*, томъ IV, стр. 930).—Онъ былъ женатъ на Княжнѣ Татьянѣ Федоровнѣ Корходиновой. Вдова его впослѣдствіи вышла за Князя Ивана Перфильевича *Шаховскаго*. (Рос. Родосл. Сбор. Кн. 4, стр. 181).

Пресвѣтлѣйшихъ, державнѣйшихъ, Кіевскихъ, Черниговскихъ и Смоленскихъ, и не только уступила Россіи дотолѣ спорный Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль— съ уѣздами ихъ, Черниговъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородъ Сѣверскій, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Переяславль, Гадячь, Полтаву и всѣ Черкасскіе по сю сторону Днѣпра города и мѣста, но и на другой сторонѣ Днѣпра: «*Богоспасаемый*», какъ сказано въ грамотѣ, *Кіевъ*, съ городами *Трепольемъ*, *Стойками*, *Васильковымъ*, *Вышгородомъ* и всѣ города отъ Кіева до Кайдака, *всю Малороссію* съ войскомъ *Запорожскимъ* и *Сѣчею*, весь Малороссійскій народъ, всѣ же плѣнные. выведенные изъ Польши и Литвы въ Россію, *многіе милліоны*, какъ сказано въ грамотѣ, (*) оставлены были на мѣстѣ поселенія ихъ, равно и всѣ взятыя Русскими во время войны съ Польшею утвари и запасы, оставлены были *безповоротно*. — Дѣйствительно, это былъ такой миръ, какому не было примѣра въ Русской Исторіи. Надлежитъ еще вспомнить, что этотъ миръ заключенъ былъ съ освободителемъ Вѣны отъ Турокъ, храбрѣйшимъ изъ Польскихъ Королей, *Яномъ Собіескимъ*. Сколько нужно было личныхъ доблестей, ума и силы обстоятельствъ, чтобы согласить на всѣ условія такого мира, свидѣтельствующаго торжество Русскаго оружія и русской дипломатики. (**)

Князю Ивану Дмитріевичу пожаловано было изъ его помѣстья въ отчину, *съ тысячи* по двадцати четвертей, всего *двѣстѣ* четвертей въ роды, чтобы въ память службы его, дѣти его, внуки и потомки, за вѣру хри-

(*) О родѣ Князей Юсуповыхъ, Часть 2-я, стр. 157.

(**) Заключенъ въ Москвѣ, утвержденъ въ Лембергѣ.

стіанскую, и за святыя Божіи церкви, и за Государей, и за свое Отечество тщались стоять съ такимъ же мужествомъ и усердіемъ.

Еще при жизни Князя Дмитрія Сеюшевича, Князь Иванъ Дмитріевичь въ 1686 г. представилъ въ *разрядный приказъ* поколѣнную роспись за общимъ подписаніемъ Князей Юсуповыхъ. Въ сей-то *росписи* также, такъ и въ *родословномъ свиткѣ* при оной, происхожденіе предковъ *Юсуфа* выведено отъ *Абубекира*, властвовавшаго, какъ сказано въ родословіи, «послѣ Магомета надъ всѣми Мусульманами». Мы уже выше замѣтили по соображенію о Султанахъ, которые послѣ Магомета явились не прежде какъ чрезъ три вѣка, что корень сего родословія относится къ могущественному *Абубекиру-бенъ Райоку*, Эмиру *ель-Омра*, который соединилъ въ лицѣ своемъ духовную и свѣтскую власть Калифовъ.

По кончинѣ Князя Дмитрія Сеюшевича имѣніе его въ 1695 г. раздѣлено было между тремя сыновьями. Романовское имѣніе досталось на часть Князю Григорію Дмитріевичу.

КНЯЗЬ

ГРИГОРІЙ ДМИТРІЕВИЧЬ ЮСУПОВЪ.

РОД. 17 НОЯБРЯ 1676 Г.—СКОНЧ. 2 СЕНТЯБРЯ 1730 Г.

Младшій братъ Князя Ивана Дмитріевича, Князь Григорій Дмитріевичъ еще въ колыбели пожалованъ былъ отъ Царя Өеодора Алексѣевича *Стольникомъ*. (*)

Онъ былъ товарищемъ игръ Петра Великаго и впослѣдствіи сподвижникомъ и спутникомъ почти во всѣхъ походахъ его. Числясь въ регулярномъ войскѣ, въ драгунскомъ полку, онъ двукратно былъ въ Азовскомъ походѣ и на приступахъ къ Азову пожалованъ отъ Петра въ Есаулы,—и послѣ взятія Азова участвовалъ въ торжественномъ вшествіи его въ Москву.

Здѣсь-то въ 1695 г. онъ восьмнадцати лѣтъ вступилъ въ бракъ со вдовою Стольника Князя Ивана Семеновича Львова, дочерью Окольничаго Никиты Ивановича Акинөова, Княгиней Анной Никитичной, (**)

(*) Князь Григорій Дмитріевичъ былъ шести лѣтъ, когда скончался Царь Өеодоръ Алексѣевичъ.

(**) Замѣчательно, что въ сговорной записи, писанной отъ имени отца Княгини, Окольничаго Акинөова, не обозначено ея приданаго, хотя и по завѣщанію Князя Григорія Дмитріевича видно, что ей даны были приданыя вотчины.

но мало времени могъ онъ удѣлять домашнему кругу семейной жизни; большая часть дней его проходила въ воинскихъ трудахъ и походахъ. Онъ былъ дважды подъ Нарвой на приступѣ, сражался и подъ Канцами, гдѣ вскорѣ возникла новая столица Петра, бился и на морѣ, при взятіи Шведскаго фрегата и галеръ; въ 1708 г. подъ Лѣснымъ былъ тяжко раненъ въ правую руку и въ лѣвую ногу, но это не помѣшало ему вести храбрыхъ въ пылъ битвы предъ героемъ Полтавской побѣды, а подъ Переволочной быть при взятіи въ плѣнъ остальнаго шведскаго корпуса.

Въ 1711 г. Князь Григорій Дмитріевичь въ чинѣ Гвардіи Майора находился въ Польшѣ, въ Познани, и озабочивался сборомъ провіанта и доставленіемъ въ дѣйствующую армію. Государь въ письмѣ изъ Торгау остерегалъ его отъ посылки чрезъ Померанію, чтобы провіантъ не перехваченъ былъ Шведами, владѣвшими въ то время Штетиномъ и другими приморскими крѣпостями, (*) но подтверждалъ, чтобы Князь старался болѣе собрать запасовъ и изготовить плоты для сплава. (**)

Одного хлѣба для продовольствія *на полгода* шеститысячной арміи тогда требовалось собрать девять тысячь четвертей, и сверхъ того крупъ, соли и мяса, сколько возможно. (***) Но по слухамъ, что посылаемые для сбора драгуны по старымъ обыкновеніямъ притѣсняютъ обывателей и вводятъ ихъ въ раззореніе,

(*) Письмо отъ 15 Окт. 1711 г.

(**) Письмо отъ 19 Октяб. 1711 г.

(***) Письмо отъ 27 Окт. 1711.

монархъ, строгій блюститель порядка и справедливости, повелѣлъ разыскивать о томъ, и, не испрашивая разрѣшенія, распоряжаться наказаніемъ виновныхъ. (*)

Вотъ содержаніе четырехъ писемъ Государя къ Князю Григорію Дмитріевичу, въ продолженіе трехъ недѣль.

Царевичь Алексѣй Петровичь, съ Ноября 1711 и въ 1712 году былъ въ постоянной перепискѣ съ Княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ.

Въ теченіе шести недѣль съ Ноября 1711 г. Князь получилъ отъ Царевича *одиннадцать* рескриптовъ, а всего *въ три года* и *три мѣсяца*, по Февраль 1715 г. до *тридцати* писемъ, свидѣтельствующихъ отчасти и собственную дѣятельность Царевича и предметы занятій Князя Григорія Дмитріевича. По порученію Царевича Князь Григорій Дмитріевичь осматривалъ мѣста для судовъ и плотовъ, и принималъ строгія мѣры къ предупрежденію незаконныхъ требованій съ обывателей. (**) Безпокойные Поляки безпрестанно жаловались на поборы и притѣсненія разсылаемыхъ драгуновъ. (***) Для розыска и суда посланъ былъ Царевичемъ нарочный Комиссаръ, Гвардіи капитанъ Кошелевъ.—Поляки даже изрубили одного драгуна, сбиравшаго недоимки, и схваченные виновники отправлены были Княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ къ Царевичу, но отосланы обратно, и Царевичь, отклоняясь отъ розыска, отозвался, что до него относится только сборъ новаго провіанта, а не старыхъ недоимокъ. Когда же заарестованы

(*) Письмо 7 Ноябр. 1711 г.

(**) См. о родѣ Князей Юсуповыхъ, часть 2, стр. 187.

(***) См. тамъ же, стр. 193 и 196.

были деньги, сбиравшіяся съ обывателей Полякомъ Нагаченскимъ на отрядъ Генерала Пфлюга и Нагаченскій присланъ былъ къ Царевичу, Алексѣй Петровичъ повелѣлъ Князю Григорію Дмитріевичу, по взятіи у Нагаченскаго вѣдѣнія о сборѣ денегъ, дать ему подводы для отпуска въ его жилище. (*)

Осторожный въ дѣйствіяхъ, Князь Григорій Дмитріевичь входилъ съ докладомъ къ Фельдмаршалу Князю Меншикову, прося разрѣшенія о количествѣ сбора провіанта и на какое число людей и въ какой мѣрѣ выдавать продовольствіе;—Фельдмаршалъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно: «*брать умѣренно*» и далѣе: «*усмотря какъ лучше, магазинъ учинить* и пр., не обозначивъ ни количества провіанта, ни числа людей. Это повидимому побудило Князя Григорія Дмитріевича обратиться къ Царевичу Алексѣю Петровичу и испрашивать его повелѣнія.—Царевичь при рескриптѣ отъ 12 Генваря 1712 г. приложенными пунктами за своею скрѣпою, разрѣшилъ ему устроить магазины на рѣкѣ Вартѣ и опредѣлилъ, сколько сбирать провіанта и на какое число войска, (**) именно: на *12 тысячь, на 8 мѣсяцевъ,* полагая на день по два фунта хлѣба и по *полуфунту мяса* на человѣка, или вмѣсто мяса, брать масломъ по *четверти фунта.* (***)

(*) О родѣ Князей Юсуповыхъ, ч. 2-я, стр. 201, 207.

(**) Часть 2-я, стр. 197,199.

(***) Количество замѣчательно умѣренное. Вѣсы и мѣры свидѣтельствовались и отмѣчались Русскими и Польскими комиссарами. Продовольствіе: хлѣбъ, крупа, соль и пр. покупалось на деньги, смотря гдѣ дешевле. Для сбора провіанта разсылались *универсалы* или окружныя пояснительныя объявленія о всѣхъ распоряженіяхъ по сбору провіанта и платѣ за него. Все это устраняло поборы.

Когда же нѣкоторые обыватели не хотѣли давать провіанта и предлагали деньгами; въ этомъ случаѣ, но не иначе, какъ съ согласія драгуновъ, опредѣлено было брать по *два шестака* на человѣка. (1)

При строеніи плотовъ и судовъ работали рекруты; искали и мастеровъ для судостроенія, (2) наконецъ повелѣно было испытать, не могутъ ли «*судовое и плотовое дѣло*» исправить драгуны *Лейбъ-регимента*, (3) и въ такомъ случаѣ предписано—отослать всѣхъ рекрутъ.

Драгуны кромѣ ихъ полевой службы, исправляли многія другія обязанности: они рубили лѣса, взыскивали недоимки, собирали и отправляли провіантъ, развозили указы, конвоировали въ пути Царскихъ Особъ, посылались даже за привезеніемъ изъ внутреннихъ губерній Россіи православныхъ священниковъ въ полки, стоящіе въ Польшѣ. Драгуны были наѣздниками, курьерами, фуражирами, судостроителями.

Въ 1715 году, подъ наблюденіемъ Князя Григорія Дмитріевича устроивалось до тридцати *струговъ*. (4)

Въ то время въ Польшѣ еще былъ такой недостатокъ въ свѣдущихъ дѣло и знающихъ Русскій и Поль-

---

(1) По 12-ти копѣекъ на человѣка. *Шестакъ*—монета того времени.

(2) О родѣ Кн. Юсуповыхъ, часть 2-я, стр. 202.

(3) Тамъ же, стр. 203.

(4) Длиною до 12 аршинъ, шириною *полшеста аршина*, то есть *пять съ половиною*. Лѣсъ рубили посланные солдаты, а деньги, необходимыя на желѣзо, пеньку и другое припасы къ судостроенію, положено сбирать у обывателей, но добровольно, не у одного, и съ зачетомъ.—*О родѣ Кн. Юсуповыхъ, ч. 2-я, стр. 208.*

скій языки канцелярскихъ служителяхъ, что Царевичь нуждался и въ хорошемъ писцѣ и въ человѣкѣ, который могъ бы правильно переводить съ Польскаго на Русскій. Князю Григорію Дмитріевичу поручено было пріискать такого писца и переводчика. (1)

Сознавая необходимость поддерживать благочестіе въ войскѣ, Князь заботился и о снабженіи полковъ благонадежными священниками. (2) Изъ писемъ Царевича видно, что Львовскій Епископъ отказалъ въ присылкѣ священниковъ и назначено истребовать ихъ изъ Смоленска или изъ Кіева. (3)

При проѣздѣ въ 1711 году Кронъ-Принцессы Шарлотты, супруги Царевича, отъ Познани до Торуни, Князь Григорій Дмитріевичь распоряжался поставкою на каждыхъ четырехъ или пяти миляхъ по ста лошадей, при одномъ офицерѣ и нѣсколькихъ драгунахъ и доставленіемъ продовольствія на 50 особъ. (4) При проѣздѣ же Царевича въ 1712 г. отъ Торуни до Познани и до Помераніи, на Князя возложено было распоряженіе о заготовленіи на каждомъ этапѣ продовольствія на *тридцать* особъ и фуража на *десять цуговъ лошадей*. (5)

Въ 1711 г. Князь находился въ Турецкомъ походѣ, начальствуя драгунами. (6)

---

(1) О родѣ Кн. Юсуповыхъ, часть 2, стр. 197, 202.
(2) Часть 2, стр. 191, 192.
(3) Часть 2, стр. 203, 206.
(4) Часть 2, стр. 188.
(5) Часть 2-я, стр. 207.
(6) Дѣянія Петра Великаго, ч. XV, стр. 285.

Въ 1716 году, въ Сентябрѣ, когда Князь Григорій Дмитріевичь командовалъ галерою *«Св. Алексій»*, Государю угодно было въ руководство офицерамъ послать Указъ Князю, и къ тому, кто будетъ впередъ командовать сею галерою, чтобы офицеры были внимательнѣе къ сигналамъ, а не подражали бы дѣйствіямъ идущаго впереди командира, *какъ мартышки*, безъ разсмотрѣнія, находясь иногда позади въ полумилѣ разстоянія, но держались бы своего мѣста по даваемому сигналомъ приказу. За нарушеніе этого правила опредѣлялся вычетъ изъ жалованья, въ первый разъ—за мѣсяцъ, во второй—за годъ, въ третій разжалованіе въ солдаты. (*) Поднятіе штандарта на галерѣ командующаго галернымъ флотомъ было знакомъ призыва къ нему всѣхъ командировъ галеръ.

Въ Декабрѣ 1717 г. слухи о большихъ злоупотребленіяхъ по соляному сбору, въ Бахмутѣ, въ бытность Губернатора Князя Кольцова-Масальскаго, дошедшіе до свѣдѣнія Государя, побудили его учредить особую розыскную Коммиссію, изъ четырехъ членовъ, подъ главнымъ начальствомъ Князя Григорія Дмитріевича. Строгая инструкція, данная Коммиссіи, предписывала изслѣдовать дѣло *«безъ всякихъ приказныхъ крючковъ»* какъ правдивому судьѣ и истцу; къ отвѣту повелѣно было призывать всѣ прикосновенныя къ дѣлу лица, какого бы кто званія ни былъ, не исключая Генераловъ и Министровъ, которыхъ опредѣлено было допрашивать въ Сенатской палатѣ; о высшихъ земскихъ чинахъ опредѣлено доносить, о воинскихъ же, начиная съ штабъ-офицеровъ, служившихъ въ арміи, прочихъ

(*) О родѣ Кн. Юсупов. ч. 2-я, стр. 174.

подвергать военному суду, и если будетъ улика, то и пыткѣ.—Военный судъ назначался по тому уваженію, что *не имѣлось полнаго и порядочнаго земскаго устава.* (1) При семъ разрѣшено было Сенату назначать по требованіямъ въ помощь къ розыску асессоровъ и приказныхъ, и напоминалось выполнять указы «*не на письмѣ токмо, но и на дѣлѣ.*»

Въ 1718 году Князю Григорію Дмитріевичу поручено было разсмотрѣніе дѣлъ Петра Апраксина и подполковника Князя Долгорукова, и повелѣно было спѣшить въ Москву, взявъ только одного *дьяка.* (2) Въ дѣловыхъ людяхъ тогда былъ недостатокъ, по начавшемуся въ то время слѣдствію надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. По повелѣнію Государя Князь Григорій Дмитріевичь и Генералъ Майоръ Чернышевъ арестовалъ прикосновеннаго къ дѣлу сему *Ивана Авапасьева.* (3) Въ числѣ скрѣпившихъ въ 1718 г. приговоръ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ подписалъ и Майоръ Гвардіи Преображенскаго полка ***Князь Григорій Юсуповъ.***

Въ 1722 году Князь Григорій Дмитріевичь въ Нижнемъ Новгородѣ выполнялъ порученіе Государя по судостроенію. Ему поручено было пріискать тамъ, сколько возможно поспѣшнѣе, годныя суда, и устроить изъ нихъ по новому образцу двадцать мореходныхъ судовъ, въ случаѣ же недостатка у обывателей готоваго такелажа для закупки, дѣлать вновь. (4) Усердіе ускорить выпол-

---

(1) Указъ 1717, Декаб. 9. О родѣ Кн. Юсуповыхъ, ч. 2-я, стр. 175.

(2) Секретаря или дѣлопроизводителя.

(3) Одинъ изъ приближенныхъ придворныхъ Царевича.

(4) Рескриптъ 1722, Марта 30.

неніемъ этого порученія побудило Князя Григорія Дмитріевича употребить на этотъ предметъ суда, находившіяся у подрядчиковъ, доставлявшихъ провіантъ. По жалобамъ ихъ въ Камеръ-Коллегію Государь повелѣлъ взятыя отъ нихъ суда возвратить имъ, въ случаѣ же перестройки ихъ для морскаго хода, пріискать вмѣсто нихъ для подрядчиковъ другія суда, чтобы не останавливать отпуска провіанта. (*) Князь Григорій Дмитріевичь, выполняя повелѣніе, вынужденъ былъ взять суда у соляныхъ промышленниковъ. (**) Соляные промышленники въ свою очередь бросились съ жалобами въ Камеръ-Коллегію. Государь и въ отношеніи къ нимъ повторилъ повелѣніе о провіантскихъ судахъ: въ случаѣ перестройки нѣкоторыхъ соляныхъ судовъ замѣнять ихъ другими, чтобы не останавливать солянаго отпуска. (***) Нельзя не видѣть въ этомъ, что Князь Григорій Дмитріевичь угадалъ мысль Государя: выиграть время для скорѣйшей перестройки судовъ, употребляя для сего провіантскія и соляныя, какія нашлись въ Нижнемъ Новгородѣ; между тѣмъ жалобы тѣхъ и другихъ промышленниковъ удовлетворялись назначеніемъ для нихъ въ замѣнъ другихъ судовъ.

Въ тоже время Великій Хозяинъ Русскаго Царства съ свойственною ему попечительностью заботясь о здоровьи солдатъ и офицеровъ, отправилъ къ Князю Юсупову собственноручное, подробное письмо, имѣя въ виду наступленіе Петрова поста и обиліе рыбы въ Нижнемъ, съ остереженіемъ, чтобы употребляли *варе-*

(*) О родѣ Княз. Юсуповыхъ, часть 2-я, стр. 178.
(**) Тамъ же, стран. 179.
(***) 1722, Апрѣля 29.

ную рыбу только два дня въ недѣлю, а въ прочіе дни *печеную*, потому что вареная подвергаетъ болѣзни, причемъ повелѣлъ офицерамъ строго наблюдать, чтобы рыбу доваривали и допекали, и не осталось бы въ ней сырости,—Офицерамъ, которые для примѣра солдатамъ и по уваженію, что многіе «*пищу за вѣру ставятъ*», употребляли рыбную пищу, предписывались тѣ же предосторожности. Употребленіе свѣжей бѣлужины и сомовины запрещено. Заболѣваніе солдатъ относилось къ небрежному смотрѣнію офицеровъ и подвергало ихъ отвѣтственности. «*Жестоко спросится ежели люди заболятъ, а наипаче на высшихъ*». (*) Повелѣно запасаться уксусомъ, вѣроятно, какъ предохранительнымъ средствомъ отъ болѣзни.

При этомъ же письмѣ Петра Великаго къ Князю Григорію Дмитріевичу приложенъ и списокъ съ сего собственноручнаго повелѣнія, очевидно для болѣе удобнаго чтенія, по неразборчивости торопливаго почерка Государева.

Въ концѣ Октября того же года дана инструкція Князю Григорію Дмитріевичу: строить въ Нижнемъ *пятнадцать гекботовъ* по чертежу, и чтобы семь изъ нихъ готовы были и спущены до вскрытія воды, а остальные не далѣе *Маія*. Князь уполномочивался собрать плотниковъ, по сту для каждаго гекбота; въ случаѣ же невозможности пріискать такое число мастеровыхъ, назначалось къ семи судамъ по сту, а къ остальнымъ по пятидесяти плотниковъ, и въ помощь имъ работники, на первые семь гекботовъ по пятидесяти,

---

(*) Рескриптъ 1722, Маія 10.

на остальные по тридцати. Оснастку на всѣ суда, строящіеся въ Нижнемъ и въ Казани, повелѣно дѣлать въ Нижнемъ; о присылкѣ мастеровыхъ «*заранѣе снестись съ Майоромъ Румянцовымъ.*»

Князь Григорій Дмитріевичь, не видя разрѣшенія, откуда требовать мастеровыхъ, матросовъ и мастера варить смолу, откуда получать пилы, теслы, напари, коловороты, откуда требовать денегъ на расплату за матеріалы, также мастерамъ и работникамъ, немедленно обратился съ докладомъ къ Государю и получилъ разрѣшеніе, что мачтовые, якорные, канатные и конопатчики пришлются изъ Петербурга, также и корабельный мастеръ Нѣмцовъ, другихъ собирать на мѣстѣ, мастера для варки смолы брать изъ городовъ, гдѣ смолу дѣлаютъ, деньги требовать изъ Кабинета, шкиперовъ и матросовъ, а изъ орудій пилы и напарей у Адмирала, а вмѣсто коловоротовъ употреблять разные буравы; дерево къ гекботамъ на кили, штевены, кнехты, бетинги и проч. класть дубовое. (*)

Въ 1722 году Князь Григорій Дмитріевичь былъ посланъ Петромъ Великимъ въ разныя провинціи (такъ назывались тогда губерніи) для наблюденія по новому распорядку армейскихъ полковъ. По званію первоначальствующаго члена Военной Коллегіи Княземъ было подписано положеніе о содержаніи всей арміи, которое разложено было на пять милліоновъ ревизскихъ душъ, и опредѣлено было отпустить на армію (кромѣ гвардіи и артиллеріи) *четыре милліона рублей*, въ томъ числѣ

(*) Дѣянія Петра Великаго. VII, стр. 361.

три миліона на полевую армію и одинъ на гарнизоны. (*)

Съ началомъ весны слѣдующаго 1723 года, Государь повелѣлъ готовые изъ строящихся судовъ немедленно спускать на воду и отправлять въ Астрахань, подъ командою офицера, назначая на каждое по *двѣстѣ*, или, по необходимости, по сту пятидесяти человѣкъ, и собственноручно подтверждалъ повелѣніе о скорѣйшей отправкѣ судовъ. Въ тотъ же день посланъ былъ *дупликатъ* сего повелѣнія, полученный Княземъ двумя днями позже перваго. Этого мало: заботливый и нетерпѣливый Царь послалъ съ курьеромъ *трипликатъ* (*Апрѣля 6*) въ тѣхъ же самыхъ словахъ, полученный Княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ 26-го Апрѣля. Вѣроятно состояніе почтовыхъ дорогъ при весеннемъ разлитіи рѣкъ было ненадежно, и Государь, приготовлявшійся къ войнѣ съ Персіею, опасался, что повелѣніе его можетъ не дойти своевременно. Какъ бы то ни было, но *дупликаты* и *трипликаты*, свидѣтельствующіе неутомимую заботливость и дѣятельность Петра, повторялись нерѣдко.

За двѣнадцать дней до полученія *трипликата*, Князь Григорій Дмитріевичь увѣдомилъ Государя, что уже *девять гекботовъ* приходятъ къ окончанію, вскорѣ спустятся и по прибытіи конвоя отправятся въ Астрахань.

Такое быстрое исполненіе было по сердцу Петра. «*За что вамъ благодарствую!*» писалъ Князю Государь, довольный трудами его въ успѣшной отдѣлкѣ судовъ, и дополнилъ, чтобы, стараясь объ отдѣлкѣ вскорѣ и ос-

(*) Дѣянія Петра Великаго, VII, стр. 324.

тальныхъ шести гекботовъ, Князь самъ проводилъ ихъ къ Макарьевскому монастырю, и потомъ самъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ. (*)

Въ августѣ 1723 г. Князь Григорій Дмитріевичь участвовалъ въ великолѣпномъ маскарадѣ, изъ пятидесяти осьми кадрилей, начавшемся 30 Августа и продолжавшемся цѣлую недѣлю, до 6-го Сентября. Онъ находился въ осьмой кадрили, съ четырьмя другими лицами, въ одеждѣ старинныхъ воиновъ. Самъ же Государь, тогда въ званіи Адмирала краснаго флага, былъ въ 49-й кадрили, въ одеждѣ *барабанщика*. (**)

Въ письмѣ отъ 29 Сентября 1724 г. (***) Императоръ извѣщалъ Князя, что какъ 1-е число наступающаго мѣсяца (праздникъ Покрова Богородицы) день неработный и войска отпускаются на зимнія квартиры, то повелѣно дать солдатамъ вина изъ Камеръ-Коллегіи. — «*Отпиши, дошло ли оное*»? присовокупляетъ Государь, и эта черта характеризуетъ время, когда случалось повидимому, что и Царскія милости не всегда доходили по своему назначенію.

Такимъ образомъ Князь Григорій Дмитріевичь былъ ревностнымъ исполнителемъ самыхъ разнообразныхъ порученій Монарха: и въ военныхъ походахъ, и въ кораблестроеніи, и въ мореплаваніи, и въ розыскныхъ комиссіяхъ. Ему порученъ былъ и розыскъ надъ

(*) Письмо адресовано: Господину Маіору Гвардіи Юсупову, въ Нижнемъ. Это письмо послано къ Князю и въ дупликатѣ, 18 Маія, 1723.

(**) Дѣян. Петра Великаго, т. VII.

(***) О родѣ Кн. Юсуп. Ч. 2-я, стр. 186.

Соловьевымъ, повѣреннымъ Князя Меншикова, перевозившимъ его милліоны въ заграничные банки. По дѣлу этому прикосновенный иностранецъ Салутци былъ взятъ подъ стражу, но это былъ коммиссіонеръ самой Государыни, производившій для нея разныя закупки за границею, и Царица сама писала объ немъ *къ Майору Гвардіи*, прося отпустить Салутци, котораго жена и дѣти оставались въ Петербургѣ, гдѣ онъ имѣлъ и домъ. Для убѣжденія Князя Григорія Дмитріевича Государыня присовокупила, что если до Салуцци и касается какое дѣло, то онъ можетъ быть освидѣтельствованъ по его пріѣздѣ съ Санктпетербургъ.

Въ 1724 г. при коронованіи Петромъ Великимъ Супруги Его, Екатерины I-й, въ воздаяніе заслугъ ея, въ искупленіи его чести и жизни при Прутѣ, Князь Григорій Дмитріевичь былъ въ числѣ шести Генералъ-Майоровъ, поддерживавшихъ на серебряныхъ древкахъ балдахинъ, подъ которымъ шествовала Императрица въ Соборъ. (*)

При погребеніи Императора Петра Великаго въ 1725 г. Князь Григорій Дмитріевичь былъ въ числѣ трехъ маршаловъ, слѣдовавшихъ за гробомъ Государя, предъ Императрицею, поддерживаемою ассистентами: Княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ и Генералъ-Адмираломъ Графомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ.

По восшествіи на престолъ Екатерины I-й, въ самый день учрежденія Ордена св. Александра Невскаго,

---

(*) Дѣянія Петра Великаго, VII, стр. 58.

по предпамѣренію Петра Великаго, Князь Григорій Дмитріевичь былъ изъ первыхъ пожалованныхъ Государынею кавалеровъ. Въ 1725 году онъ былъ въ числѣ двѣнадцати Генералъ-Лейтенантовъ. (*)

По кончинѣ ея, онъ въ чинѣ Генералъ-Поручика и Майора Гвардіи Преображенскаго полка, столько изъявилъ усердія и преданности новому Государю, юному Императору Петру Второму, сыну Царевича Алексѣя Петровича, и пользовался такимъ его благоволеніемъ, что получилъ отъ него въ подарокъ обширный домъ въ Москвѣ, въ приходѣ Трехъ Святителей, (**) и пожалованъ имъ (въ Октябрѣ 1727) въ Подполковники Преображенскаго полка, въ которомъ самъ Гусударь считался Полковникомъ. Это вниманіе и милость были такъ значительны, что сама Герцогиня Курляндская (впослѣдствіи Императрица) Анна Іоанновна собственноручно письмомъ поздравляла Князя Григорія Дмитріевича съ пожалованіемъ и просила его поклониться отъ нея—его фамиліи. Вслѣдъ затѣмъ (въ Декабрѣ 1727 г.) и Герцогъ Голштинскій, Карлъ-Фридрихъ, супругъ дщери Императора Петра Великаго, Цесаревны Анны Петровны, самымъ благосклоннымъ письмомъ, изъ Киля, дружески поздравлялъ Князя Григорія Дмитріевича съ *Новымъ годомъ* (1728). Въ слѣдующемъ году Князь получилъ отъ Государя въ вѣчное и потомственное владѣніе многія изъ отписанныхъ въ казну деревень Меншикова въ Бѣлогородской Губерніи, дворъ Мен-

---

(*) Дѣянія Петра Великаго, XIII, стр. 641.

(**) Нынѣ Св. *Харитонія въ Огородникахъ*.

шикова *въ Бѣлгородѣ* и въ Нижегородскимъ уѣздѣ село Князя Прозоровскаго, съ подгорною слободою.

При восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны властолюбивѣйшіе изъ членовъ верховнаго совѣта замышляли ограничить самодержавіе, но Князь Григорій Дмитріевичь, принадлежа къ числу сановниковъ, признававшихъ государственное благо въ полнотѣ самодержавной власти, въ присутствіи самой Императрицы на тронѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, не поколебался предъ членами верховнаго совѣта обратиться къ ней съ рѣчью отъ имени Генералитета и дворянства. «Намъ оказали честь, сказалъ онъ, позволивъ выразить наше мнѣніе относительно новой формы правленія; я осмѣливаюсь передать Вашему Величеству прошеніе, содержащее наши единодушныя желанія». Императрица, выслушавъ его, приказала Князю Черкасскому прочитать прошеніе вслухъ. (*) Этотъ день сохранилъ для Россіи незыблемо ограду самодержавія.

Вскорѣ, когда Князья Долгоруковы подверглись немилости Государыни, Князю Григорію Дмитріевичу Юсупову поручено было особеннымъ указомъ слѣдствіе о казенныхъ вещахъ въ домѣ Оберъ-Камергера. Извѣстно, что молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ скончавшійся Императоръ Петръ Второй, по дружбѣ съ Княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, былъ въ послѣднее время неразлученъ съ нимъ, часто имѣлъ пребываніе въ домѣ его, и сестра Долгорукова Княжна Екатерина Алексѣевна была Императорскою Невѣстою, почему и разныя драгоцѣнныя вещи туда присылались

(*) Русскій Архивъ, 1866, № 1, стр. 11.

по требованіямъ и приказаніямъ Долгорукова, но едва только съ неожиданною кончиною Государя и перемѣною въ Правленіи подвергся онъ немилости, какъ отъ всѣхъ начальствъ представлены были вѣдомости о взятыхъ вещахъ. Князь Григорій Дмитріевичь былъ назначенъ для отобранія ихъ и для распоряженій къ принятію строгихъ мѣръ: брать подъ стражу и къ розыску изъ людей Оберъ-Камергера, не дозволять бывшему царскому любимцу выѣзда изъ дома и не допускать къ нему никого изъ пріѣзжихъ.

Повидимому тяжко и прискорбно было это порученіе для прямодушнаго Князя Григорія Дмитріевича. Онъ былъ пожалованъ въ Генералъ-Аншефы, утвержденъ Сенаторомъ (*) и съ 1727 г. былъ первенствующимъ членомъ Государственной Военной Коллегіи. Но не долго пережилъ онъ паденіе Долгоруковыхъ и скончался 2 Сентября того же года (1730) въ Москвѣ, среди своего семейства: супруги его Княгини Анны Никитичны, сыновей: Князь Бориса, Князь Григорія и Князь Сергія, и дочери, Княжны Прасковьи Григорьевны. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ, подписанномъ въ самый день кончины, предоставляя тремъ сыновьямъ раздѣлить недвижимое его имѣніе по равной части, и движимое—*полюбовно*, онъ завѣщалъ женѣ своей подмосковную свою вотчину Толбино и приданыя ея вотчины, предоставляя ей въ этомъ имѣніи сдѣлать на-

(*) Въ первый разъ онъ пожалованъ былъ въ Сенаторы еще при Петрѣ Великомъ, и въ 1722 г. присутствовалъ въ Сенатѣ, при назначеніи Ягужинскаго Генералъ-Прокуроромъ, но неизвѣстно, почему впослѣдствіи выбылъ изъ Сенаторовъ. *Дѣян. Петра Великаго*, IX, т. стр. 122-я.

слѣдницею дочь свою Княжну Прасковью Григорьевну, или кого пожелаетъ. Хотя завѣщаніе и писано, какъ сказано въ немъ, «*съ совѣта жены*», но оканчивается строгимъ зарокомъ: «*А ежели жена моя или кто изъ дѣтей моихъ завѣтъ мой презритъ и въ чемъ-либо будетъ прекословить, да будетъ моя отеческая клятва.*»

По отзыву бывшаго въ Россіи испанскаго Посла, Дюка де *Лиріи*, лично знавшаго Князя Григорія Дмитріевича, онъ былъ мужъ чести: *шелъ всегда прямымъ путемъ*, хорошо служилъ отечеству, хорошо зналъ свое дѣло, отличался отвагой на полѣ битвы, что свидѣтельствовали раны его, любилъ иностранцевъ, *былъ чрезвычайно преданъ своему Государю*, но часто осушалъ и кубки. (*) Послѣднее пояснимъ обычаями вѣка и примѣромъ тогдашняго высшаго общества, нетолько въ Россіи, но и въ Польшѣ. (**)

Въ замѣчательной надписи, начертанной на гробницѣ его, указаны и происхожденіе его «*отъ златаго иногда корене Погайскихъ Князей, многихъ разныя порфиры носившихъ*», и боевая служба его, сопутника и сподвижника почти во всѣхъ походахъ Петра Великаго. Онъ былъ и витязь на поляхъ битвъ и на морѣ, усердный и неутомимый строитель судовъ, и неподкупный слѣдователь злоупотребленій, не взирая на лица сильныхъ.

Въ надгробной его надписи, вѣроятно по волѣ

(*) *Записки Дюка Лирійскаго.*

(**) По тогдашней современной поговоркѣ: *quand le Roi buvoit, la Pologne étoit ivre.*

Княгини, вдовы его, изочтены нетолько годы и мѣсяцы, но дни, часы и минуты его жизни. (*) Князь Григорій Дмитріевичь скончался на 56–мъ году, и погребенъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

(*) Пожилъ, какъ начертано на камнѣ его: 55 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ 19 дней, 1 часъ и 55 минутъ.

Надъ надписью эмблемма, какъ въ печати на просфорахъ: въ кругѣ, представляющемъ вѣчность, изображеніе *Креста*, знаменіе побѣды надъ смертію, и вверху: IC. XC, а внизу Греческ. слово *НИ КА*, то есть: Інсусъ Христосъ Побѣдитель.

КНЯГИНЯ

АННА НИКИТИЧНА ЮСУПОВА.

Дочь *Окольничаго*, Никиты Ивановича Акинфова, Княгиня Анна Никитична была въ первомъ супружествѣ за Стольникомъ, Княземъ Иваномъ Семеновичемъ *Львовымъ*, заслужившимъ почетный царскій отзывъ въ жалованной ему грамотѣ и награду вотчинами за отличные подвиги храбрости въ войнѣ противъ Крымцевъ и Поляковъ.

Княгиня, наслѣдовавъ по кончинѣ его имѣніе супруга, чрезъ нѣсколько лѣтъ вступила во второй бракъ съ Княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ Юсуповымъ. Замѣчательно, что и во второй бракъ вдовствующая Княгиня Львова была сговорена и выдана замужъ отцемъ своимъ. (*)

Жизнь Князя Григорія Дмитріевича большею частію проходила въ военныхъ трудахъ и походахъ, на западѣ и югѣ Россіи, въ отдаленіи отъ своего семей-

(*) По записи, и притомъ—*на срокъ*, къ 27 Генваря 7203 (то есть 1695) года съ обязательствомъ въ случаѣ неустойки—заплатить *четыре* тысячи рублей.

ства, почему Княгиня Анна Никитична часто была въ разлукѣ съ супругомъ своимъ; на нее падали почти всѣ заботы домашняго хозяйства.

Нелегко было ей разставаться на нѣсколько лѣтъ и съ любимымъ сыномъ своимъ, Княземъ Борисомъ Григорьевичемъ, отправленнымъ на воспитаніе Петромъ Великимъ во Францію съ другими дѣтьми Русскихъ сановниковъ; впрочемъ при ней оставались еще два младшіе сына: Князья Григорій и Сергій Григорьевичи, и дочь: Княжна Прасковья Григорьевна.

Оставшись въ 1730 г. вдовою послѣ Князя Григорія Дмитріевича, Княгиня Анна Никитична пережила его только пятью годами.

Князь Борисъ Григорьевичъ возвратился изъ Парижа съ блестящимъ образованіемъ по тому времени, и еще при жизни родительницы къ утѣшенію ея занялъ значительную степень въ государственной гражданской службѣ (*).

Въ 1731 г., чрезъ годъ послѣ смерти родителя, Князь Григорій Григорьевичъ женился на Княжнѣ Евдокіи Никитичнѣ Шаховской.

Заботливая бабушка ея (Вельяминова-Зернова) назначала Княжну наслѣдницею всего недвижимаго своего имѣнія, но хотя оно и было справлено за Княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ, послѣ его брака,—по силѣ ряд-

(*) Младшіе его братья были въ 1732 г. Подполковниками: Князь Григорій Григорьевичь въ Олонецкомъ, Князь Сергій Григорьевичь въ Бутырскомъ полку.

ной записи (*) должно было оставаться пожизненно и осталось во владѣніи Вельяминовой-Зерновой. Вскорѣ молодая Княжна скончалась. Старушка пережила свою внучку.

Въ 1734 г. Княгиня Анна Никитична съ прискорбіемъ оплакала потерю меньшаго своего сына, Князя Сергія Григорьевича. Онъ скончался въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Къ утѣшенію Княгини, въ томъ же году устроился семейный бытъ старшаго ея сына, Князя Бориса Григорьевича, женившагося на дочери бывшаго Стольника Зиновьева.

Единственная дочь Княгини Анны Никитичны, Княжна Прасковья Григорьевна, нѣкогда въ дѣтствѣ ласкаемая Петромъ Великимъ, увлекаясь пылкостію

(*) Рядныя о приданомъ представляютъ много любопытныхъ подробностей въ отношеніи семейной, домашней жизни и старинныхъ обычаевъ, наприм. см. 2-ю ч. О родѣ Кн. Юсуповыхъ, стр. 376—379.

Вообще завѣщанія, рядныя и другіе акты, помѣщенные въ собраніи фамильныхъ бумагъ, много знакомятъ съ особенностями того вѣка. Не исчисляя множества подробностей, укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ:

Завѣщанія еще долго по установленіи новаго счисленія времени Петромъ Великимъ, писались по счету лѣтъ *отъ сотворенія міра*.

Между уборами встрѣчаются бриліантовыя *трясила* (булавки съ дрожащими бриліантовыми цвѣтками): въ числѣ женскихъ платьевъ *самара* (съ длиннымъшлейфомъ) и *кафтаны изарбатные* (въ родѣ бархатныхъ казакиновъ); въ особенности щеголяли шубами на драгоцѣнныхъ мѣхахъ. Между комнатными приборами замѣчательны *нахтишь* (спальные туалетные поставцы) изъ серебра, со множествомъ мѣстъ для поклажи; *нахтцы*—спальные чепчики и пр.: между кружевными головными нарядами «*фонтанжи*» по сходству наружнаго вида съ фонтанами. Платья украшались золотыми и серебряными кружевами: *пондишпандіями* (point d'Espagne); бѣлье подавалось на серебряныхъ *вѣшкахъ*, и пр.

права, выказывала легкомысліе въ разговорахъ, и въ крутое Бироново время навлекла на себя негодованіе Императрицы, за нѣсколько неосторожныхъ словъ, можетъ быть перетолкованныхъ и преувеличенныхъ наговорами. — Удрученная скорбію семейныхъ потерь, Княгиня Анна Никитична и безъ этого была въ болѣзненномъ положеніи, и, *въ Маіѣ 1735 г.*, чувствуя приближеніе кончины, спѣшила послѣдними распоряженіями. Духовная ея исполнена глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ:

«Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами, говоритъ Княгиня, приступаю я грѣшная просить Всемогущаго Небеснаго Царя, Сотворителя и Дателя всѣхъ благъ, и Искупителя рода человѣческаго: призри съ высоты милости своей, не предай меня будущему вѣчному мученію, ради человѣколюбія Твоего, сотвори съ душою моею грѣшною по милости своей, не по согрѣшенію моему и дѣламъ моимъ! Трепещу плача, боюсь мученія, уповаю на щедроты Твои, ибо Ты милостивъ къ согрѣшающимъ, призываешь всѣхъ на покаяніе; да помилуешь и простишь и меня грѣшную!»

Разставаясь съ міромъ, благочестивая мать заботилась о мирѣ и согласіи дѣтей своихъ, завѣщала проводить жизнь въ дѣлахъ Богоугодныхъ и всегда памятовать будущее воздаяніе отъ Творца, при кратковременности жизни и непрочности благъ земныхъ; назначила все недвижимое родовое имѣніе въ раздѣлъ двумъ сыновьямъ: Князю Борису и Князю Григорію Григорьевичамъ и вмѣсто указной послѣ отца части дочери, Княжнѣ Прасковьѣ Григорьевнѣ, отказала сіи собственную свою подмосковную вотчину: Толбино, всѣ прида-

ныя свои деревни съ людьми, алмазныя, яхонтовыя и изумрудныя вещи; до времени же вступленія Княжны во владѣніе тѣмъ имѣніемъ, опредѣлила сыновьямъ производить сестрѣ ихъ выдачу ежегодно деньгами и запасами. (*)

Княгиня завѣщала похоронить себя при Московской церкви, именуемой Гребенской Богоматери. (**)

При всемъ выраженіи материнской любви, Княгиня включила въ свое завѣщаніе еще слѣдующее предостереженіе:

«И желаю, и прошу, и завѣщаю вамъ, дѣтямъ моимъ, дабы исполнить все по сему моему завѣщанію, по законамъ Божескимъ и гражданскимъ, и за то, да примете отъ Господа Бога и здѣсь и въ будущемъ милость, и мое грѣшное благословеніе да будетъ съ вами вездѣ; если же не исполните, болѣзную душою и боюсь того, чтобъ вмѣсто милости Господней и моего благословенія, за неисполненіе не понесть вамъ наказанія душевно и тѣлесно, отъ гнѣва Господня, отъ чего да сохранитъ васъ Богъ!

Въ 1736 г. Князь Григорій Григорьевичъ, черезъ годъ по смерти родительницы, женился во второй разъ:

(*) По 300 рублей, по *сту* ведеръ вина, по *девяти быковъ* и по *шестидесяти барановъ*. Завѣщаніе послѣдовало 17 маія 1735;—слѣдовательно Княжна Прасковья Григорьевна не могла быть по сказанію нѣкоторыхъ *Монахинею* въ *апрѣлѣ* того года. Такого отпуска монахинямъ никогда не производилось.—Нѣтъ ни тѣни правды и въ томъ мнѣніи, что Княжна будто бы за отца ея подверглась немилости при Дворѣ. Князь Григорій Дмитріевичь незадолго предъ кончиной своей по благоволенію къ нему Императрицы былъ возведенъ въ званіе Генералъ-Аншефа.

(**) На Мясницкой, близь Лубянки.

на Княжнѣ Маріи Петровнѣ Коркадиновой. Сестра ея, выдававшая ее замужъ, дала за нею приданое. Но въ томъ же году, Князю Григорію Григорьевичу, пожалованному въ Полковники Олонецкаго полка, предписано было Генералъ-Фельдмаршаломъ Минихомъ немедленно явиться въ полкъ. Между тѣмъ приданое и деньги, полученныя по сговорной записи, все пошло на уплату долговъ Князя Григорія Григорьевича, почему, за скорымъ отъѣздомъ, въ томъ же мѣсяцѣ, въ которомъ совершена была свадьба его, онъ оставилъ и духовное завѣщаніе: чтобы въ замѣнъ издержанныхъ имъ приданаго и денегъ жены его, предоставлено было ей недвижимое его имѣніе, и въ случаѣ несогласія на то брата, чтобы Князь Борисъ Григорьевичь выдалъ ей *десять* тысячь рублей сверхъ указной части.

Въ завѣщаніи своемъ Князь Григорій Григорьевичь обращается къ брату съ замѣчательными словами: «Молю, чтобъ жену мою не обидѣть, и душу мою наономъ свѣтѣ не заключить, а ежели онъ жену мою въ чемъ обидитъ и сему завѣщательному письму станетъ прекословить, и я предаюсь съ нимъ на томъ свѣтѣ въ судъ предъ Богомъ.»

Въ тревожномъ состояніи души и повидимому съ разстроеннымъ здоровьемъ, Князь Григорій Григорьевичь, неся труды походной жизни, отправился въ порученный ему полкъ, въ началѣ 1737 года. Вскорѣ его не стало.

Сестра его, Княжна Прасковья Григорьевна, по кончинѣ матери, приняла постриженіе въ монастырѣ,

съ именемъ *Мавры* (*) и чрезъ три года скончалась, не доживъ до царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.

И такъ изъ всего семейства Князя Григорія Дмитріевича остался единственнымъ полнымъ наслѣдникомъ имѣнія своихъ родителей—Князь Борисъ Григорьевичь.

(*) Родословная книга, часть 2-я.

КНЯЗЬ

БОРИСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЮСУПОВЪ.

РОД. 1695 ІЮЛЯ 18, СКОНЧ. 1759 МАРТА 1.

Петръ Великій, заботясь о просвѣщеніи и образованіи молодыхъ Русскихъ дворянъ, приготовляемыхъ имъ для государственной службы, избралъ нѣсколькихъ изъ сыновей приближенныхъ къ нему сановниковъ, для отправленія ихъ въ чужіе краи и обученія ихъ.

Князь Григорій Дмитріевичь, какъ мы уже говорили, спѣшилъ изъ первыхъ исполнить волю Государя. Князь Борисъ Григорьевичь былъ уже двадцати двухъ лѣтъ, когда въ числѣ двадцати молодыхъ Русскихъ дворянъ былъ отправленъ въ 1717 году, по повелѣнію Петра Великаго, во Францію, для обученія въ Тулонскомъ училищѣ гардемариновъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ (*).

Случилось однакоже, что пріобрѣтенныя свѣдѣнія открыли Князю Борису Григорьевичу путь не морской, а гражданской службы, на которомъ онъ достигъ высшихъ честей.

(*) См. Донесенія Французскихъ Посланниковъ и агентовъ, помѣщенныя въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Князь Борисъ Григорьевичь былъ Московскимъ Губернаторомъ, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ, Дѣйствительнымъ Камергеромъ, Кавалеромъ обоихъ Россійскихъ орденовъ, то есть: Св. Александра Невскаго и Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, Главнымъ Директоромъ по устройствѣ Ладожскаго канала (*) и девять лѣтъ управлялъ сухопутнымъ шляхетнымъ, первымъ въ Петербургѣ и въ Россіи Кадетскимъ Корпусомъ, разсадникомъ военнаго образованія, приготовившимъ Россіи героевъ Кагула и Рымника.

Умъ его опередилъ свой вѣкъ и доставилъ ему значительную долю участія въ правительственныхъ преобразованіяхъ, постепенно вводимыхъ по волѣ Монарха, преобразителя Россіи.

Но прежде обозрѣнія въ подробности поприща его службы, мы должны упомянуть о семейныхъ его отношеніяхъ.

Черезъ четыре года по кончинѣ отца, Князь Борисъ Григорьевичь, уже 38 лѣтъ, женился на Иринѣ Михайловнѣ Зиновьевой. По кончинѣ родительницы (1735), двухъ братьевъ: Князей Сергія и Григорія Григорьевичей (1734—1737) и сестры Княжны Прасковьи Григорьевны (1740) онъ остался наслѣдникомъ обширнѣйшаго имѣнія.

Въ Мартѣ 1730 г. Князь Борисъ Григорьевичь получилъ грамоту за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы Анны Іоанновны (**) на пожалованный ему «*за вѣрность и ревностное радѣніе чинъ Дѣй-*

(*) Нынѣ именуемаго каналомъ Императора Петра 1-го.

(**) И за скрѣпою Бирона.

ствительнаго Камергера съ рангомъ *Дѣйствительнаго Генералъ-Майора* (*).

Въ царствованіе Анны Іоанновны (въ 1738 г.), когда Князь Борисъ Григорьевичъ былъ Московскимъ Губернаторомъ, племянница Императрицы, Принцесса Анна Леопольдовна (впослѣдствіи Принцесса-Правительница) обращалась къ Князю Борису Григорьевичу съ ходатайствомъ по дѣлу одной просительницы объ отдачѣ ей двора по наслѣдству. Дѣло это поступило въ Московскую Губернскую Канцелярію. Впрочемъ, по извѣстной справедливости Князя, ходатайство Принцессы ограничилось просьбою: *разсмотрѣть дѣло*, и словами: *ежели должно по правамъ, то пожалуй сдѣлайте.*

Во время же управленія Княземъ Московскою губерніею, Императрица Анна Іоанновна (въ іюлѣ 1740 г.), благодаря его рескриптомъ за его прилежные и немалые труды по Высочайшимъ порученіямъ, съ благоволеніемъ отозвалась, что была довольна его *добрыми притомъ поступками.* Въ заключеніи рескрипта Императрица убѣждала его и на будущее время, по управленію Губернскими дѣлами и по другимъ порученіямъ, къ неусыпнымъ трудамъ и старанію о всемъ, что *къ наилучшей пользѣ интересамъ нашимъ служить можетъ.*

Для разъясненія сомнѣній своихъ Князь Борисъ Григорьевичъ обратился съ письмомъ къ всевластному тогда Герцогу Курляндскому Бирону, любимцу Импе-

(*) Грамота сія хранится въ фамильномъ архивѣ Князей Юсуповыхъ.

ратрицы. Бирон отвѣчалъ съ замѣчательною уклончивостію; отвѣтъ его любопытенъ, какъ характерное свидѣтельство его политики и памятникъ офиціальныхъ сношеній того времени. Онъ пояснилъ, что Государыня не только *партикулярно*, но и при всемъ Дворѣ *о достаточныхъ трудахъ и добрыхъ поступкахъ Князя, весьма милостиво и похвально упоминать изволитъ.* Далѣе Биронъ прибавилъ, что какъ прежде, такъ и всегда сохраняетъ дружбу Князя и *не оставитъ своимъ участіемъ къ его благоугожденію.* Письмо оканчивается желаніемъ всякаго благополучія и *наибольшаго приращенія чести, нежели какъ нынѣ имѣете.*

Выраженіе это даетъ мысль, что Биронъ доискивался чего-то болѣе существеннаго, почему и самый рескриптъ ограничивался только *обнадеженіемъ* въ Высочайшей милости.

Не предугадывалъ Князь Борисъ Григорьевичъ, что, чрезъ тридцать четыре года послѣ сего письма, семейство его войдетъ въ родственный союзъ съ владѣтельнымъ Герцогомъ Курляндскимъ и сынъ Бирона будетъ супругомъ младшей дочери Князя Бориса Григорьевича.

Вскорѣ потомъ дѣйствительно Князь Борисъ Григорьевичъ былъ озабоченъ выполненіемъ нѣсколькихъ особенныхъ Высочайшихъ порученій. Рескриптомъ Императрицы (отъ 5 Августа 1740 г.) возложено было на него произвесть секретно освѣдомленіе въ католической церкви Московской Нѣмецкой слободы, чье имя упоминается прежде въ молитвахъ: Государыни или Нѣмецкаго Цезаря?

Это освѣдомленіе поручено было Княземъ переводчику Иностранный Коллегіи Ивану Меркурьеву по предварительномъ истребованіи отъ него подписки въ строжайшемъ храненіи втайнѣ того, что отъ Московскаго Губернатора ему объявлено будетъ. Дрожащею, хотя четкою и мастерскою рукою скрѣпилъ Меркурьевъ потребованную отъ него подписку и приступилъ къ освѣдомленію: сталъ ходить въ Католическую церковь, ознакомился и сдружился съ патеромъ, зазвалъ его къ себѣ на обѣдъ, и самъ патеръ въ откровенной бесѣдѣ высказалъ все, что было нужно для объясненія.

Князь спѣшилъ донести Государынѣ по объявленію Меркурьева, что молитвы во время Богослуженія въ Католической церкви по обыкновенію произносятся патерами *тайно*, а не *вслухъ*, что прежде упоминается въ нихъ имя Папы, какъ *викарія Господа Іисуса Христа* (!), а потомъ имя Государыни, прежде имени Римскаго Цезаря, ибо находятся подъ ея покровительствомъ и проживаютъ въ Россіи.

Вслѣдъ затѣмъ Князь Борисъ Григорьевичь получилъ еще два указа отъ имени Императрицы, изъ Тайной Канцеляріи по дѣлу заподозрѣннаго Правительствомъ *Юрія Кологривова* (*), для взятія его и осмотра вещей его и писемъ, по указанію мѣстъ, гдѣ они могли храниться.

Преображенскаго полка сержантъ Григорій Дубенскій, переодѣтый въ платье слуги, посланъ былъ въ

(*) Кологривовъ былъ изъ числа воспитывавшихся въ Парижѣ Русскихъ, отправленныхъ туда при Петрѣ Великомъ.

подмосковную Кабинетъ-Министра Князя Черкасскаго, Останково, какъ бы подъ видомъ доставленія письма Кологривову отъ Князя Одоевскаго, но управитель объявилъ, что Кологривовъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ коляскѣ, на лошадяхъ Князя Черкасскаго и съ его людьми, которые еще не возвратились.

Вскорѣ однако дознано, что Кологривовъ скрывается въ домѣ Князя Черкасскаго, въ селѣ Новомъ, откуда онъ и взятъ посланнымъ отъ Князя Бориса Григорьевича Прапорщикомъ Ермоловымъ и отправленъ въ С.-Петербургъ. Бумаги его, хранившіяся въ селѣ Князя Черкасскаго, подъ церковью, въ особой палатѣ, за печатью Кологривова, поступили въ разсмотрѣніе Московскаго Губернатора.

Это было въ Сентябрѣ 1740 г. Дальнѣйшихъ послѣдствій по дѣлу сему не видно. Въ Октябрѣ, того же года, Императрица Анна Іоанновна скончалась.

Чрезъ два года, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Князь Борисъ Григорьевичъ быстро возвысился. Пользуясь благоволеніемъ Государыни, онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ въ 1744 году былъ пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники и вскорѣ назначенъ Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ къ Президентскому окладу добавочное половинное жалованье, по рангу Генеральскому, съ раціонами.

Въ 1748 г. по случаю отъѣзда Императрицы въ Москву, куда повелѣно было слѣдовать за нею Сенату и Синоду, Коллегіямъ: Иностранныхъ Дѣлъ и Военной, а въ С.-Петербургѣ быть Сенатской Конторѣ, Глав-

нымъ Начальникомъ оной поручено быть до возвращенія Императрицы Князю Борису Григорьевичу. Это важное порученіе свидѣтельствовало Князю всю довѣренность къ нему Государыни.

Въ 1750 г. Февраля 19, Князю Борису Григорьевичу поручено Императрицею Елисаветою Петровною главное начальство надъ Сухопутнымъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Генералъ-Майоръ Висковатовъ, въ разсмотрѣніи котораго находились всѣ акты, относящіеся къ исторіи сего корпуса, выставляетъ въ полномъ блескѣ заслуги Князя Бориса Григорьевича (*).

«Имя сего достойнаго вельможи, говоритъ онъ, заслуживаетъ быть незабвеннымъ въ исторіи перваго Кадетскаго Корпуса. Обращая все свое вниманіе и употребляя все свое время на воспитаніе ввѣреннаго ему юношества, онъ входилъ во всѣ подробности корпуснаго управленія: удалилъ неспособныхъ чиновниковъ, улучшилъ содержаніе кадетъ, ввелъ лучшій порядокъ въ преподаваніе наукъ, приказалъ при ротахъ вести списки штрафованныхъ воспитанниковъ, узнавалъ отличнѣйшихъ по наукамъ и поведенію. Не было предмета, на который бы онъ не обращалъ вниманія.»

Его управленіе Корпусомъ примѣчательно многими обстоятельствами. Въ 1756 году выпущенные изъ Корпуса 68 кадетовъ отправлены въ Главную *Межевую Канцелярію* для черченія картъ и *межеванія земель.*

(*) Краткая Исторія перваго Кадетскаго Корпуса. С.-Петербургъ. 1832, стр. 28—29.

Въ слѣдующемъ году, 11 Апрѣля, по старанію Князя Бориса Григорьевича послѣдовалъ указъ объ учрежденіи при Корпусѣ типографіи для печатанія учебныхъ кадетскихъ книгъ.

Весьма любопытно представленное Князю въ проектѣ и одобренное имъ по званію Главнаго Директора предложеніе о необходимыхъ перемѣнахъ въ Корпусѣ, изложенное на французскомъ языкѣ (*). Приведеніе этого проекта въ исполненіе указываетъ на современное Князю состояніе сего учрежденія.

Предназначено опредѣлить, какими книгами и писателями руководствоваться для преподаванія въ тѣхъ классахъ, гдѣ воспитанники списывали съ тетрадокъ, сочиняемыхъ учителями.

Географію преподавать прежде Исторіи, для предварительнаго ознакомленія съ названіями странъ и мѣстъ, облегчающаго изученіе Исторіи, почему приступать къ Исторіи не прежде, какъ окончивъ сокращенный курсъ Географіи.

Не преподавать кадетамъ Геометріи, прежде основательнаго изученія ими Ариѳметики.

Нравственныя науки, излагающія правила чести, добродѣтели, справедливости, благоразумія, необходимыя для общежитія, преподавать не для нѣсколькихъ, а для всѣхъ способныхъ воспитанниковъ, и не ограничиваться однимъ урокомъ въ недѣлю.

Опредѣлить на повтореніе пройденныхъ въ недѣлю предметовъ каждую субботу, и послѣдніе полчаса каж-

---

(*) Оно сохраняется въ фамильномъ архивѣ Князей Юсуповыхъ.

даго двухъ-часоваго класса—посвятить обозрѣнію урока, пройденнаго въ тотъ день, также послѣдній урокъ каждаго мѣсяца опредѣлить на повтореніе пройденнаго, и по истеченіи полугода тоже.

Въ классахъ Фортификаціи и Архитектуры, въ послѣднюю недѣлю каждаго мѣсяца повторять Геометрію, а въ классахъ геометріи повторять Ариѳметику.

Въ классахъ рисованія каждый ученикъ чрезъ четыре мѣсяца представляетъ рисунокъ. Въ классахъ, гдѣ занимаются изученіемъ языковъ, обязать каждаго ученика чрезъ четыре мѣсяца также представлять образцы своихъ успѣховъ въ переводѣ, имѣя въ виду, что выполненіе сихъ правилъ сократитъ время для экзаменовъ и дастъ яснѣе видѣть успѣхъ воспитанниковъ.

Частные экзамены въ Ариѳметикѣ, Геометріи, Фортификаціи и Артиллеріи, въ основныхъ знаніяхъ военнаго искусства, необходимыхъ для офицера, должны происходить чрезъ каждые полгода, въ присутствіи нѣсколькихъ избранныхъ для сего офицеровъ, для отмѣтки успѣховъ каждаго кадета.

Принимать въ Корпусъ не ранѣе 12 лѣтъ, и по изученіи первыхъ основаній Ариѳметики.

Лѣность, небреженіе, упрямство, неповиновеніе должны быть немедленно наказываемы, чтобы остерегались впадать въ нихъ, видя, что наказаніе неизбѣжно слѣдуетъ за преступленіемъ.

Сама природа учитъ, что отъ легчайшаго должно восходить къ труднѣйшему. А какъ Корпусъ раздѣляется на четыре класса и цѣль его должна быть не

въ одномъ обученіи дворянина только тому, что нужно для искуснаго офицера, то и необходимо вообще образовать и просвѣтить умъ его свѣтомъ наукъ, то въ третьемъ, и особенно въ четвертомъ классѣ, сверхъ преподаванія военныхъ и математическихъ знаній, надлежитъ допустить преподаваніе нравственныхъ наукъ, указующихъ пути жизни, и ввести объясненіе *современныхъ событій*, передаваемыхъ въ газетахъ, съ примѣчаніями географическими, историческими, генеалогическими и политическими, съ указаніями гербовѣдѣнія (Геральдики). Изъ наукъ же естественныхъ ознакомить ближе съ Физикою (Аерометріею, Гидравликой, Гидростатикой, Оптикой, Перспективой, Гномоникой, Астрономіей), а изъ наукъ политическихъ съ правомъ естественнымъ и народнымъ.

Для питомцевъ, ознакомленныхъ въ домашнемъ воспитаніи съ основаніями Латинскаго языка, допустить, по желанію ихъ, и дальнѣйшее преподаваніе имъ Латинскаго языка, облегчающаго изученіе Французскаго.

Всѣ питомцы, которые по неспособности къ военной службѣ, могутъ быть допускаемы въ гражданскія должности, могутъ не ограничиваясь изученіемъ Латинскаго и Французскаго языка, изучать еще Нѣмецкій и Англійскій, Науку древностей (Археологію) и Римское право, частію входящее въ Римскую исторію; къ этому присоединить исторію литературы, даже и поэзію, при обнаруженіи къ ней дарованія.

Преподаваніе Фортификаціи и Артиллеріи поручить инженерамъ и офицерамъ, опытнымъ въ сихъ наукахъ, но уроки математическіе, уроки въ Краснорѣчіи, Поэзіи, исторіи литературы, и вообще въ Словесности, уроки

въ Исторіи и вспомогательныхъ историческихъ знаніяхъ, Геральдикѣ, Генеалогіи, Законовѣденіи, въ древностяхъ, должны быть преподаваемы профессоромъ или адъюнктомъ Академіи.

Все это, какъ видно изъ собственныхъ отмѣтокъ Князя Бориса Григорьевича, было утверждено имъ съ заключительной припиской:

«Cet arrangement est aprouvé par moi. Youssoupof. (*)

И человѣкъ, подписавшій это и съ просвѣщеннымъ вниманіемъ озаботившійся открыть такой широкій доступъ Наукѣ, былъ питомцемъ Петра Великаго; *за полтораста лѣтъ* предъ симъ, получилъ образованіе въ чужихъ краяхъ, но остался Русскимъ въ душѣ.

Князь Борисъ Григорьевичь оправдалъ надежду Петра Великаго на успѣхи Европейскаго образованія.

Въ 1751 г. въ день тезоименитства Императрицы, 5 сент., онъ былъ пожалованъ Кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

При самомъ вступленіи Князя Бориса Григорьевича въ управленіе Корпусомъ, произошло достопамятное событіе, незабвенное въ лѣтописяхъ Русскаго Театра. Въ числѣ корпусныхъ офицеровъ находился въ 1750 г. даровитый Сумароковъ, который, еще бывши кадетомъ, приходилъ въ восторгъ при чтеніи Корнеля и Расина, и рѣшился писать въ стихахъ Русскія трагедіи. Первымъ опытомъ его былъ—*Хоревъ*, чтеніе котораго произвело небывалое дотолѣ впечатлѣніе въ душахъ моло-

---

(*) То есть: *Этотъ распорядокъ утвержденъ мною. Юсуповъ.*

дыхъ сотоварищей Сумарокова. Они пользовались первымъ досугомъ для выучиванія наизусть стиховъ и цѣлыхъ сценъ изъ Хорева, наконецъ въ свободное время разучили всю трагедію. Просвѣщенное начальство не только не препятствовало удовольствію ихъ, но еще покровительствовало занятіямъ ихъ. Сумароковъ, вскорѣ пожалованный въ корпусные офицеры, не оставлялъ драматическихъ трудовъ и написалъ *Семиру*. Кадеты разыграли эту трагедію въ присутствіи автора, о чемъ донесено было и Генералъ-Фельдмаршалу Графу Разумовскому. Онъ извѣстилъ Императрицу. Государыня пожелала видѣть сама представленіе и кадеты разыграли *Хорева* во дворцѣ ея. Она была такъ восхищена представленіемъ, что вѣсть о томъ переходила изъ устъ въ уста, въ столицѣ и при Дворѣ.

По вступленіи Князя Бориса Григорьевича въ званіе Директора Корпуса (9 февраля 1750 г.) кадеты 19 февраля выполнили во дворцѣ пробу *Хорева*. 25 февраля было представленіе этой трагедіи въ присутствіи Императрицы. Она сама убрала своими бриліянтами кадета Свистунова, игравшаго роль *Оснельды*. 30 мая повторено было представленіе Хорева, за которымъ послѣдовала Комедія Сумарокова: *Тресотиніусъ* (выходка на Тредьяковскаго). 21 іюля 1750 представлена была кадетами въ Петергофѣ трагедія *Синавъ* и *Труворъ*, въ особенности понравившаяся Императрицѣ. 26 іюля было повтореніе *Синава* и *Трувора*. 23 октября во время обѣда, во внутреннихъ компатахъ Дворца происходила проба Синава, а на другой день самое представленіе этой трагедіи.—15 ноября представленіе Гамлета. Кадеты играли еще 19, 28 и 29 декабря.— Въ слѣдующемъ 1751 г. 9 генваря представлена каде-

тами *Тамира* и *Селимъ*, трагедія *Ломоносова*, а 11 апрѣля того же года опять повторили въ присутствіи Императрицы *Синава* и *Трувора*. Въ концѣ декабря (21) представлена была ими *Семира*. (*)

Изъ сего видно, сколько Князь Борисъ Григорьевичь способствовалъ своими распоряженіями къ успѣхамъ ловкости и образованности кадетъ, которые въ это время по замѣчанію сочинителя Исторіи 1-го Кадетскаго корпуса казалось принадлежали ко двору. Императрица не довольствовалась уже представленіями италіанскихъ и французскихъ актеровъ, бывшихъ при Дворѣ. Всѣ стали говорить о необходимости общественнаго Русскаго театра и Государыня положила ему основаніе. Выписаны были актеры любители изъ Ярославля: *Волковъ*, *Шумской*, молодой *Нарыковъ*, получившій отъ самой Императрицы наименованіе *Дмитревскаго*, по личному сходству его съ польскимъ графомъ сей фамиліи. Любители разыгрывали въ Корпусѣ и при Дворѣ трагедіи и комедіи Сумарокова вмѣстѣ съ кадетами, наконецъ въ 1756 г. послѣдовалъ достопамятный указъ объ учрежденіи Русскаго театра.

Въ бытность Князя Бориса Григорьевича Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, онъ обращалъ особенное вниманіе на улучшеніе выдѣлки Русскихъ суконъ. Еще въ 1746 году, онъ потребовалъ объясненія отъ завѣдывавшаго Малороссійскою Ряшковскою суконною фабрикою иностранца Раушерта о способахъ къ приведенію фабрики въ лучшее устройство. Раушертъ писалъ къ Президенту:

(*) Всѣ сіи подробности взяты изъ Камеръ-Фурьерскихъ Журналовъ 1750 и 1751 годовъ.

«Вашего высококняжескаго сіятельства весьма благодѣтельное мнѣніе въ томъ состоитъ, что Всемогущій Богъ вашего сіятельства высокосправедливое намѣреніе къ общей пользѣ вѣрно отечески силою Своею поможетъ.»—«Уповаю, что несправедливые вымыслы противъ фабрики, какъ бы они вымышлены ни были, по волѣ Божьей въ краткое время подобно нынѣшнему снѣгу изчезнутъ и уничтожатся.»

Впослѣдствіи благосостояніе Ряшковской фабрики, предоставленной привиллегіею въ полное распоряженіе Князя Бориса Григорьевича, распространило издѣлія ея по всей арміи. Для усовершенствованія шерсти Князь выписалъ голландскихъ барановъ и овецъ. Тогда за *десять* платилось 55 рубл. на Русскія деньги. (*) Для изготовленія же лучшихъ суконъ, Князь, еще прежде полученія привиллегіи, пріискалъ опытнаго въ суконодѣліи мастера, прусскаго подданнаго *Рейнгольда Бобента* (**) и заключилъ съ нимъ условіе на пять лѣтъ (съ 1754 по 1759) на выдѣлку суконъ и на выучку Бобентомъ суконодѣлію данныхъ отъ Князя людей.

Цѣлію сего было намѣреніе Императрицы, чтобы не только заведенныя при жизни Родителя Ея разныя мануфактуры и фабрики привести въ лучшій порядокъ, но и вновь распространить, а наиболѣе умножить суконныя фабрики, для снабженія войскъ, вмѣсто привозныхъ иностранныхъ, Русскими сукнами. Казенная

(*) Да за выгрузку, страховыя и пошлины 21 руб. 38 коп. Счетъ Авраама Лимбурга Дек. 20 1753 г.

(**) Въ условіи, вмѣсто *Рейнгольда* онъ обозначенъ *Романомъ*, примѣняясь къ Русскимъ именамъ, но подписался «*Reinhold*».

суконная фабрика въ селѣ *Ряшкахъ*, (*) со всѣми станами, инструментами, мастеровыми и съ приписнымъ къ ней селомъ, съ крестьянами и строеніями, заводами и со всѣми принадлежностями, пожалована была Императрицею въ вѣчное потомственное владѣніе Князя Бориса Григорьевича, (**) съ пользованіемъ помѣщичьими доходами, съ тѣмъ, чтобы онъ выписалъ голландскихъ овецъ для размноженія ихъ въ Россіи и для улучшенія шерсти и привелъ фабрику въ лучшее устройство. Князь же обязался доставлять съ сей фабрики на армію сукна разныхъ цвѣтовъ, отъ 17-ти до 20-ти тысячь, а впослѣдствіи до *тридцати* тысячь аршинъ, и болѣе, для пріема по цѣнѣ. Мастеровые при фабрикѣ подчинены были вѣдомству Мануфактуръ-Коллегіи. (***)

Князь Борисъ Григорьевичь, заботливо занимаясь усовершенствованіемъ порученной ему фабрики, довелъ выдѣлку суконъ до той степени, что они могли служить и къ пользѣ казны и къ значительному приращенію собственныхъ его доходовъ.

(*) Въ Малороссіи, нынѣшней Полтавской губерніи, въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

(**) Князь Борисъ Григорьевичъ, какъ значится въ заглавіи привиллегіи, былъ тогда Сенаторомъ, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Дѣйствительнымъ Камергеромъ, Главнымъ Директоромъ Кадетскаго Корпуса и Ладожскаго канала и Кавалеровъ обоихъ Россійскихъ орденовъ.

(***) Привиллегія эта, писанная на пергаментѣ, дана за подписаніемъ Сенаторовъ: Канцлера Графа Бестужева-Рюмина, Генералъ-Фельдмаршала Бутурлина, Генералъ-Адмирала Князя Голицына, Генералъ-Фельдцейхмейстера Графа Шувалова и др. При запечатаніи Государственною печатью записана въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за № 372. Титулъ Императрицы и всѣ слова, относящіеся къ ея лицу, писаны золотомъ.

Изъ нѣсколькихъ сохранившихся собственноручныхъ бумагъ Князя Бориса Григорьевича въ особенности замѣчательны: отвѣтъ его Гамбургцамъ о *проектѣ Россійской коммерціи*, также отпускъ съ представленія Великому Князю Петру Ѳеодоровичу (впослѣдствіи Императору Петру III-му) объ службѣ Россійскихъ дворянъ и представленіе Правительствующему Сенату объ осмотрѣ водяныхъ сообщеній для расширенія коммерціи.

Отвѣтъ Гамбургцамъ отличается дипломатическою осторожностію и тонкостію:

Благодаря за сообщенное предложеніе, Князь прежде обсужденія онаго желаетъ обстоятельно знать, въ какой силѣ это предложеніе и какія съ своей стороны они намѣрены предоставить права и преимущества подданнымъ Россійской Имперіи?—По доставленіи сего объясненія если обнаружится, что предложеніе ихъ можетъ послужить къ пользѣ и славѣ Всероссійской Имперіи и не будетъ противно полезнымъ установленіямъ, Князь обнадеживалъ въ содѣйствіи къ доставленію привиллегій; — но отклоняетъ всякое обязательство со стороны Россійскаго Двора, признавая это несовмѣстнымъ его достоинству, чтобы не вовлечь въ предосужденіе, и до приведенія предположенія въ дѣйствіе, надѣется, что все это будетъ сохраняемо въ особенной тайнѣ.

Въ представленіи касательно службы Россійскихъ Дворянъ, любопытенъ очеркъ постановленій, до нихъ относящихся, изъ котораго видно, что съ начала Шведской войны всѣ дворяне, съ 17-ти лѣтъ, поступали въ военную сухопутную и морскую службу. Неспособные впослѣдствіи опредѣлялись и въ другія внутреннія

службы. Раненые и престарѣлые получали отставку и опредѣлялись въ статскую службу.

Въ Турецкую войну повелѣно дворянамъ служить 25 лѣтъ; по отставкѣ же никуда не опредѣлять, но раненые, больные и престалѣлые увольнялись и прежде срока, и по разсмотрѣнію Сената опредѣлялись и въ гражданскую службу.

Отставной изъ Гвардіи не могъ никуда опредѣлиться безъ имяннаго Указа.

Изъ морскихъ по разрѣшенію опредѣлялись въ Сенатъ только за незнаніемъ мореплаванія, другіе изъ нихъ, по отставкѣ, не опредѣлялись никуда.

Дворянамъ отъ 7-ми до 16-ти лѣтъ дозволено было въ отдаленныхъ мѣстахъ обученіе ихъ въ домахъ.

Князь Борисъ Григорьевичь обращалъ вниманіе Государя Наслѣдника Престола въ особенности на то, что отъ разныхъ утѣсненій и затрудненій дворянство современемъ можетъ лишиться своихъ правъ и преимуществъ, отъ чего нельзя ожидать ни спокойствія въ жизни, ни пользы для Государства.—Онъ представлялъ съ своей стороны, что и не принуждая къ вѣчной службѣ можно съ добрымъ порядкомъ не только устроить армію и гражданскую часть (штаты), но и поправить внутреннее правленіе, расширить городъ, завести Академіи, обогатить домы и селенія, и все это послужило бы къ безсмертной славѣ Государя, пользѣ отечества, чести дворянства—на поприщѣ военной и гражданской службы.

Повидимому представленіе Князя взяло свою долю

въ полезныхъ постановленіяхъ Императора Петра III-го, при началѣ его правленія.

Не менѣе значительно представленіе Князя Бориса Григорьевича Правительствующему Сенату о необходимости осмотра водяныхъ сообщеній въ Россіи, для проложенія новыхъ путей къ расширенію торговли. (*)

Князь настаивалъ на необходимость соединенія Ладожскаго озера съ Волгою и Окою, и предложилъ отправить Бригадира Рязанова съ оберъ-офицерами Ладожскаго баталіона, для осмотра и подробнаго описанія всѣхъ мѣстъ, способныхъ къ проложенію путей сообщенія. Князь убѣдительно излагалъ всѣ виды Государственной пользы отъ сего предпріятія.

Собственноручныя бумаги Князя Бориса Григорьевича свидѣтельствуютъ его благоразуміе, дѣятельность и стремленіе къ пользамъ Отечества.—Просвѣщенный взглядъ его не ограничивался настоящимъ: онъ изыскивалъ способы упрочить благо будущихъ поколѣній и заслужить признательность потомства.

Заботливость и попечительность Князя Бориса Григорьевича въ управленіи Корпусомъ привлекали молодыхъ дворянъ преимущественно записываться туда. При немъ былъ такой приливъ воспитанниковъ въ 1-й Кадетскій Корпусъ, что число ихъ при снисходительности Князя превзошло положенный комплектъ. (**) Въ

(*) Изъ онаго видно, что устроеніе Ладожскаго канала обошлось казнѣ *три милліона рублей*.

(**) Напротивъ того въ Морской Кадетскій Корпусъ недоросли изъ дворянъ поступали такъ неохотно, что былъ значительный недостатокъ противъ комплекта, почему по представленію Генералъ-Прокурора Князя Трубецкаго, повѣлено было принимать въ оба Корпуса уравнительно.

продолженіе его управленія Корпусомъ, было принято болѣе 750 кадетъ и выпущено болѣе 500, тогда какъ въ послѣдующее время, напримѣръ: съ 1771 по 1781 выпущено было только 14 человѣкъ (*). Вотъ лучшее доказательство, сколько обязанъ ему Корпусъ, прославленный именами: Румянцева-Задунайскаго, Панина, Мелиссино, и другихъ, бывшихъ при немъ и занявшихъ блистательное поприще въ службѣ.

Въ началѣ 1759 г. Князь Борисъ Григорьевичь, постигнутый тяжкою болѣзнію, видѣлъ уже невозможность продолжать управленіе Корпусомъ и просилъ увольненія. Императрица, желая почтить его службу и оказать Корпусу въ самой высокой степени свое благоволеніе, назначила преемникомъ Князю Борису Григорьевичу въ начальствѣ надъ Корпусомъ—Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича. Эта неожиданная милость, можно сказать, обновила на нѣсколько времени угасающія силы больнаго. Онъ собственноручно просилъ Канцлера повергнуть къ стопамъ Государыни выраженіе благоговѣйной его признательности.

Князь Борисъ Григорьевичь скончался 1759 г. 1-го Марта, чрезъ двѣ недѣли послѣ сдачи имъ дирекціи Корпуса. Онъ погребенъ въ бывшей деревянной церкви Александро-Невскаго монастыря. На мѣдной доскѣ, на столбѣ церкви начертана надпись, въ которой обозначено, что онъ родился 18 Іюля 1695 года, жилъ 63 года, 7 мѣсяцевъ и 14 дней; въ службѣ находился 48 лѣтъ;—съ 1750 года былъ Главнымъ Директоромъ Кадетскаго сухопутнаго шляхетнаго корпуса, и Февра-

(*) Исторія 1-го Кадетск. Корпуса соч. Висковатова.

ля 15, 1759 года, сдалъ *Дирекцію надъ Корпусомъ* Его Императорскому Высочеству Благовѣрному Государю Великому Князю Петру Өеодоровичу. (*)

(*) Описаніе С.-Петербурга, составленное Богдановымъ, изданное Рубаномъ, 1779 г. стр. 404.

КНЯГИНЯ

ИРИНА МИХАЙЛОВНА ЮСУПОВА,

УРОЖДЕННАЯ ЗИНОВЬЕВА.

Бывшій Стольникъ, Гвардіи Капитанъ при Петрѣ Великомъ, когда самъ Государь именовалъ себя *Капитаномъ бомбардирской роты*, *Михаилъ Петровичъ Зиновьевъ* любилъ иностранцевъ. Двое голландцевъ: Лейбъ-медикъ *Бидлоо* и *Лука Похертъ* засвидѣтельствовали его завѣщательное письмо. (*) И послѣднимъ распоряженіемъ своимъ Зиновьевъ далеко опередилъ свой вѣкъ, приказавъ не только *дать свободу* людямъ своимъ, но еще и *отпускное жалованье*.

Весьма замѣчательно и распоряженіе его о наслѣдствѣ. Отказавъ при жизни жены все недвижимое имѣніе средней своей (тогда *трехлѣтней*) дочери, Иринѣ Михаиловнѣ, онъ наградилъ старшую и меньшую дочь *движимымъ имѣніемъ*, но это движимое заключалось въ однихъ *хлѣбныхъ запасахъ* въ его деревняхъ. (**)

(*) Зиновьевъ въ своемъ завѣщаніи подписался *Капитаномъ*, но вдова его и чрезъ нѣсколько лѣтъ по его кончинѣ именовала его *Стольникомъ*. Такъ еще сильно было уваженіе къ этому старинному придворному званію.—*О родѣ Князей Юсуповыхъ*, часть 2-я, стр. 376.

(**) Завѣщаніе было явлено въ Канцеляріи Земскихъ дѣлъ, гдѣ вѣр-

Ирина Михайловна вышла замужъ *шестнадцати* лѣтъ и 29-ю годами пережила своего супруга. На 41 году оставшись вдовой со многими дѣтьми, она посвятила себя жизни семейной, и хотя не принадлежала ко Двору, но пользовалась уваженіемъ высшаго общества. Генералъ Фельдмаршалы Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ и Князь Никита Юрьевичь Трубецкой остались постоянными друзьями ея дома.

По склонности къ благочестивой жизни Княгиня Ирина Михайловна въ Петербургскомъ домѣ своемъ, въ Миліонной, устроила церковь во имя святителя Димитрія Ростовскаго, (*) изъ усердія къ новоявленному Святому, и въ храмѣ этомъ обновилась память перваго христіанскаго родоначальника Князей Юсуповыхъ, *Князя Димитрія Сеюшевича.*

Сынъ, исполненный дарованій, и четыре дочери составляли семейство Княгини Ирины Михайловны. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ по кончинѣ Князя Бориса Григорьевича заботливая мать успѣла устроить участь всѣхъ своихъ дочерей. (**)

ность подписей засвидѣтельствовалъ *Оберъ хандъ-рихтеръ* Топилинъ. Впослѣдствіи повѣрка подписей предоставлена Секретарямъ Сената и званіе Оберъ-хандъ-рихтера исчезло.

(*) *Описаніе С. П. Бурга, составленное Богдановымъ, изданное Рубаномъ, стр. 334.*

(**) Старшая Княжна Елисавета Борисовна была выдана въ 1764 г. за Генералъ Майора Князя Голицына, вторая: Княжна Александра Борисовна, въ томъ же году за Генерала Измайлова, третья Княжна Анна Борисовна, въ 1771 г. за дѣйствительнаго Камергера Протасова.

Княгиня Ирина Михайловна имѣла прискорбіе оплакать двухъ изъ любимыхъ своихъ дочерей и проживала въ уединеніи своего подмосковнаго села Спасскаго, гдѣ и погребена въ фамильной усыпальницѣ. Она скончалась 70 лѣтъ, въ самый праздникъ Благовѣщенія, 25 Марта 1788 г.

ГЕРЦОГИНЯ ЕВДОКІЯ

КУРЛЯНДСКАЯ И СЕМИГАЛЬСКАЯ,

УРОЖДЕННАЯ КНЯЖНА ЮСУПОВА.

Княжна Евдокія Борисовна Юсупова, четвертая дочь Князя Бориса Григорьевича и Княгини Ирины Михайловны, сестра Князя Николая Борисовича, чрезъ 15 лѣтъ по кончинѣ своего родителя, при жизни матери, вступила въ 1774 году въ супружество съ Петромъ Бирономъ, владѣтельнымъ Герцогомъ Курляндскимъ. Бракъ былъ совершенъ подъ покровительствомъ Императрицы Екатерины Второй въ Зимнемъ Дворцѣ. Императрица надѣялась, что этотъ союзъ послужитъ къ благу Курляндіи и будетъ способствовать къ умягченію характера Герцога Петра, исполненнаго недостатковъ и даже не умѣвшаго привлечь къ себѣ почтеніе своихъ подвластныхъ. Императрица однакоже не отчаявалась въ его исправленіи, хотя и видѣла, что для благосостоянія Курляндіи было необходимо избрать лицо способное для управленія этою страною, или включить ее въ составъ Россіи.

Курляндія раздѣлена на три части: на Курляндію собственно, Семигаллію и округъ Пильтенскій. До конца XII вѣка Курляндцы противились принятію христіанской вѣры; но Папа Иннокентій III-й возбудилъ противъ нихъ крестовый походъ и принудилъ обратиться

въ христіанство. Рыцари ордена Меченосцевъ овладѣли Курляндіею и образовали изъ ней Герцогство, подчиненное въ зависимость Польши, но впослѣдствіи это вліяніе ослабѣло. Великій Орденскій Магистръ Готгардъ Кетлеръ былъ Курляндскимъ Герцогомъ въ 1561 году. Въ XVII вѣкѣ Курляндскій Герцогъ Іаковъ III пользовался особеннымъ уваженіемъ въ Европѣ. Фердинандъ, послѣдняя отрасль изъ рода Кетлера, утратилъ свое Герцогство за начальство Саксонскою арміею противъ Императора Петра 1-го. — Племянница Петра Великаго, Анна Іоанновна, была въ супружествѣ за новоизбраннымъ Герцогомъ Курляндскимъ Карломъ-Фридрихомъ, но овдовѣвъ, вскорѣ послѣ брака, и нося титло вдовствующей Герцогини, впослѣдствіи призванная на Императорскій престолъ, въ 1737 г. заставила Курляндцевъ избрать Герцогомъ Бирона, тогда всемогущаго при дворѣ ея и наконецъ назначеннаго Регентомъ Имперіи, но по кончинѣ Императрицы Анны, при Принцессѣ Правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, посланнаго въ ссылку, въ Пелымъ. Вступленіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны облегчило участь его и ему было дозволено жить въ Ярославлѣ, откуда онъ былъ вызванъ уже при Императорѣ Петрѣ III-мъ, съ возвращеніемъ ему титла Курляндскаго Герцога, которое при Императрицѣ Екатеринѣ Второй Биронъ передалъ сыну своему Петру.

Императрица искренно желала благополучія Курляндіи и способствовать къ предохраненію Герцога отъ увлеченія его страстей: для сего Она избрала какъ бы посредницею молодую Княжну Юсупову, надѣясь, что этотъ союзъ, при красотѣ и душевныхъ достоинствахъ Евдокіи Борисовны, благотворно подѣйствуетъ на из-

браннаго ей супруга. — Но добрыя надежды не сбылись. — Герцогъ, подчинясь на нѣсколько времени очарованію красоты и любезности, остался однакоже при непостоянствѣ своего характера и вскорѣ далъ снова полную свободу своимъ увлеченіямъ. Нечувствительный ко всѣмъ убѣжденіямъ, которыя Герцогиня считала своею обязанностью, онъ сдѣлался не только непріязненнымъ къ пользамъ Курляндіи, но и жестокосердымъ къ молодой супругѣ, подвергнувъ ее стѣсненію и суровости, достойной среднихъ вѣковъ. Посѣщеніе Императрицею Курляндіи и личная благосклонность ея къ Герцогинѣ еще нѣсколько времени удерживали его въ предѣлахъ, но по удаленіи Государыни онъ снова сталъ тираномъ своей супруги, въ которой видѣлъ непоколебимую приверженность къ Россіи, и по внушеніямъ окружающихъ его опасался, чтобы Герцогиня не способствовала политическимъ видамъ Екатерины къ совершенному присоединенію Курляндіи къ ея Имперіи.

Въ этомъ онъ не обманывался. Знатнѣйшіе изъ Курляндцевъ, привлекаемые обходительностію Герцогини, выказывали полную къ ней преданность и легко уступили ея убѣжденіямъ въ пользѣ тѣснаго союза съ Россіею; но сама Императрица отклонялась отъ предускоренія распоряженій: она ожидала, чтобы собственныя чувства Курляндцевъ, убѣждая ихъ въ необходимости присоединенія Курляндіи къ Россіи, достигли той силы, чтобы они сами испрашивали того, какъ благодѣянія для отечества ихъ. Тѣмъ не менѣе опасаясь, чтобы Герцогиня не сдѣлалась жертвою своей преданности къ Россіи, Государыня воспользовалась случаемъ пригласить ее въ Петербургъ, для присутствія при бракосочетаніи Великаго Князя Павла Пет-

ровича съ Принцессою Виртембергской, наименованной при святомъ мvропомазаніи Маріею Ѳеодоровной. — Для сего Императрица послала Герцогинѣ письмо, исполненное ласки и благоволенія, и поручила Генералъ-Лейтенанту Измайлову, близкому родственнику Герцогини, доставить оное. (*)

Евдокія Борисовна прибыла въ Петербургъ въ 1778 г. и присутствовала при блестящихъ придворныхъ торжествахъ, сколько могло дозволить ей ея здоровье, уже разстроенное. Но дни ея были уже изочтены. — Не прошло двухъ лѣтъ, Герцогиня скончалась, въ 1780 г. 8 Іюля, послѣ шестилѣтняго супружества, не оставивъ послѣ себя потомства. Она погребена въ палаткѣ при церкви Святаго Духа, въ С.П.-бургской Александровской Лаврѣ. (**)

(*) Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Герцогини: Княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ.

(**) Герцогъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вступилъ въ новый бракъ съ Графинею Шарлотою Медемъ, но жилъ недолго, и Курляндія подъ сѣнію России вскорѣ отдохнула отъ неустройствъ, войдя въ составъ областей Имперіи.

КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧЬ ЮСУПОВЪ.

РОД. 1751 г. СКОНЧ. 1831. ЮЛЯ 15.

Князь Николай Борисовичь, сынъ Князя Бориса Григорьевича и братъ Герцогини Курляндской, Евдокіи Борисовны, родился въ 1751-мъ году. Еще въ младенчествѣ записанный въ Лейбъ-Гвардію, и *семи лѣтъ* пожалованный въ корнеты, онъ шестнадцати лѣтъ поступилъ въ дѣйствительную службу Подпоручикомъ, и въ 1771 г. 1-го Генваря, пожалованъ въ Поручики Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. Обстоятельства отстранили молодаго Князя отъ военнаго поприща. Находясь внѣ службы съ Іюня 1772-го года, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ по Европѣ: обозрѣвалъ Англію, Францію, Германію, Италію, наконецъ Испанію и Португалію, гдѣ знаменитый Герцогъ д'Оссуна и Маркизъ Помбаль усердно заботились о всевозможныхъ удобствахъ его путешествія.

Въ Лондонѣ (въ 1776 г.) Князь Николай Борисовичь встрѣтился съ *Бомарше*. Остроумный, хоть и не безъ упрека писатель, прощаясь съ Княземъ, привѣт-

ствовалъ его стихами, внесенными на память въ записную книжку Князя. (*)

Князь посѣтилъ и Ферней, жилище писателя, котораго бойкое перо, при неистощимомъ остроуміи, давало въ свое время направленіе общественному мнѣнію въ Европѣ. Фернейскій причудливый старикъ былъ очарованъ любезностію и остроуміемъ Князя и благодарилъ Императрицу за это знакомство. (**)

(*) Французскіе стихи Бомарше помѣщены нами во 2-й части, на стр. 415 и 416. Вотъ переводъ ихъ:

«Любезный Князь! желая все обозрѣвать, всему учиться, все узнать, презирайте ярость волнъ, плывите, куда судьба ведетъ васъ! Хорошо путешествовать, когда собираютъ столько плодовъ, странствуя по свѣту. Но когда Князь, вы все увидите, то убѣдитесь, что повсюду на земномъ шарѣ, вездѣ, гдѣ бы ни бросить якорь, среди радостей или печалей, среди разныхъ нравовъ, вѣрованій, противудѣйствій, слабостей, несправедливостей, всё тѣже проступки и тѣже пороки, налагающіе оковы на народы; различіе ихъ заблужденій совершенно ничтожно.— Князь, люди вездѣ тѣже для того, кто хорошо знаетъ ихъ. Вездѣ носятъ тѣже оковы, и чѣмъ внимательнѣе вы будете ихъ разсматривать, тѣмъ болѣе увидите съ удивленіемъ, что легкомысліе и глупость сильны въ мірѣ, но безразсуденъ тотъ, кто объ этомъ печалится и возмущаетъ свое спокойствіе такимъ древнимъ зломъ, котораго ничто не перемѣнитъ и ничто не исправитъ. Служите честно красотѣ, объявите тихомолкомъ войну мужьямъ, но берегите вашу свободу, не забывая, что предусмотрительность — мать здоровья. Разсматривайте каждое вѣрованіе, и чтобы избѣгнуть отъ заблужденій, подвергайте все, не горячась, наблюденію опытности. Чтите вездѣ мужество, уважайте, но безъ излишняго довѣрія, дарованія, пользующіяся извѣстностію, и по желанію моего сердца, будьте всегда любовникомъ науки и баловнемъ счастія!

Написано слишкомъ поспѣшно
покорнѣйшимъ слугою,
Каронъ Бомарше.

(**) Екатерина отвѣчала ему.—Не имѣя въ виду подлинника, приво-

Князь Николай Борисовичь на короткое время возвращался въ Россію, и въ 1774 г. былъ при бракосочетаніи сестры своей съ Герцогомъ Курляндскимъ, и вмѣстѣ съ родительницею подписалъ брачный договоръ Княжны Евдокіи Борисовны. — Въ 1778 г. Князь продолжалъ путешествовать по Европѣ, запасаясь обширными свѣдѣніями и знакомясь съ тогдашними Европейскими знаменитостями. Возвратясь въ Отечество, онъ началъ въ 1781 году службу по гражданской части въ Коммисіи о Коммерціи, а чрезъ два года (въ Генварѣ 1783 г.) онъ уже отправился по Высочайшему повелѣнію въ Италію Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Туринъ, ко Двору Сардинскаго Короля Амедея III-го.

Въ бытность Князя въ Туринѣ ему поручено было Императрицею ѣхать въ Римъ, не въ видѣ Министра, но въ качествѣ путешествующаго Кавалера Россійскаго Двора, благодарить Папу Пія шестаго за уваженіе къ предстательству Императрицы, касательно распорядка по управленію Римско-католическими церквами въ Россіи, за дарованіе Могилевскому Католическому Архіепископу Сестренцевичу *паллiума*, также, за возведеніе, по ходатайству Императрицы, бывшаго въ Россіи Папскаго Посла Аркетти — въ Кардиналы. При этомъ Государыня поручила Князю стараться о соглашеніи

димъ слова Ея въ переводѣ съ французскаго, изъ изданной переписки Ея съ Волтеромъ (1776 г. стр. 193, письмо отъ 1-го Октября).

«Если вы довольны Княземъ Юсуповымъ, то Я должна за него засвидѣтельствовать, что онъ восхищенъ вашимъ пріемомъ и всѣмъ, что вы говорили въ то время, когда онъ имѣлъ удовольствіе видѣть васъ.»

Папы облечь Кардинальскимъ саномъ и Архіепископа Сестренцевича. (*)

Согласно видамъ Екатерины Великой, Римско-католическая паства въ Россіи получила отдѣльное, самобытное существованіе. Такимъ образомъ отстранены были опасное вліяніе чужеземцевъ и честолюбивыя притязанія Римскаго двора. Князь Николай Борисовичь способствовалъ этому искуствомъ и убѣжденіями своей дипломатики.

Къ этому же времени должно отнести путешествіе его въ Венецію, какъ уполномоченнаго при Венеціанскомъ правительствѣ. Онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ всего, что происходило въ этомъ полу-фантастическомъ городѣ, гдѣ была гордая аристократія, ненасытная властолюбіемъ. Трудна была въ то время роль Князя Николая Борисовича: онъ долженъ былъ стоять за пользы своего отечества и бороться съ противоположными усиліями Англіи и Австріи, увлекавшими легкомысленныхъ. Высшее сословіе въ Венеціи распоряжалось деспотически. Князь былъ представителемъ Россіи, и положеніе его было весьма щекотливо; но онъ съ честію вышелъ изъ всѣхъ затрудненій.

Онъ былъ отправленъ и къ Неаполитанскому Двору Короля Фердинанда I-го съ выраженіемъ дружбы и благожелательства Императрицы Королевѣ Неаполитанской Маріи Каролинѣ, сестрѣ Ея искреннято друга

(*) О послѣднемъ подтверждено было въ Рескриптѣ Императрицы Князю Николаю Борисовичу отъ 21-го Февраля 1785 г.

и союзника, Римскаго Императора Іосифа втораго, чтобы загладить неудовольствіе Королевы на бывшаго въ Неаполѣ Графа Андрея Разумовскаго.

Рескрипты Императрицы Екатерины II-й къ Князю Николаю Борисовичу отличаются выраженіемъ искренней къ нему благосклонности. Въ особенности это видно въ одномъ изъ ея писемъ, въ которомъ она благодаритъ Князя за доставленіе *камеевъ*. Она съ легкою шуткою отдаетъ отчетъ о пріумноженіи своего собранія рѣзныхъ камней, говоритъ объ немъ со всею любовію знатока и цѣнителя рѣзнаго искуства, забавляется надъ суетливостію антикваріевъ, роющихся въ книгахъ, иногда для отысканія бездѣлки, подшучиваетъ и надъ хлопотами своего Оберъ-Камергера (*), хвалитъ искусство въ живописи Ангелики Кауфманъ, и въ особенности одну изъ ея картинъ, мимо которой *никогда не пройдетъ не остановясь передъ нею.* (**)

Это письмо можетъ служить примѣромъ очаровательной бесѣды Императрицы въ искреннихъ Ея сношеніяхъ съ лицами, въ преданности которыхъ Она была увѣрена. Оно соединяетъ въ себѣ и распоряженія Императрицы и всю прелесть частнаго остроумнаго письма. «*Вотъ длинное письмо*, скажете вы, говоритъ Она въ заключеніе, *и ни слова о войнѣ! Ну, такъ знайте же, что я въ восторгѣ, когда хоть на*

(*) Рескриптъ 1788 г., см. част. 2-я, стр. 243. Тогда Оберъ-Камергеромъ былъ Иванъ Ивановичь Шуваловъ.

(**) Въ Эрмитажѣ находятся три картины Ангелики Кауфманъ, пріобрѣтенныя Императрицею Екатериною: прощаніе Абелярда съ Элоизой, безумная съ собачкой, и сцена изъ путешествія Стерна (№ 1304, 1305 и 1306).

минуту не слышу объ ней. (*) Наконецъ извѣщая о приуготовленияхъ къ будущей кампании, Императрица пишетъ: «*А что всего лучше, Высокая Порта шлетъ повелѣнье за повелѣніемъ о выступленіи своихъ войскъ, а войска ея дорогою таютъ, какъ снѣгъ на Альпахъ зимою.*» (**)

Въ письмѣ отъ *7-го Августа 1788 г.* Императрица извѣщала Князя Николая Борисовича, что «*Шведскія проказы*» не позволяли ей удѣлять большое вниманіе рѣзнымъ камнямъ, и въ нѣсколькихъ словахъ съ меткою насмѣшкою передала очеркъ характера Короля Густава III-го. (***)

Сношенія между Россійскимъ и Римскимъ дворами и щедрость Императрицы много способствовали Князю Николаю Борисовичу въ угожденіи ея вкусу къ изящнымъ искусствамъ. Онъ получилъ согласіе Папы на снятіе списковъ съ Рафаелевыхъ ложъ въ компатахъ Ватиканскаго дворца. Опытные художники: Мазонъ, Росси и другіе трудились по приглашенію Князя для

(*) О родѣ Князей Юсуповыхъ. Часть 2-я, стр. 243 и 244. «Vous direz, que voila une longue lettre, et pas un mot de la guerre; eh bien! apprenez que je suis enchantée de n'en pas entendre parler pendant un moment.»

(**) «Ce qu'il y a de mieux, c'est que la Sublime Porte se tue d'envoyer des ordres pour la marche de ses troupes, qui fondent, chemin faisant, comme la neige des Alpes au printemps.»

(***) Побѣждая Густава, Екатерина въ тоже время намекала на него въ своей комической оперѣ: «*Горе-Богатырь*», оканчивающейся стихами:

«Падѣлала синица славы,
А море не зажгла!»

Крыловъ воспользовался этою шуткою для своей басни: «*Синица*».

снятія вѣрныхъ снимковъ съ подлинниковъ — и Эрмитажъ, при самомъ основаніи его, украсился Рафаелевой галлереею: превосходными снимками съ Ватиканскихъ произведеній сего великаго живописца. Не говоримъ о многихъ другихъ предметахъ, пріобрѣтенныхъ Княземъ, къ числу которыхъ должно отнести богатое собраніе рѣзныхъ камней, рѣдкой красоты и художественной цѣнности.

Во время пребыванія за границею, гдѣ Князь, какъ мы видѣли, былъ довѣреннымъ посланникомъ при многихъ иностранныхъ дворахъ и выполнялъ постоянно дипломатическія обязанности, трудясь для пользы Отечества, онъ не забывалъ, что искусства и поэзія суть элементы, неразлучные съ бытіемъ образованнаго человѣка. Онъ вошелъ въ сношенія съ отличнѣйшими живописцами его времени. Грёзъ, Ангелика Кауфманъ, Ле-гро, Давидъ—были въ числѣ ихъ. Знаменитый Канова питалъ къ нему искреннее дружество, всегда преданное, никогда не измѣняющееся. Въ теченіе тридцати лѣтъ Князь составилъ значительную галлерею, въ которой насчитываютъ до десяти картинъ Грёза, шесть великолѣпныхъ видовъ Клод'Лорена, пятнадцать картинъ Филиппа Вувермана, игроковъ на волынкѣ Рембрандта, много картинъ Давида Теньера, Рубенса и другихъ.—Трудно исчислить здѣсь разныя собранія предметовъ искусства, пріобрѣтенныхъ во время частыхъ путешествій Князя; укажемъ только нѣкоторыя: многія группы изъ бронзы Жана Болонскаго, столовые приборы изъ стараго Севрскаго фарфора, группа Психеи и Амура, Кановы, древніе камеи, вещи съ драгоцѣнными камнями: часы, табакерки и проч.

Государь Наслѣдникъ (Великій Князь Павелъ Петровичь) и супруга его Великая Княгиня Марія Θеодоровна, во время путешествія своего по Европѣ, подъ названіемъ *Графа и Графини Сѣверныхъ* (*) въ 1782 г., равно и по возвращеніи своемъ въ С. Петербургъ, также были въ перепискѣ съ Княземъ Николаемъ Борисовичемъ.

По порученію Государя Наслѣдника Князь доставлялъ планы, книги, заказывалъ въ Парижѣ и Римѣ картины живописцамъ для Эрмитажа.

Въ Парижѣ Князь Николай Борисовичь былъ почетнымъ гостемъ на празднествахъ Версаля и Тріанона, но прежде, нежели омрачился политическій горизонтъ, онъ, предчувствуя тяжкій переворотъ въ чужихъ краяхъ, возвратился въ Россію.

Здѣсь началось новое для него поприще. Въ 1791 г. по неудовольствію Императрицы на Соймонова и Храповицкаго, бывшая дирекція театровъ уволена и управленіе театрами поручено Князю Николаю Борисовичу.

Это было послѣдствіемъ жалобы молодой пѣвицы Урановой, вскорѣ знаменитой подъ именемъ Сандуновой. Прежнее театральное начальство препятствовало ей выдти за жениха, избраннаго ея сердцемъ, и она, играя въ эрмитажномъ спектаклѣ, въ оперѣ «*Рѣдкая вещь*», рѣшилась лично обратиться къ заступленію Императрицы. (**)

(*) Comte et Comtesse du Nord.

(**) «Вотъ что дѣлаетъ несправедливость!» замѣтила Государыня Храповицкому. Онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ Запискахъ своихъ.

Театръ обновился и усовершенствовался при Князѣ. По представленію его, для уплаты долговъ Дирекціи и на отпускъ суммъ въ пансіоны и на жалованье артистамъ, опредѣлено было отпустить изъ Кабинета, въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1792 по 1796-й годъ включительно, около 998-ми тысячъ рублей. (*)

Особенною игривостію отличается французская собственноручная записка Государыни къ Князю Николаю Борисовичу объ ангажированіи за 3000, или за 4000 р. для италіянской оперы пѣвца *Виндфанга*, отличавшагося такими варіаціями и трелями, что его называли синьоромъ *финти-фантъ*.

Въ 1792 г. въ Августѣ, Императрица, пріобрѣтя послѣ покойнаго Князя Потемкина-Таврическаго, принадлежавшій ему на берегу Невы *стеклянный* заводъ, поручила оный также въ управленіе Князя Николая Борисовича, а вскорѣ затѣмъ и *фарфоровый* заводъ, бывшій въ вѣденіи Генералъ-Прокурора Князя Вяземскаго.

Въ 1795 г. Князь Николай Борисовичь по секрет-

(*) Изъ приложенныхъ списковъ видно, что первый танцоръ изъ Русскихъ, *Бубликовъ*, получалъ 1500 р. жалов., *вдвое болѣе* противъ танцора изъ иностранцевъ. Замѣтимъ еще нѣкоторыя особенности: Первая танцовщица *Сантина Убри* получала 1000 р.—Изъ драматическихъ актеровъ болѣе всѣхъ получалъ *Дмитревскій*, 2000 р. — Французская актриса *Сажъ*, игравшая первыя драматическія роли, получила вмѣсто жалованья и пенсіона, по ея желанію, *единовременно* 6,000 р. — При театрѣ находился *штатный стихотворецъ*, Моретти, (вѣроятно для составленія италіянскихъ либретто). За два года и три мѣсяца онъ получилъ 1875 р., сумма значительная по тому времени. Ежегодный отпускъ на театръ ограничивался 179,000 р. на всѣ труппы: оперную, балетную, русскую и французскую.

ному Высочайшему повелѣнію находился въ особомъ Комитетѣ съ Графами Самойловымъ и Заводовскимъ, для разсмотрѣнія произведеннаго въ Смоленской Коммисіи слѣдствія надъ преступниками, прикосновенными къ бывшему возмущенію въ Польшѣ. (*)

Въ слѣдующемъ году, въ Іюнѣ, Князь пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго. — И въ Ноябрѣ, того же года, не стало Екатерины Великой, но память и мудрость Ея остались безсмертными. Императоръ Павелъ I-й вступилъ на престолъ, и отдавъ послѣдній долгъ Августѣйшей Родительницѣ, тотчасъ же вспомнилъ о Князѣ Николаѣ Борисовичѣ. (**) Князь, тогда тайный совѣтникъ и сенаторъ, не занималъ еще высшей степени въ Государственныхъ сановникахъ, но Государь опредѣливъ совершеніе коронованія своего въ Апрѣлѣ 1797 года, назначилъ его быть верховнымъ маршаломъ Коронаціи, а оберъ-церемоніймейстера Валуева верховнымъ церемоніймейстеромъ въ Коронаціонной Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Князя. (***)

Московское дворянство и купечество предложили отъ себя сумму на сооруженіе тріумфальныхъ воротъ для ожидаемаго въѣзда Государя въ Москву. Импера-

---

(*) О родѣ Князей Юсуповыхъ. Час. 2-я, стр. 410.

(**) Изъ Рескрипта къ Князю Николаю Борисовичу отъ 23-го Декабря 1796 г. видно, что по бывшей печальной Коммисіи погребенія Императрицы (и перенесенія праха Императора Петра III-го) расходы простирались до 188,820 р. ассиг. (около 54,000, на серебро по нынѣшнему курсу).

(***) Мы увидимъ, что Князю Николаю Борисовичу суждено было занимать эту же должность еще при двухъ послѣдующихъ Коронаціяхъ: въ 1801 и 1826 году.

торъ поручилъ Князю Николаю Борисовичу за усердіе ихъ выразить имъ Монаршую *признательность* и *благодарность.* (*)

Между тѣмъ, какъ драгоцѣнныя вещи, необходимыя для торжества Коронованія, хранились въ Императорскомъ Эрмитажѣ, вѣроятно по этому случаю и самый Эрмитажъ былъ Высочайше порученъ въ вѣденіе Князя запискою.

Въ самый день Коронованія, 5-го Апрѣля, 1797 года, Князь былъ пожалованъ орденомъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго. Въ грамотѣ было сказано: «*желая доказать предъ свѣтомъ нашу благодарность*» за труды, подъятые вами, пожаловали Мы васъ, и пр.

Театры оставлены подъ управленіемъ Князя Николая Борисовича и иногда самъ Императоръ въ запискахъ къ нему означалъ піесы, какія желалъ видѣть по своему вкусу и выбору, напримѣръ: *Философъ, не зная о томъ*, *Лжецъ*, *Любовь Баярда*, *Нина*, балетъ *Андромеда.*—Павелъ I-й въ особенности любилъ маленькія оперетки; ему очень нравился водевиль: «*Ратонъ и Розетта*», который онъ желалъ видѣть нѣсколько разъ.

Въ концѣ 1798 г. по воспріятіи Государемъ поднесеннаго ему Мальтійскими Кавалерами титла Великаго Магистра, Князь Николай Борисовичь, возведенный уже въ чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Высочайшею грамотою былъ причисленъ къ кавалерамъ

(*) Слова почти *однозначительныя*, но кажется употреблены одно— для передачи дворянству, другое купечеству.

державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, пожалованъ Командоромъ, *и, во уваженіе его рода и предковъ*, дозволено ему учредить Командорство своего имени.

Еще въ 1785 г. Императрица Екатерина Великая Всемилостивѣйше жалованною грамотою Дворянству (*) —постановила: составить книги о дворянскихъ родахъ. Это дало поводъ Князю Николаю Борисовичу, бывшему тогда въ чужихъ краяхъ, обратиться чрезъ своего повѣреннаго въ вотчинную Коллегію для провѣрки старинныхъ актовъ и пополненія свѣденій о предкахъ его. Вотчинная Коллегія, по сношенію съ архивомъ иностранной коллегіи, гдѣ хранились дѣла бывшаго Посольскаго и Разряднаго Приказовъ, выдала Князю завѣренную выписку изъ старыхъ дѣлъ и вотчинныхъ книгъ, которая вмѣстѣ съ древними фамильными актами послужила основаніемъ настоящаго собранія свѣденій о родѣ Князей Юсуповыхъ, внесенномъ въ III-ю часть утвержденнаго Императоромъ Павломъ Гербовника, съ изображеніемъ Герба, Высочайше дарованнаго Князьямъ Юсуповымъ. (**) Съ сего времени Николай Борисовичь, который нерѣдко подписывался, какъ и предки его со времени Князя Дмитрія Сеюшевича, *Князь Юсуповъ-Княжево*, отмѣнилъ старинную форму подписи. Потомки Юсуфа, тогда уже два вѣка усыновленные вѣрою новому отечеству ихъ, имѣли довольно заслугъ, чтобы не опираться болѣе на древнее ихъ происхожденіе отъ Султановъ и считать только съ Юсуфа свою родословную; впрочемъ это не мѣшаетъ исто-

---

(*) 21-го Апрѣля, въ день своего рожденія.

(**) На стр. 412, *2-й части* помѣщено подробное описаніе Герба Князей Юсуповыхъ.

ріи вступить въ свои права и обнаружить то, что открывается въ историческихъ свидѣтельствахъ.

По званію Президента Мануфактуръ-Коллегіи (въ 1797 г.) Князь способствовалъ къ усовершенію разныхъ искуственныхъ работъ, равно и по управленію шпалерною мануфактурою, фарфоровымъ и стеклянымъ заводами.

Въ Ноябрѣ 1800 г. Государь самъ обозрѣвалъ оба сіи завода, и, замѣтя съ удовольствіемъ порядокъ и устройство во всѣхъ частяхъ, засвидѣтельствовалъ признательность свою рескриптомъ Князю Николаю Борисовичу.

Князь съ своей стороны поставилъ себѣ въ обязанность отдавать справедливость заслугамъ своихъ подчиненныхъ. (*)

Въ тоже время (въ Ноябрѣ 1800 г.) Князю повелѣно быть Министромъ Департамента Удѣловъ, сохраняя управленіе Мануфактуръ-Коллегіею.

По начальству надъ театрами Князь завѣдывалъ и составленіемъ спектаклей при Высочайшемъ Дворѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна, заботясь о доставленіи пріятнаго развлеченія Августѣйшему Супругу своему, въ день его Тезоименитства, 29-го Іюня, устроивала небольшой спектакль въ Павловскомъ саду, на от-

---

(*) Напримѣръ: для Коллежскаго Совѣтника Фигнера, завѣдывавшаго подъ начальствомъ его фарфоровымъ и стекляннымъ заводами, Князь испросилъ въ пожизненный пенсіонъ 2,200 р. соразмѣрно жалованью, получаемому Фигнеромъ по обоимъ мѣстамъ.

крытомъ воздухѣ, совѣтовалась съ Княземъ о выборѣ піэсъ и пригласила его быть зрителемъ. «Надѣюсь, Князь, писала она, (*) что вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе быть въ числѣ нашихъ 29-го Іюня, и тогда я буду благодарить васъ лично за ваше обязательное стараніе, какъ теперь заочно—сими строками.»

По главному начальству Государыни надъ воспитательными домами, Она, изыскивая средства къ умноженію способовъ содержанія ихъ, ходатайствовала, чтобы изъ суммъ по сборамъ за входъ въ театры, *десятая часть сбора* всегда отсылалась въ казну, въ пользу Воспитательнаго Дома, что и было утверждено Государемъ, и о данномъ имъ повелѣніи въ Февралѣ 1798 г. послѣдовалъ Рескриптъ Князю Николаю Борисовичу. (**)

При восшествіи на престолъ Императора Александра I-го Князь снова назначенъ быть Верховнымъ Маршаломъ въ Коммисіи о Коронаціи. 15-го Сентября 1801 г. юный Императоръ, прекрасный какъ радость, стоялъ въ Успенскомъ Соборѣ, благоговѣйно внимая вдохновенной рѣчи Московскаго Митрополита Платона, раскрывавшаго предъ нимъ все бремя высокихъ его обязанностей, остерегая отъ ласкательствъ и ухищреній, часто окружающихъ троны. Многіе блѣднѣли при сей рѣчи, но прямодушный Маршалъ былъ въ восторгѣ, и Государь въ самый день своего Коронованія почтилъ его *алмазными знаками* ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

(*) Подлинное письмо на французскомъ. Часть 2-я. стр. 291.

(**) Часть 2-я, стр. 298.

Обращая вниманіе на недостатокъ въ удѣльныхъ селеніяхъ *школъ, богадѣленъ* и *больницъ*, Князь вошелъ по сему предмету съ представленіемъ, по которому и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы мастерскія, устроенныя въ удѣльныхъ селеніяхъ для выдѣлки солдатскихъ суконъ, предоставлены были тѣмъ же селеніямъ, для помѣщенія въ нихъ школъ, богадѣленъ и больницъ, а по предмету выпуска крестьянъ въ купечество и мѣщанство, повелѣно не возвышать платы, чтобы не стѣснять дарованной имъ свободы.

Въ 1804 г. Князь, по разстройству его здоровья, былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности, до выздоровленія, съ дозволеніемъ ѣхать съ чужіе краи.

Раскажемъ здѣсь происшествіе, случившееся во время пребыванія Князя въ Парижѣ. Когда онъ прибылъ туда и былъ принятъ при дворѣ Наполеона I-го со всѣмъ почетомъ, соотвѣтственнымъ его высокому значенію, Наполеонъ, показывая особенное уваженіе къ нему, предоставилъ ему право присутствовать при всѣхъ спектакляхъ, въ императорской ложѣ, благосклонность, которою дотолѣ пользовались однѣ владѣтельныя особы царственнаго рода.—Въ одинъ вечеръ, когда Князь Николай Борисовичь прибылъ въ театръ, придверникъ ложи, предполагая ошибку, остановилъ его вопросомъ: *«вы Король?»—Нѣтъ*, отвѣчалъ съ достоинствомъ Николай Борисовичь, *«Я Русскій Князь»*—и придверникъ, почтительно поклонясь, отворилъ императорскую ложу.

Предъ отъѣздомъ изъ Парижа, Князь испрашивалъ отпускной аудіенціи и былъ допущенъ немедленно. Послѣ аудіенціи Наполеонъ прислалъ ему на память двѣ

великолѣпныя фарфоровыя вазы, старой Севрской выдѣлки, до сихъ поръ находящіяся въ петербургскомъ домѣ Князя Юсупова, и въ той же комнатѣ красуются три гобеленовскіе ковра, представляющіе охоту Мелеагра и изображенія французскихъ Принцевъ, подаренные Князю Людовикомъ XVIII-мъ.

1812 г. засталъ Князя Николая Борисовича въ Москвѣ. 14 Августа учреждены были два комитета: одинъ для вооруженія Московской военной силы, другой по распоряженіямъ для продовольствія войскъ въ Москвѣ, и въ семъ послѣднемъ назначено быть присутствующимъ Князю Н. Б. Юсупову; (*) по вторженіе непріятелей разстроило собранія Комитета. Жребій Москвы былъ рѣшенъ: Русская армія отошла къ Тарутину. (**)

Въ мѣстѣ пребыванія Князя преграждены были пути сообщенія съ Москвою, гдѣ находился старинный, родовой домъ его, подаренный еще дѣду его Императоромъ Петромъ Вторымъ, (***) а за сто верстъ отъ Москвы свѣтилось ея зарево.

Тревожное чувство овладѣло душою старца, сѣтующаго о бѣдствіяхъ родины. Не имѣя обстоятельнаго извѣстія изъ Москвы, Князь Николай Борисовичь обратился съ письмомъ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, надѣясь получить отъ пей вѣрнѣйшія свѣденія. Пребываніе ея тогда было въ Ярославлѣ. Вели-

(*) Част. 2, стр. 411.—Списокъ Указа Сенату, въ бумагахъ Князя, завѣренъ Графомъ Растопчинымъ.

(**) *Ta routine a deroutė Napoleon*—говорили о славномъ отступленіи Кутузова, и это вскорѣ вошло въ поговорку.

(***) У Харитонія въ Огородникахъ, близь Красныхъ воротъ.

кая Княгиня (*) немедленно отвѣтила ему, (**) и съ живѣйшимъ участіемъ ея любви къ отечеству, извѣстила Князя о счастливой битвѣ Генерала Милорадовича подъ Вязьмою, что Русскія войска преслѣдуютъ непріятелей по Смоленской дорогѣ, захватывая обозы, артиллерію и большое число плѣнныхъ; что въ тоже время отряду Чичагова сдался одинъ изъ польскихъ полковъ, Витгенштейнъ возвратилъ Витебскъ, и между тѣмъ устроиваются новые полки, и черезъ два мѣсяца составится новая восьмидесятитысячная Русская армія; непріятели же отступаютъ поспѣшно по всѣмъ направленіямъ. Письмо это еще замѣчательно поясненіемъ, что Москву *подожгли непріятели*, и это свидѣтельствовали письма самихъ Французовъ, перехваченныя казаками.—(***) Князь читалъ всѣмъ и перечитывалъ письмо Великой Княгини, исполненное глубокимъ чувствомъ Русскаго сердца.

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны Князю Николаю Борисовичу выражаютъ вполнѣ тѣ высокія душевныя свойства незабвенной Государыни, которыя содѣлывали ее образцемъ добродѣтели въ царственномъ семейномъ кругу. Письма сіи, большею частію на французскомъ языкѣ и собственноручныя, вообще отличаются искреннею, очаровательною привѣтливостію.

(*) Впослѣдствіи Королева Виртембергская.

(**) На другой же день, послѣ полученія его письма.

(***) Это поясненіе, обращающее вину Московскаго пожара на Французовъ *«по собственному ихъ признанію»*—подтверждается и *Правдой о пожарѣ Москвы*, Графа Растопчина. Впрочемъ самъ онъ, предавъ пламени свое село Вороново, показалъ примѣръ, что и Русскіе предавали огню жилища свои, лишь бы они не доставались непріятелю.

Послѣ 1812 года, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ писемъ Императрицы Маріи Θеодоровны къ Князю Николаю Борисовичу, было присланное вначалѣ 1813 года; это выраженіе чувствъ ея любви къ Россіи, къ вѣнценосному Сыну, Освободителю Отечества, но еще болѣе, это голосъ душевной благодарности къ Божію Промыслу. «*Мы прошли, Князь, чрезъ жестокія и тяжкія испытанія,* писала Государыня, *но если рука Божія отяготѣла надъ нами на нѣсколько минутъ, то Его милосердіе, Его благословеніе много превзошли Его наказаніе. Онъ уничтожилъ нашихъ враговъ, Онъ спасъ нашу Имперію, Онъ благословилъ постоянство, твердость Императора, усилія нашего прекраснаго и добраго народа, непобѣдимое мужество нашихъ воиновъ и никогда слава Россіи не была болѣе и единодушнѣе всѣми признана. Благословимъ Высочайшее Существо и заслужимъ благодѣянія Его нашею глубокою благодарностію!*»

Императрица также выразила радость о сохраненіи отъ опустошенія Княжеской подмосковной. Прекрасная вилла «*Архангельское*», находящаяся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы свидѣтельствуетъ, что вкусъ Князя Николая Борисовича распространялся на всѣ отрасли художественныхъ произведеній. Это увеселительное загородное жилище окружено очаровательнымъ садомъ, расположеннымъ рукою великаго художника, вмѣщаетъ болѣе двухъ тысячь померанцевыхъ деревъ, галлерею древнихъ мраморныхъ статуй, фонтаны, и можетъ дать вѣрное понятіе о лучшихъ италіанскихъ виллахъ, приводящихъ въ справедливое удивленіе посѣтителей и оставляющихъ въ воспоминаніи ихъ неизгладимое впечатлѣніе. Пристроенный къ главному фасаду театръ съ

декораціями, писанными славнымъ Гонзаго, служилъ благороднымъ развлеченіемъ для Князя, который содержалъ драматическую труппу, отчасти изъ иностранцевъ, выписанныхъ съ значительными издержками изъ Италіи. — Библіотека въ Архангельскомъ состоитъ изъ *тридцати* тысячь томовъ, между которыми до 500 элзевировскихъ изданій. Эта библіотека украшается еще превосходно сохранившеюся Библіею 1462 г., современною началу книгопечатанія.

Въ 1813 г. по ходатайству Князя Н. Б., бывшаго тогда однимъ изъ старшинъ Московскаго Благороднаго собранія, Императрица Марія Θеодоровна съ согласія Государя Императора спѣшила доставить способы къ возобновленію дома собранія, назначивъ выдачу суммы изъ Опекунскаго Совѣта въ ссуду на отстройку сего зданія. «Это возстановленіе, писала она, я принимаю предвѣстіемъ возвращенія членовъ собранія въ древнюю столицу и постепеннаго ея воскрешенія изъ пепла».

Государынѣ прискорбно было услышать, что воспитательныя ея учрежденія много потерпѣли, но, зная порядокъ, который Князь Н. Б. умѣлъ вести во всѣхъ дѣлахъ, она была убѣждена, что при дѣятельности Князя они скоро возстановятся въ прежнемъ, счастливомъ состояніи.—Послѣдствія вполнѣ оправдали надежды Императрицы.

Многое въ самомъ Кремлѣ представляло необходимость къ возобновленію. Для сей цѣли Князь Николай Борисовичь Высочайше назначенъ былъ Главноуправляющимъ экспедиціею Кремлевскихъ строеній и Московскою Оружейною Палатою. Ему поручено было возстановленіе Дворца и новое устройство Оружейной Па-

латы, драгоцѣннаго хранилища отечественныхъ воспоминаній.

Извѣстія о быстромъ возстановленіи Москвы, возродившейся, какъ фениксъ, изъ пепла, изумляли Европу и привлекали въ Москву многихъ изъ иностранныхъ Принцевъ. Во время пребыванія въ Москвѣ съ 1816 г. наслѣднаго Саксонскаго Принца Карла, Князь Николай Борисовичь принялъ его съ такимъ радушіемъ и усердіемъ, что не только Принцъ, по возвращеніи изъ Москвы, благодарилъ его признательнымъ письмомъ, но и сама Императрица Марія Θеодоровна свидѣтельствовала Князю свою благодарность въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, со всею сродною ей привѣтливостію.

30 Августа 1816 г. Князь былъ пожалованъ орденомъ Св. Владиміра первой степени.

Вскорѣ Дворъ посѣтилъ Москву и блистательные вечера въ домѣ Князя остались надолго въ воспоминаніи Московскихъ жителей.

Въ Іюлѣ 1818 г. по желанію Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Августѣйшей супруги Императора Александра 1-го, Князь Николай Борисовичь доставилъ ей чертежъ и рисунки украшеній ея уборной въ Московскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ. Вскорѣ онъ имѣлъ счастіе получить самый благосклонный рескриптъ отъ Ея Величества, предъ отбытіемъ ея на нѣсколько мѣсяцевъ въ Германію. При выраженіи ея признательности за его внимательность, здѣсь видно ея участіе и соболѣзнованіе о постигшемъ Князя семейномъ прискорбіи, наконецъ видно свидѣтельство, какъ пріятно было для Императрицы воспоминаніе жителей Москвы,

гдѣ постоянное усердіе Князя умножалось удовольствіемъ пребыванія Государыни.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Князь доставилъ виды Московскаго Кремля. Благодаря его, Императрица писала, что мысль ея часто обращается на прекрасные кремлевскіе виды и что это собраніе для нея драгоцѣнно. «Воспоминаніе о моемъ пребываніи въ Москвѣ, говоритъ она далѣе, составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ эпохъ въ моей жизни.» Желая когда нибудь перенестись туда снова, Она просила сохранить о ней доброе воспоминаніе, а всѣхъ, которые вспомнятъ объ ней, увѣрить, «что она очень тронута чувствами, встрѣченными въ Москвѣ, и отвѣчаетъ имъ душевною привязанностію.»

Въ 1821 г. внукъ Императрицы Великій Герцогъ Мекленбургскій пріѣхалъ въ Москву. При семъ случаѣ Императрица Марія Ѳеодоровна писала Князю, что для Герцога—«*праздникъ видѣть Москву*» и что поручаетъ его дружбѣ и попеченіямъ Князя. «Вы должны бы пріѣхать къ намъ нынѣшнимъ лѣтомъ,—пишетъ она въ заключеніе,—для меня большое удовольствіе показать вамъ Павловскъ.»

Въ 1823 г. Князь получилъ назначеніе быть членомъ Государственнаго совѣта.

По кончинѣ Александра Благословеннаго, Князь Николай Борисовичь въ 1826 г. назначенъ быть верховнымъ Маршаломъ при коронованіи новаго Государя. Такимъ образомъ ему суждено было занимать эту должность *при трехъ Коронаціяхъ:* въ 1797, Апрѣля 5 — Императора Павла 1-го, въ 1801, Сент. 15,—Императора Александра 1-го, и въ 1826 Августа 22,—Импе-

ратора Николая 1, три раза—въ теченіе *двадцати девяти лѣтъ*—быть распорядителемъ всѣхъ пріуготовленій и порядка торжественнаго и священнѣйшаго обряда вѣнчанія на царство полсвѣтной Имперіи, послѣдовательно *трехъ Монарховъ*; и присутствіе его при послѣдней Коронаціи было живою проповѣдью временности земнаго величія!

Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Князю въ Августѣ 1828 г. о доставленіи казеннаго помѣщенія придворному пѣвчему Олейникову, отправляемому въ Москву для преподаванія уроковъ пѣнія въ Московскихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, при должности регента пѣвчихъ въ церкви Кремлевскаго Дворца, (*) нельзя читать не бывъ глубоко тронутымъ, видя, съ какимъ живымъ и теплымъ участіемъ Мать Александра Благословеннаго заботилась о благосостояніи послѣдняго изъ своихъ подчиненныхъ. Князь немедленно приказалъ отвести помѣщеніе Олейникову, но Государыня при отъѣздѣ Олейникова изъ Петербурга, благоволила еще новымъ письмомъ поручить его покровительству Князя, и это было—послѣднее ея письмо, за нѣсколько недѣль до ея кончины.

Въ 1830 г. Князь Николай Борисовичь имѣлъ рѣдкое счастіе праздновать *пятидесятилѣтіе* своей службы, всегда дѣятельной, всегда вполнѣ цѣнимой признательностію Монарховъ Россіи. Грамота изъ Капитула на пожалованный ему знакъ отличія, съ надписью: L — была скрѣплена по обязанности Церемоніймейстера сыномъ его, Княземъ Борисомъ Николаевичемъ, управляв-

---

(*) Именуемой: *Спасъ за золотою рѣшеткою.*

шимъ Экспедиціею знака отличія безпорочной службы. И въ отчетливой, необыкновенно тщательной подписи его подъ грамотою, нельзя не замѣтить его душевнаго участія, его усердія—къ отцу.

Князь Николай Борисовичь, достигнувъ 80-го года жизни, скончался 15 Іюля 1831 г., и погребенъ возлѣ своей Родительницы, въ своемъ подмосковномъ селѣ Спасскомъ, куда благодарные ему крестьяне удѣльнаго вѣдомства принесли гробъ его на плечахъ.

Его необыкновенный умъ, глубокія и разнообразныя свѣденія и блестящее образованіе пріобрѣли ему извѣстность во всей Европѣ.—Въ отечествѣ онъ на долговременномъ, полувѣковомъ поприщѣ его службы снискалъ довѣренность и уваженіе четырехъ Государей и былъ достойнымъ представителемъ блистательнаго царствованія Екатерины Великой. (*)

(*) Сношенія съ нимъ его Государей были исполнены самымъ искреннимъ благоволеніемъ, что особенно видно изъ писемъ къ нему Императрицы Екатерины II-й и Маріи Θеодоровны. Онъ достигъ высшихъ степеней Государственнаго Сановника. Верховный Маршалъ при трехъ коронаціяхъ, и еще при Екатеринѣ чрезвычайный Посланникъ при Сардинскомъ Дворѣ, въ Римѣ, въ Венеціи и Неаполѣ, Министръ Департамента Удѣловъ при Императорахъ Павлѣ и Александрѣ, онъ въ последнее время своей жизни былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, Главноуправляющій Кремлевскою Экспедиціею дворцовыхъ строеній, Главноначальствующій Оружейною Палатою и театральными зрѣлищами, кавалеръ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго съ алмазными знаками, Св. Александра Невскаго и 1-й степени Св. Владиміра, Польскаго Бѣлаго Орла и другихъ иностранныхъ орденовъ, и Командоръ большаго креста державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

КНЯГИНЯ

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ЮСУПОВА,

УРОЖДЕННАЯ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

РОД. 1769 ГЕНВ. 1.—СКОНЧ. 1841 МАЯ 23.

Однимъ изъ украшеній Двора Императрицы Екатерины Второй, и въ самое блистательное время (1780—1790) были сестры Энгельгардтъ, племянницы знаменитаго Князя Потемкина—Таврическаго. Прелестныя и обворожительныя, каждая въ особенности, онѣ, по очарованію красоты и любезности ихъ, могли быть поставлены въ сравненіе съ племянницами Мазарина (Манчини) при Дворѣ юнаго Людовика XIV.—Старшая сестра была Графиня Браницкая, другая—Княгиня Голицына, третья—Графиня Скавронская (впослѣдствіи супруга Графа Литты) и младшая изъ нихъ—та, имени которой суждено было украсить родословіе Князей Юсуповыхъ.

Татьяна Васильевна Энгельгардтъ, родившаяся 1 Января 1769 г., была восхитительна съ самаго своего дѣтства. Ей было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда Императрица Екатерина Великая, желая приблизить ее къ Себѣ, наименовала ее фрейлиной своего Двора.

Герцогиня Кингстонъ, Графиня Варчь, не менѣе славная умомъ и красотою, какъ и безчисленными странностями, прибыла въ Россію изъ Англіи на яхтѣ, бли-

ставшей золотомъ, пурпурными завѣсами, представлявшей чудо искуства, великолѣпія и вкуса. Пышное убранство въ обширномъ внутреннемъ помѣщеніи, палуба, превращенная въ роскошный садъ, гдѣ восхитительное пѣніе птицъ и стройные звуки арфъ сливались съ благоуханіемъ цвѣтовъ, и притомъ вездѣ образцы живописи и ваянія, все показывало изящный вкусъ волшебной обитательницы этого плывущаго Дворца. Герцогиня, при всей ея красотѣ была уже въ лѣтахъ, приближавшихся къ осени жизни, а молодая фрейлина Энгельгардтъ присоединяла къ своей очаровательной красотѣ прелесть пятнадцатилѣтняго возраста. Обѣ онѣ почувствовали одна къ другой живѣйшее влеченіе. Это дружеское сочувствіе возрастало болѣе и болѣе, и наконецъ Герцогиня, съ согласія Императрицы, предложила молодой Энгельгардтъ сдѣлать ее единственною своею наслѣдницею, если она пожелаетъ сопутствовать ей въ Англію. Но чтобъ вполнѣ наслаждаться дружбою Герцогини, открывавшей ей объятія материнской любви и предоставлявшей въ ея распоряженіе всѣ очарованія своего богатства, молодой Энгельгардтъ надлежало покинуть свою Государыню, искренно ее любившую, оставить своихъ родныхъ, отечество, промѣнять, такъ сказать, часть своего сердца на милліоны,—это было невозможно для ней,—и она осталась при Дворѣ Екатерины, гдѣ вскорѣ (1785) вышла замужъ за бывшаго въ родствѣ съ ея знаменитымъ дядею, Михаила Сергѣевича Потемкина. Императрица сама убирала невѣсту къ вѣнцу и привѣтствовала молодыхъ супруговъ.

Отъ этого брака Татьяна Васильевна имѣла двухъ дѣтей. (*) Но вскорѣ бѣдственный случай лишилъ ее

(*) Дочь: Екатерину Михайловну, крестницу Императрицы Екатерины

супруга (при переправѣ его чрезъ рѣку), и невыразима была скорбь ея.

Съ тѣхъ поръ она жила въ уединеніи, изъ котораго только Императрица, и то, по прошествіи пяти лѣтъ, могла вызвать ее. Ея появленіе снова при Дворѣ представило ей много случаевъ замѣтить Князя Николая Борисовича Юсупова, котораго она прежде не знала лично, прибывшаго тогда въ С. Петербургъ изъ чрезвычайнаго Посольства своего въ Италію. — Блистательныя достоинства Князя соотвѣтствовали ея мыслямъ, и при участіи общей ихъ Августѣйшей Покровительницы въ 1793 году былъ заключенъ ихъ союзъ. Разность лѣтъ не была замѣчена, когда оба они въ опытномъ знаніи людей и свѣта не охладѣли сердцемъ, но почерпнули проницательность, усиливающую сочувствіе и пріязнь. Въ слѣдующемъ году (9 Іюня 1794) родился Князь Борисъ Николаевичь, котораго воспитанію Княгиня Татьяна Васильевна рѣшилась совершенно себя посвятить.

Послѣ ея супружества склонность ея къ уединенію не покидала ее; принадлежа къ свѣтскому кругу, она сколько возможно болѣе отстранялась отъ его удовольствій. Въ замѣнъ того, въ гостиной ея соединялось общество не многочисленное, но избранное; тамъ поочередно появлялись современныя ей знаменитости, артистическія и литературныя. Державинъ, этотъ великій народный поэтъ, былъ однимъ изъ привычныхъ ея гостей и однажды, увидѣвъ спящимъ въ колыбели ея

Великой, нынѣ Графиню Рибопьеръ и кавалерственную статсъ-Даму при Ея Величествѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, и Александра Михайловича Потемкина, нынѣ—Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

малютку, написалъ въ альбомъ Княгини стихи «Спящій Эротъ», а спустя десять лѣтъ (23 Генв. 1804) онъ еще прославлялъ въ стихахъ ея сердце, умъ и красоту, выражаясь, что веселье, убѣгающее отъ другихъ, постоянно живетъ у ней, и что, окруженная цвѣтами, она представляется Ангеломъ въ благоухающемъ храмѣ.— Тамъ же встрѣчали и знаменитаго народнаго баснописца Крылова, и Жуковскаго и Пушкина. Пріятность общества Княгини поддерживалась всегда и поставила ее въ первомъ ряду образованныхъ женщинъ ея вѣка.

Подъ сѣнію деревъ ея Петербургскаго сада наслаждалась природою юга и дочь Сибирскаго изгнанника, Прасковья Лупалова, та самая Параша-Сибирячка, столь извѣстная и во Франціи, по завлекательному расказу Графа *де Местра*.

Одушевленная необыкновенною рѣшимостію и мужествомъ, Параша прибыла въ Петербургъ въ 1804 году, для испрошенія помилованія своему изгнанному въ Сибирь отцу, и по особенной милости Провидѣнія нашла первый пріютъ, радушное гостепріимство, сострадательное вниманіе, попечительную заботливость и покровительство у Княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, находившей въ миломъ, кроткомъ лицѣ Параши что-то ангельское, напоминавшее ей о вдохновенныхъ произведеніяхъ Рафаеля.

Легко было бы прибавить многія подобныя черты къ сказанному, но это перешло бы предѣлы краткаго біографическаго очерка, почему и ограничимся указаніемъ необыкновеннаго ума Княгини въ дѣлахъ вообще и въ финансовыхъ вопросахъ въ особенности, въ которыхъ дорожили ея совѣтами. Она сама заботилась

объ управленіи своими имѣніями и умѣла умножать въ одно время и свои доходы и благосостояніе своихъ крестьянъ.

Иные относили къ ея скупости ея скромный образъ жизни, привычку къ простому столу и многолѣтнее отсутствіе всякой роскоши и изысканности въ нарядахъ. Но Княгиня дорожила деньгами по мѣрѣ, на сколько онѣ способствовали ей для выполненія какого-нибудь благороднаго стремленія сердца, и въ особенности для поощренія дарованій, для утѣшенія несчастныхъ и успокоенія страдальцевъ.

Однажды, Княгинѣ пришло въ мысль составить собраніе эмблеммъ и девизовъ; она просила ихъ отъ всѣхъ ее окружающихъ; каждый обязанъ былъ предложить какую-нибудь эмблемму и надпись, а Княгиня поручала вырѣзывать ихъ на сердоликахъ, ониксахъ и разныхъ дорогихъ камняхъ.

Въ другой разъ она вздумала собирать лучшіе изъ Европейскихъ бриліантовъ. Чрезъ нѣсколько времени въ числѣ своихъ драгоцѣнностей она пріобрѣла бриліантъ, по величинѣ и красотѣ его названный *полярною звѣздою*, серьги Маріи Антуанеты, алмазъ, именуемый la tete du belier (алдебаранъ) большой сапфиръ, разные солитеры и пр. Она впослѣдствіи присоединила къ нимъ славную жемчужную и алмазную діадему Королевы Неаполитанской, супруги Мюрата, и знаменитую жемчужину, извѣстную подъ именемъ *Перегрины*, которую Филиппъ II-й пріобрѣлъ въ 1620 г. за двѣсти тысячь р. Сіи алмазы, сіи девизы не были прихотью своенравія, но прекраснымъ воспоминаніемъ о Княгинѣ, которое она приготовляла для своихъ род-

ныхъ, и самое приготовленіе камеевъ и вырѣзываніе эмблеммъ доставляло работу даровитымъ художникамъ. Впрочемъ всѣ сіи блестящіе предметы были для ней мимолетнымъ занятіемъ и развлеченіемъ, тогда какъ дѣятельность ея въ благодѣяніяхъ была постоянна и неистощима. Видя опечаленныхъ, Княгиня помогала имъ и вещественно и нравственно. «*Милосердый Богъ*, говорила она, *посылаетъ намъ скорби для испытанія нашей вѣры и терпѣнія.*»

Смерть Княгини Татьяны Васильевны (23 Мая 1841) была горестною неожиданностію. Никто не замѣчалъ, что она достигла семидесяти двухъ лѣтъ, такъ еще умѣла сохранить она живость сердца, привлекательную, изящную любезность ума, очаровательную ласковость и искренность въ обхожденіи. Кромѣ родственниковъ и другихъ лицъ, безчисленная толпа обязанныхъ ею сопровождала ея погребеніе, (*) и цвѣты усыпали послѣдній путь на землѣ этой представительницы добра и великодушія.

(*) Княгиня Татьяна Васильевна похоронена въ томъ же притворѣ Александроневской Лавры, гдѣ и родственница ея, Герцогиня Курляндская.

КНЯЗЬ

БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮСУПОВЪ.

РОД. 1794, ІЮЛЯ 9.—СКОНЧ. 1849, ОКТ. 25.

Первоначальное воспитаніе Князь Борисъ Николаевичь получилъ въ домѣ родительскомъ, а потомъ провелъ нѣсколько времени въ пансіонѣ, которымъ завѣдывалъ въ Петербургѣ извѣстный аббатъ Карлъ Николь, впослѣдствіи бывшій Директоромъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея, и наконецъ по возвращеніи во Францію—Ректоромъ Парижской Академіи.

Выдержавъ экзаменъ (въ 1815 г.) въ Санктпетербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, Князь вступилъ въ службу (въ Августѣ 1815 г.) въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Его благородный, радушный характеръ, исполненный искренности, совершенно соотвѣтствовалъ видамъ непосредственнаго его начальника, Графа Капод'Истріа; но столкновенія съ мелочными происками расчетовъ и честолюбія нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ возмущали Князя и иногда вызывали съ его стороны колкія остроты и насмѣшки, возбудившія противъ него тайное недоброжелательство, а между тѣмъ и Графъ Капод'Истріа, призываемый обстоятельствами возвратиться въ свое отечество, Грецію, готовился къ отъѣзду. Все это могло сдѣлать для Князя менѣе при-

влекательнымъ поприще тогдашней его службы, и въ 1824 году онъ испросилъ отпускъ за границу.

Полтора года путешествовалъ онъ по Европѣ. По возвращеніи своемъ онъ Высочайше назначенъ былъ для сопровожденія изъ Бѣлева въ С. П. Бургъ тѣла въ Бозѣ почившей Императрицы Елизаветы Алексѣевны; вскорѣ пожалованный въ Церемоніймейстеры, онъ получилъ назначеніе быть членомъ Коронова льной Коммисіи Императора Николая I-го.

Не останавливаясь на описаніи различныхъ занятій Князя Бориса Николаевича по службѣ его въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ Министерствѣ финансовъ, скажемъ, что онъ находилъ соотвѣтственнѣе своему сердцу обязанность завѣрять усердное, долголѣтнее и безупречное выполненіе служебнаго долга чиновниками въ своемъ отечествѣ, и для сей цѣли восемь лѣтъ завѣдывалъ экспедиціею знака отличія безпорочной службы. Онъ не переставалъ преслѣдовать своими остротами всякое лицемѣріе, всякой по его мнѣнію несправедливый поступокъ, и можетъ быть этому должно приписать, что онъ невсегда успѣвалъ въ видахъ своей благородной борьбы.

Въ 1837 г. по прошенію своему онъ получилъ увольненіе отъ службы по указу Правительствующаго Сената.

Такой человѣкъ не могъ однакоже долго оставаться въ удаленіи отъ дѣятельности, и въ 1839 г., исполняя обязанности Гофмейстера при Высочайшемъ дворѣ, присутствовалъ и въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ званіи почетнаго опекуна, завѣдуя опекою вдовъ, сиротъ и питомцевъ Воспитательнаго дома въ С. П. Бургѣ. Въ

томъ же году Петербургское Дворянство избрало его уѣзднымъ своимъ Предводителемъ, а Царскосельское Дворянство своимъ представителемъ въ Петербургѣ.

Въ числѣ доходовъ, которыми распоряжаетъ Опекунскій Совѣтъ, находится и карточный сборъ. Князь Борисъ Николаевичъ призналъ необходимымъ произвести разныя улучшенія въ устройствѣ сей части, которыя могли бы увеличить и упрочить благодѣтельныя средства по вѣдомству Опекунскаго Совѣта. Его усердіе и заботливость, какъ по Опекунскому Совѣту, такъ и по званію члена Коммисіи объ улучшеніи положенія ремесленнаго и рабочаго класса пріобрѣли ему (1841—1849) многія и постоянно повторяемыя изъявленія Высочайшаго благоволенія.

По волѣ Императора Николая I-го, помнившаго его труды по званію члена Мануфактурнаго Совѣта и Коммисіи о ремесленникахъ, лѣтомъ 1849 г. Князь Борисъ Николаевичъ былъ назначенъ Главнымъ Директоромъ выставки промышленныхъ произведеній въ С. Петербургѣ. Срокъ опредѣленнаго времени для открытія выставки былъ коротокъ и должно было въ одно время озаботиться и приготовленіемъ мѣста для выставки, и всѣми распоряженіями по ея размѣщенію и открытію. Желая ускорить труды, Князь Борисъ Николаевичъ проводилъ цѣлые дни въ обширныхъ залахъ, загроможденныхъ вносимыми предметами, и среди толпы работниковъ, давая имъ приказанія по всѣмъ частямъ выставки. Здоровье его, уже разстроенное припадкомъ холеры, не могло на этотъ разъ вынести утомленія, при быстрыхъ перемѣнахъ сырости и холода. Не взирая на зловѣщіе признаки болѣзни, Князь не переста-

валъ распоряжаться работами до окончанія выставки, и, жертва своего усердія, подвергся тифозной горячкѣ, преждевременно похитившей его у отечества.

Истинный вельможа, онъ сохранялъ все достоинство своего сана съ равными ему, но—казалось—забывалъ себя передъ своими подчиненными. Онъ принималъ съ ласковымъ радушіемъ своихъ многочисленныхъ посѣтителей, находившихъ у него истинно-княжеское гостепріимство. Но, чтобъ быть допущеннымъ въ близкое къ нему общество, нужно было имѣть не столько почетное званіе, какъ благородное сердце. Друзья его друзей были обнадежены въ его благосклонномъ сочувствіи, а для подвластныхъ своихъ—онъ былъ отцемъ.

Не менѣе онъ былъ постояненъ въ знакомствахъ. Однажды, когда онъ имѣлъ честь принимать въ своемъ домѣ Императора Николая и Императрицу Александру Ѳеодоровну, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ пожелалъ видѣть списокъ приглашенныхъ имъ, для сличенія онаго съ полученнымъ отъ Двора. Князь сказалъ при этомъ, что онъ ни одного имени не исключитъ изъ своего списка, и примолвилъ: «*Когда я имѣю счастіе принимать у себя моихъ Государей, то желаю, чтобы и приближенные ко мнѣ могли участвовать въ этомъ счастіи.*»

Во время бѣдствія онъ не щадилъ ни своего здоровья, ни силъ—утѣшать страждущихъ; въ особенности воспоминаніе о немъ живетъ между его крестьянами и память о немъ благословляется ими. Учредивъ въ помѣстьяхъ своихъ достаточное число больницъ, снабженныхъ лѣкарствами при домашнихъ врачахъ и

аптекаряхъ, по наслѣдію человѣколюбивыхъ стремленій своего знаменитаго родителя, Князь былъ изъ небольшаго числа тѣхъ, которые успѣли крестьянамъ своимъ доставить немедленную помощь и удовлетворить всѣмъ нуждамъ народа при появленіи холеры, устрашившей Европу въ 1831 году. Извѣстно, что тогда значительная часть врачей раздѣляла общія опасенія; иные боялись приближаться къ своимъ больнымъ. Князь Борисъ Николаевичъ тогда ободрялъ ихъ своимъ примѣромъ, приглашалъ ихъ сопутствовать ему при обозрѣніи больницъ, и, такъ сказать, — идти на встрѣчу болѣзни.

Во время страшнаго неурожая, постигшаго Россію въ 1834—1835 году, когда рожь продавалась въ восемь разъ дороже обыкновенной цѣны, Князь прокармливалъ въ своихъ имѣніяхъ до *семидесяти тысячь* человѣкъ, и пожертвованіями своими, соединенными съ благоразумнымъ и заботливымъ управленіемъ, успѣлъ доставить своимъ подвластнымъ возможность вынести эту годину бѣдствій, не прибѣгая къ пособію Правительства; но, заботясь о благосостояніи ихъ, онъ имѣлъ попеченіе и о нравственности ихъ.

При воззрѣніи на столько частныхъ и общественныхъ добродѣтелей, можно сказать и въ наше время: «*Блажени умирающіе о Господѣ: они почіютъ отъ трудовъ своихъ и дѣла ихъ послѣдуютъ за ними*!» (*)

(*) Откровеніе Св. Евангелиста Іоанна Богослова, гл. XIV, ст. 13. Въ Славянск. текстѣ: «Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ отнынѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними.»

Князь Борисъ Николаевичъ былъ женатъ два раза. Первая супруга его была Княжна П. П. Щербатова, скончавшаяся въ 1820 г. Вторая супруга его — была Зинаида Ивановна Нарышкина.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ

О КНЯЗѢ БОРИСѢ ГРИГОРЬЕВИЧѢ ЮСУПОВѢ.

Считаемъ обязанностію отстранить нареканіе, недавно легкомысленно наброшенное поверхностнымъ взглядомъ на память Князя Бориса Григорьевича Юсупова, и по поводу статей о Ломоносовѣ повторенное въ разныхъ газетахъ и журналахъ, къ сожалѣнію найдя себѣ мѣсто въ общеполезномъ, достойномъ уваженія изданіи: «*Чтенія Московскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей*» (*).

Нельзя безъ удивленія читать нареканіе, перешедшее всѣ границы вѣроятія. Позволили себѣ говорить, что Князь Борисъ Григорьевичъ «объ руку съ Шумахерами помогалъ «*давить и притѣснять всѣ лучшія силы Русскаго народа.*»

По чѣмъ же доказывается это нареканіе на сановника, неусыпно заботившагося о благѣ Россіи: о первомъ ея разсадникѣ образованія юношей для воинскаго поприща (**), о дарованіи правъ Россійскому Дворянству, и о повсемѣстномъ распространеніи путей сообщенія въ Россіи, какъ это видно изъ собственноручныхъ его, оставшихся по немъ бумагъ.

Сочинитель статьи повидимому негодуетъ на Князя Бориса Григорьевича за арестованіе Ломоносова (въ 1743-мъ

(*) Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Статья г-на *Л*—го

(**) Давшемъ Румянцева, Мелиссино, Панина, и пр.

году). Но какъ бы поступлено было въ другое время съ молодымъ адъюнктомъ Академіи, только что произведеннымъ въ это званіе и уже оскорбляющимъ дерзостію и буйными поступками почти всѣхъ профессоровъ и даже иныхъ угроженіемъ побоями. — Девять профессоровъ свидѣтельствуютъ предъ слѣдственною коммиссіею его своеволіе и невоздержность, другіе лица подтверждаютъ донесеніе; но мало этого: призванный по троекратномъ вызовѣ въ слѣдственную, Высочайше учрежденную Коммиссію, онъ упорствуетъ дать отвѣтъ, смѣется въ глаза слѣдователю, который за нѣсколько лѣтъ былъ уже правителемъ Московской губерніи, а въ то время однимъ изъ самыхъ почетныхъ Государственныхъ сановниковъ, и по званію, и по заслугамъ. — Какой бы слѣдователь могъ оставить безъ взысканія подобные поступки? — И въ распоряженіи Князя Бориса Григорьевича не очевидны ли его благоразуміе и снисходительность при всемъ его полновластіи? Сколько надобно было имѣть твердости и великодушія, чтобъ перенести дерзость молодаго адъюнкта, тогда еще весьма далекаго отъ заслуженной своей знаменитости. Но дозволилъ ли себѣ Князь отвѣчать съ пылкостію на его оскорбленія? — Настаивалъ ли на необходимость строгаго наказанія? — Ничего подобнаго не было. Напротивъ того, изъ самаго снисхожденія къ молодому человѣку, Князь заботился только отнять у него возможность впасть въ бо̀льшій проступокъ и подвергнуться бо̀льшему взысканію: приказалъ его арестовать. — Но этотъ самый арестъ очевидно клонился къ уменьшенію строгости неизбѣжнаго взысканія, ко вмѣненію въ наказаніе, и въ докладѣ слѣдственной Коммиссіи Императрицѣ — Князь приведя по обязанности существующіе законы — не усомнился однакоже предоставить жребій молодаго человѣка милосердію Государыни, — и Ломоносовъ, чего можетъ быть не было бы въ другое время, былъ прощенъ «*ради довольнаго его обученія*» какъ сказано въ Указѣ (*)

(*) Замѣтимъ слова: «*ради довольнаго обученія.*» — Они могутъ относиться и

Гдѣ же здѣсь *притѣсненіе лучшихъ силъ Русскаго народа?* Самъ Ломоносовъ впослѣдствіи свидѣтельствуя глубокое уваженіе къ Князю Борису Григорьевичу подносилъ ему свои произведенія наравнѣ съ своими покровителями [1], и обязанъ былъ Князю же Борису Григорьевичу, что трагедія его *Тамира и Селимъ* въ 1751 году представлена была кадетами начальствуемаго Княземъ Юсуповымъ Корпуса, во Дворцѣ Императрицы [2].

Г-нъ Л. въ статьѣ своей: «*Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ* (стр. 3) упоминаетъ еще о письмѣ Князя Бориса Григорьевича къ Бирону, безъ всякаго указанія источника, откуда взято имъ это письмо, приписываемое Князю Б. Г. Юсупову, но по многимъ выраженіямъ [3] оно представляется весьма сомнительнымъ, и даже *невѣроятнымъ*, въ особенности при сравненіи съ другимъ письмомъ Князя къ Бирону, котораго сынъ, владѣтельный Герцогъ Курляндскій впослѣдствіи сдѣлался *зятемъ Князя Юсупова.*

По словамъ г-на Л—го Князь Борисъ Григорьевичъ былъ *однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ вельможъ въ Бироновщину.*»

Не въ Бироновщину, что вовсе противоположно истинѣ, ибо тогда Князь былъ только Московскимъ Губернаторомъ и Дѣйствительнымъ Камергеромъ, а въ царствованіе Елисаветы, когда онъ былъ Президентомъ Каммерцъ-Коллегіи, Главнымъ Директоромъ Кадетскаго Корпуса, Главнымъ Ди-

---

къ степени познанія Ломоносова, и отчасти намекать, что довольно взыскано за его проступокъ.

(1) Матеріалы къ Біографіи Ломоносова, изданные Академикомъ Билярскимъ, 1865 г.

(2) Камеръ-Фурьерскіе Журналы, 1751 г.

(3) Напримѣръ: «Припадая къ *Высочайшимъ* стопамъ Вашей *Высоко-княжеской* Свѣтлости, *рабственно ноги цѣлую*» и пр.—!!! Замѣтимъ, что Биронъ и не именовался *Княземъ*, а былъ *Герцогомъ*.

ректоромъ по устроенному Ладожскому каналу, Кавалеромъ обоихъ Россійскихъ орденовъ (Св. Александра Невскаго и Св. Апост. Андрея Первозваннаго) и сдалъ свое начальство надъ Корпусомъ Великому Князю, Петру Ѳеодоровичу. Вотъ время, когда онъ былъ замѣчательнѣйшимъ изъ Русскихъ вельможъ.

Еслибы не было очевидной ошибки въ придачѣ Бирону княжескаго титла вмѣсто *Герцогскаго*, то оставалось бы сказать, что и въ наше время условныя формы вѣжливости, даже въ отношеніяхъ высшихъ лицъ съ низшими, допускаютъ *преувеличенныя выраженія учтивости*. Вспомнимъ еще, что Биронъ тогда былъ всевластнымъ въ Россіи, и вскорѣ Регентомъ Имперіи, Правителемъ Государства.—Но и тутъ, для опредѣленія точной степени достовѣрности письма, нужно было бы сообразить, какъ относился Князь Борисъ Григорьевичь въ другихъ своихъ письмахъ къ Бирону?

Чтобы яснѣе видѣть, какъ мало основательности въ нареканіяхъ г-на Л—го, довольно указать на то, что онъ говоритъ въ отношеніи къ Ломоносову уже не о Князѣ Юсуповѣ, а объ Императрицѣ Екатеринѣ Великой.

По словамъ его мы узнаемъ, что «*Екатерина не любила Ломоносова.*»—Но событія этому противорѣчатъ. Повѣримъ однакоже, если увидимъ доказательства. Чѣмъ можетъ свидѣтельствоваться, что Государыня не любила Ломоносова?— Знаками ея немилости, гнѣвомъ, невниманіемъ, пренебреженіемъ?—Но Екатерина призывала Ломоносова въОраніенбаумъ для личнаго совѣщанія съ нимъ, поручала ему избрать изъ Русской Исторіи предметы для картинъ во Дворцѣ, пожаловала его чиномъ Статскаго Совѣтника, Сама заботилась о дарованіи ему пенсіи, что видно изъ Ея рескрипта къ Олсуфьеву (*). — Наконецъ Государыня, какъ извѣстно,

(*) Всѣ сіи подробности извлечены изъ матеріаловъ къ Біографіи Ломоносова, и изъ Русскаго Архива.

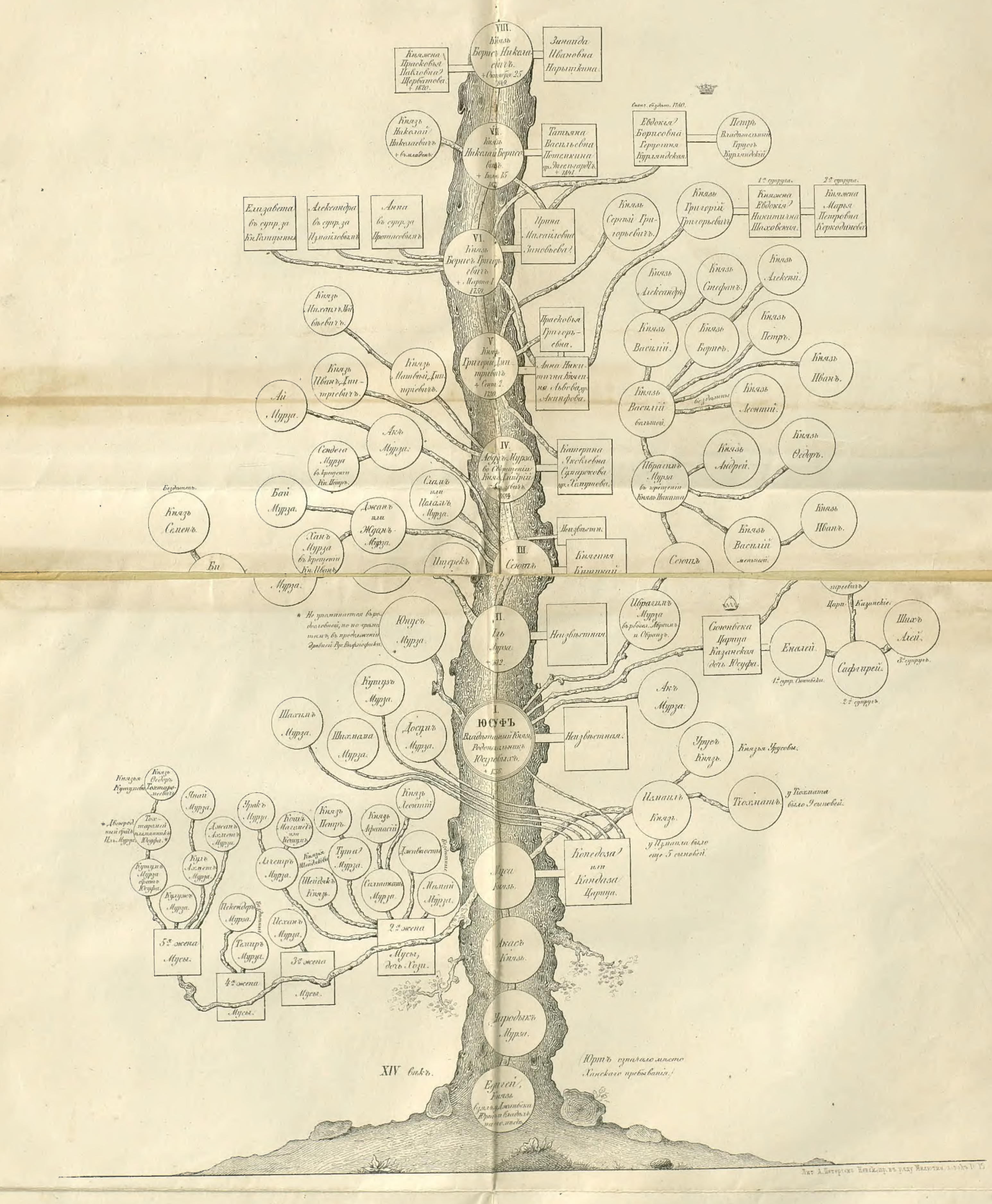
оказала Ломоносову честь, какой удостоивались немногіе изъ самыхъ приближенныхъ къ Ней высшихъ сановниковъ: посѣтила съ Княгинею Дашковою Ломоносова въ его домѣ, гдѣ бесѣдуя съ нимъ пробыла полтора часа Послѣ всего этого, сказаніе, что Екатерина не любила Ломоносова, становится смѣшнымъ для всякаго внимательнаго читателя, а отзывъ, что Князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ старался притѣснять всѣ лучшія силы Русскаго народа, становится жалкимъ!—Что будетъ, если станутъ такъ цѣнить государственныхъ дѣятелей въ Россіи, и перевертывать бѣлое на черное, а исторію на изнанку?

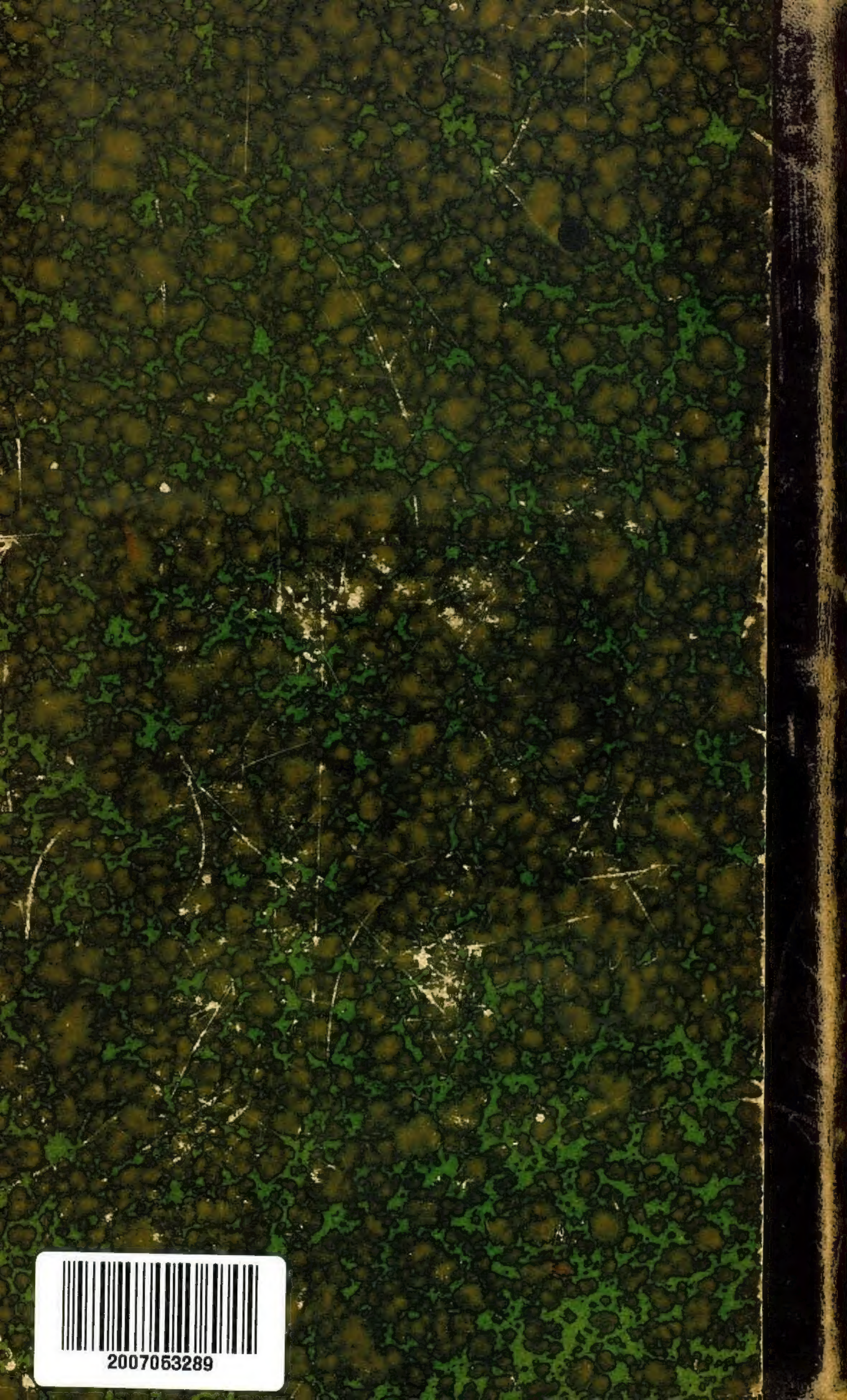
———

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-Й ЧАСТИ.

Родословіе Князей Юсуповыхъ

съ XIV вѣка.

2007053289